

ЕЛЕНА МАЙОРОВА

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Мария СПИРИДОНОВА, Лариса РЕЙСНЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена судьбам двух деятелей эпохи коренных преобразований России — Марии Спиридоновой (1884–1941) и Ларисы Рейснер (1895–1926). Едва ли эти женщины лично встречались в бурном потоке революционных событий, вращаясь в разных кругах и по-разному переживая одни и те же обстоятельства. Но именно взгляд с разных сторон позволяет вернее оценить судьбоносное революционное время. Мария Спиридонова смертельно ранила карателя, жестоко подавлявшего крестьянские бунты. Царский суд приговорил девушку к казни, но под воздействием общественного мнения виселицу заменили бессрочной каторгой. В 1918 году была одним из руководителей левоэсеровского мятежа. Мария Спиридонова пережила ссылку, бедность, предательство близких. Необыкновенная судьба была уготована Ларисе Рейснер. Умница, красавица она с юных лет участвовала в художественной жизни Петербурга, в ее честь Б. Пастернак назвал главную героиню романа «Доктор Живаго» Ларой. Женщина-комиссар из пьесы В. Вишневского — тоже Лариса… Неудачный роман с Николаем Гумилевым, не принявшим революцию, привел Ларису в лагерь большевиков. Ее назначили комиссаром Морского штаба. На флоте она стала женой Федора Раскольникова, который впоследствии получил известность благодаря обличающему открытому письму Сталину. Любовная связь Ларисы со Львом Троцким имела своим следствием получить новую должность комиссара разведотдела при его штабе и ссылку в Афганистан, когда Троцкий оказался в «опале». Рейснер и Раскольникову удалось расстроить планы Англии и добиться важных успехов на дипломатическом поприще.

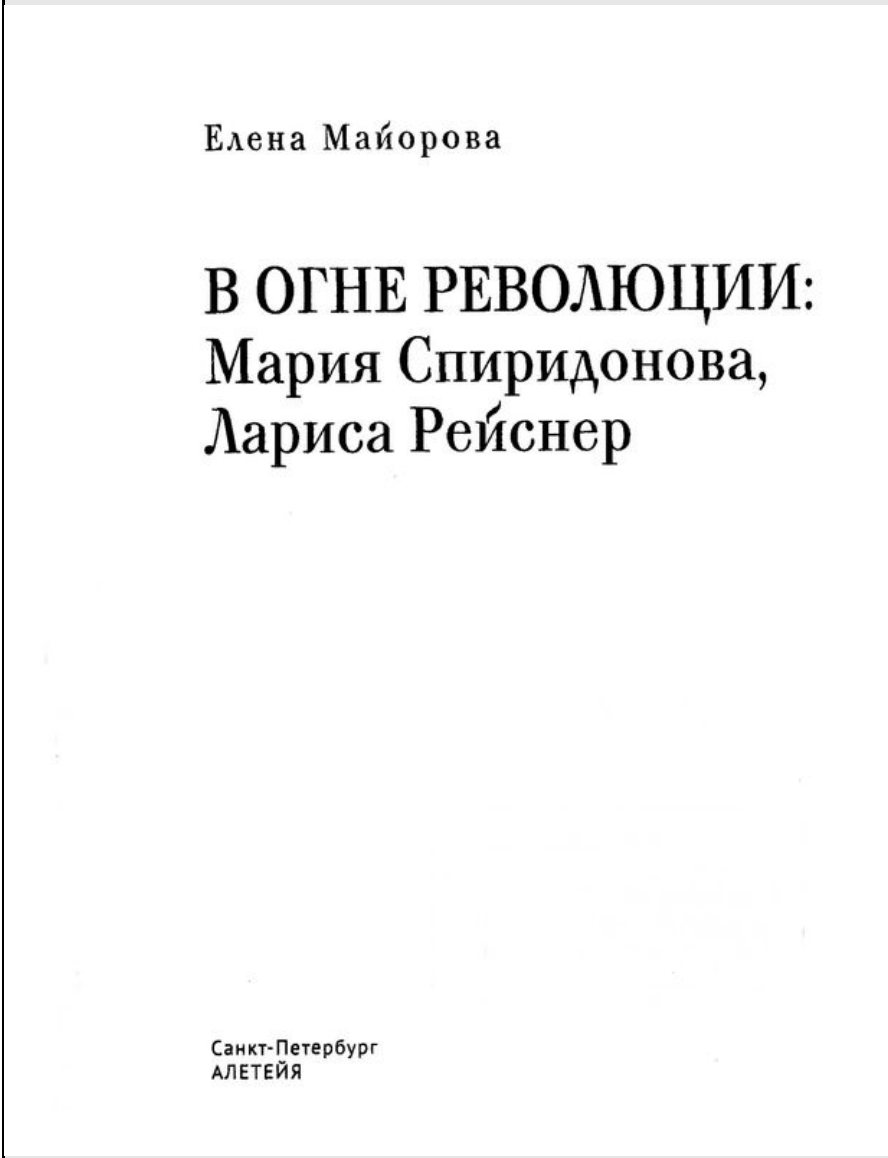
- Елена Майорова
  - Предисловие
  - Накануне
  - Террор
  - Покушение
  - В ожидании казни
  - Каторга
  - Женский круг
  - Вести с воли
  - Маруся в меняющемся мире
  - Союз с большевиками
  - Спиридонова и Учредительное собрание

        - Брестский мир и июльский «мятеж»
        - Преследования и аресты
        - Жизнь в ссылках
        - Последние муки
    - ЛАРИСА РЕЙСНЕР (1885–1926)
        - Предисловие
        - Детство
        - Подготовка к большой жизни
        - Литературные течения
        - Война и переворот
        - Богема
        - Роман всей жизни
        - Выбор цели
        - Лариса и Троцкий
        - Лариса — «замком по морде»
        - Кронштадтский мятеж
        - Лариса в Афганистане
        - Гибель Гумилева
        - Возвращение в Россию
        - «Красавица и чудовище»
        - Последние годы
        - После ее смерти
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

Елена Майорова
В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ
Мария Спиридонова
Лариса Рейснер

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ
Писалъ въ 1915 году въ Петроградѣ
ШУХАЕВЪ ВАСИЛІЙ

МАРИЯ СПИРИДОНОВА (1884–1941)

Предисловие

11 сентября страшного 1941 года, когда фашисты рвались к Москве и немецкие танки были уже на подступах к Орлу, недалеко от города, в Медведовском лесу, чекисты по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР без предварительного судебного разбирательства, спешно «ликвидировали» очередную партию «врагов народа». 157 заключенных Орловской тюрьмы НКВД СССР по обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были уничтожены.

Приговоренные «препровождались в особую комнату, где специально подобранные лица из числа личного состава тюрьмы вкладывали несчастному в рот матерчатый кляп и завязывали его тряпкой, чтобы его нельзя было вытолкнуть». Затем им зачитали приговор: «…подвергнуть высшей мере наказания — расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового». Эти подробности рассказал бывший начальника управления НКВД по Орловской области К.Ф. Фирсов.

Операция была проведена скрытно и тщательно. Сначала «врагов» заставили снимать дерн и подкапывать растущие деревья, потом отваливать их в одну сторону, чтобы получилась траншея. В образовавшуюся яму загнали заключенных и методично расстреляли. Деревья вернули на место, прикрыв корнями и дерном еще шевелившиеся тела, общую могилу старательно утрамбовали.

Среди казненных находились люди, близкие ко Льву Троцкому, — его бывший друг и секретарь Христиан Раковский[1], его сестра Ольга Бронштейн-Каменева, видные деятели науки: профессора Дмитрий Плетнев и Владимир Карпенко, тетка Булата Окуджавы Ольга Степановна, жена поэта Галактиона Табидзе, член ЦК партии эсеров Вадим Чайкин, Ф. И. Голощекин; один из лидеров левых эсеров Илья Майоров; активная деятельница ВЧК, затем наркомфин В.Н. Яковлева; советский политический деятель и дипломат С.А. Бессонов, писатель Бруно Ясенский, а также жены «врагов народа»: замнаркома обороны Я.Б. Гамарника, маршала А.И. Егорова, командарма И.П. Уборевича, командарма А.И. Корка и другие, — те, которых администрация Орловской тюрьмы и НКВД не сочли необходимым в отличие от уголовников эвакуировать в глубь страны.

В эту когорту смертников входила седая 57-летняя женщина — полуслепая, почти глухая и очень больная. Ее называли по-разному: «возлюбленная террора», «святая страдалица революции» «стальная женщина», «Жанна д'Арк первой русской

революции», «эсеровская богородица»… Она была одной из тех, кого до октября 1917 года называли «неистовыми борцами за народное счастье», и своей жизнью оставила глубочайший след в истории.

Судьба этой женщины много лет заботила деятелей международного рабочего движения, о ней хлопотала Клара Цеткин, ее одинаково ненавидели и боялись смертельно враждующие между собой Троцкий и Сталин, перед ее прямотой и убежденностью робел Ленин. Зато в киотах сельских изб, на месте, где полагалось висеть иконам, можно было увидеть ее портрет с горевшей перед ним лампадкой; мужики служили молебны об ее здравии. Она прошла путь от эсеровской террористки до лидера крупной политической партии, от члена высших органов власти до жертвы сталинских репрессий — таков крестный путь одной из самых противоречивых, трагических и вместе с тем трогательных фигур революции.

Ее звали Мария Александровна Спиридонова.

Много лет спустя, после реабилитации М.А. Спиридоновой в 1990-м по делу 1941-го, в 1992-го — по делам 1918-го, 1923-го, 1924-го, 1937-го годов были организованы поиски массового Медведовского захоронения с целью увековечить память погибших и поставить обелиск замученной режимом самоотверженной женщине. Но они оказались напрасными. Палачи так хорошо потрудились, что место расстрела и захоронения обнаружить не удалось. Однако на предполагаемом месте казни водружен памятный камень — память живых тем, кто боролся за счастье всего человечества.

Накануне

16 октября 1884 года в Тамбове, в семье дворянина, происходившего из «обер-офицерских детей», коллежского советника Александра Александровича Спиридонова и его жены Александры Яковлевны родилась дочь, получившая при крещении имя Мария.

Считается, что Тамбов всегда был провинциальным захолустьем. М.Ю. Лермонтов в своей поэме отзывался о нем пренебрежительно:

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые;
Там два трактира есть, один
Московский, а другой Берлин.
…
Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.

«Тамбовская казначейша», 1838

Уже в наше время присказка о «тамбовском волке» создала городу имидж не только дремучий, но и опасный. Но на городском флаге и гербе изображен не волк, как многие думают, а улей с пчелами: тамбовская земля когда-то славилась своими бортническими угодьями. Аграрная эта губерния была знаменита еще и черноземами, благодаря которым поместьями здесь владели именитейшие российские дворянские роды: Нарышкины, Строгановы, Волконские, Оболенские, Мусины-Пушкины, Воронцовы-Дашковы, Чичерины и др. С начала XIX века Тамбовская губерния стала одной из главных житниц Российской империи; значительное количество тамбовского зерна попадало за границу. На Десятую и Казанскую ярмарки в Тамбов ввозились самые разнообразные товары; вся центральная часть города на несколько дней превращалась в сплошной рынок.

Согласно статистическому описанию Тамбовской губернии,

составленному штабс-капитаном Кузьминым, в 1840-х годах (почти в то же время, когда написана «Казначейша») в Тамбове насчитывалось 45 улиц; в их числе 2 набережные (рек Студенца и Цны) и 8 переулков. Частных домов было 2332, из них 69 каменных; 7 трактиров, 5 харчевен, 3 гостиницы, 20 питейных домов, 8 штофных лавок, 7 погребов, 25 постоялых дворов, 7 магазинов модной одежды и галантереи. Первые мостовые появились в Тамбове в 1825 году. Для водоснабжения в 1839 году были организованы 8 колодцев. Шесть зданий принадлежали городской и губернской общественности: каменный кадетский корпус на берегу Студенца; деревянный дом дворянского собрания; каменный дом городского общества; деревянный дом ремесленной управы. Имелись и культурно-просветительские учреждения: Александринский институт для благородных девиц; дом публичной библиотеки. За счет приказа общественного призрения в Тамбове существовали: сиротское отделение гимназии, размещенное в каменном доме, пожертвованном купцом Суворовым; училище для детей канцелярских служителей; больница; богадельня; дом умалишенных. Имелись храмы, в основном, православные, но был и католический, а также два монастыря — женский Вознесенский и мужской Казанский.

Город был пропитан купеческим духом, который не смогли искоренить и в советское время. Тамбовские купцы не строили здесь причудливых замков, хотя могли себе это позволить. В основном это двух- или трехэтажные особнячки добротной каменной застройки.

Семья Спиридоновых считалась достаточно зажиточной: по некоторым сведениям они имели собственный дом в городе и дачу в предместье, Александр Александрович владел паркетной фабрикой. Маруся была младшей дочерью; кроме нее в семье подрастало еще трое детей: две девочки, Юлия и Евгения, и один мальчик, Николай. Дети получали хорошее домашнее образование, затем продолжали обучение в гимназиях Тамбова.

Эти сведения являются общепризнанными, не считая мелочей: отец Марии называется то коллежским советником, то коллежским секретарем, что совсем неоднозначно. Должность «коллежский секретарь», являлась, согласно «Табели о рангах» от 1722 года, гражданским чином IV класса и соответствовало армейскому чину лейтенанта и морскому чину мичмана, а «коллежский советник» — это более высокий гражданский чин VI класса, соответствующий чинам армейского полковника и флотского капитана I ранга.

Подобные различия определяли положение человека в обществе.

Далее в биографии Маруси следуют более существенные разночтения. Согласно различным источникам она 1) окончила гимназию в 1902 году; 2) ушла из 8-го класса гимназии; 3) была исключена за политическую неблагонадежность.

Первоначально гимназии представляли собой средние общеобразовательные учебные заведения с 7-летним сроком обучения, которые делились на женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии (Мариинские гимназии), гимназии министерства народного просвещения и частные гимназии. Во всех этих гимназиях девочки в обязательном порядке обучались Закону Божьему, русскому языку, истории, географии, арифметике, естественной истории, чистописанию, рукоделию, пению и рисованию, а также факультативно — французскому и немецкому языкам, музыке и танцам. После дополнительного годичного обучения девицам, окончившим гимназию, выдавалось свидетельство домашней учительницы. В 1879 году была утверждена новая, единая и обязательная для всех женских гимназий программа подготовки, направленная на приближения к курсу обучения в институтах благородных девиц, а выпускницам присваивалось звание домашней наставницы. Принятая в 1905 году «Нормальная учебная табель» добавила к обучению в гимназии 3 года (педагогические курсы), имевшие два отделения: естественно-математическое и «словесное». Это окончательно уравняло учебный курс гимназий с институтским.

Таким образом, по современным меркам Мария была развитой и достаточно эрудированной девушкой, могла образно мыслить и рассуждать критически, а не просто броситься в революцию из жажды острых ощущений.

Это было время, когда общий поток революционных настроений захлестнул все слои российского общества. Нищета, социальное неравенство, коррупция разъедали государство. Особенно тяжелым было положение крестьян составлявших основную массу населения огромной страны. В России создалась революционная ситуация, на которую царское правительство отреагировало Высочайшим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) от 17 октября 1905 года. Он был разработан талантливейшим администратором С.Ю. Витте по поручению императора Николая II в связи с непрекращающейся «смутою». В преамбуле манифеста так и говорилось: «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи Нашей великой… тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше… От волнений, ныне возникших, может явиться… угроза целости и единству державы Нашей…»

Октябрьский Манифест вкупе с более ранним Манифестом от

6 августа 1905 «Об учреждении Государственной Думы» провозглашал и предоставлял политические права и свободы, такие как: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности.

Резкое несоответствие соблюдения декларируемых прав с существующим положением вызвало волну революционных выступлений, в том числе в крестьянской среде.

Все мыслящие люди России понимали необходимость перемен. Наиболее радикальными в этом направлении оказались социалисты-революционеры, или эсеры. Они являлись прямыми наследниками старого народничества, сущность которого составляла теория о возможности улучшения положения неимущих масс путем перехода России к социализму некапиталистическим путем.

На протяжении всей истории существования партия социалистов-революционеров выделялась из других российских партий широтой взглядов ее участников, многообразием различных фракций и групп в ее составе. Эсеры существовали в виде трех самостоятельных партий: эсеры (правые эсеры), левые эсеры, эсеры максималисты. Но общая идея, которая всегда существовала и не уходила из повестки всех фракций — это социализация земли: не огосударствление земли (национализация), а обобществление, передача в руки крестьянских сельских обществ, конфискация помещичьих, монастырских, царских и прочих земель, и уравнительное землепользование по «трудовой норме».

После разгона народовольцев обособился и стал действовать самостоятельно наименее пострадавший от гонений саратовский кружок. В 1896 году он выработал программу, в которой, в частности, говорилось об установлении демократической республики с неотъемлемыми правами человека и гражданина: свободой совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего и равного избирательного права для всякого гражданина с 20 лет без различия пола, религии и национальности, при условии прямой системы выборов и закрытой подачи голосов. Предусматривалась широкая автономия для областей и общин как городских, так и сельских и возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальными регионами при признании за ними безусловного права на самоопределение. Эсеры раньше, чем социал-демократы, выдвинули требование федеративного устройства Российского государства. Смелее и демократичнее они были и в постановке таких требований, как пропорциональное представительство в выборных органах и

прямое народное законодательство.

Подавляющее большинство членов партии эсеров составляли рабочие и крестьяне. Но политика партии определялась интеллигентским руководством.

Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, Маруся притягивала к себе людей. Эту ее способность использовали партийцы-эсеры, когда, приглядываясь к будущему члену партии, направляли ее в рабочие кружки. Она могла увлечь за собой любого.

Девушка приняла идеологию левого крыла эсеров. Понятия «левые» и «правые» обосновались в русском политическом лексиконе в начале XX века. Как разъяснял в 1908 году известный российский юрист, политик и публицист, один из лидеров партии кадетов А.С. Изгоев, в знаменитом сборнике «Вехи»: «Обратите внимание на установившуюся у нас в общем мнении градацию „левости“. Что положено в ее основу? Почему социалисты-революционеры считаются „левее“ социал-демократов, особенно меньшевиков, почему большевики „левее“ меньшевиков, а анархисты и максималисты „левее“ эсеров? Правы меньшевики, доказывающие, что в учениях и большевиков, и эсеров, и анархистов много мелкобуржуазных элементов. Ясно, что критерий „левости“ лежит в другой области. „Левее“ тот, кто ближе к смерти, чья работа опаснее не для общественного строя, с которым идет борьба, а для самой действующей личности».

Подобная, «психологическая» трактовка противостояния «левых» и «правых» популярна и в наши дни. С.Г. Кара-Мурза в ряде статей середины 90-х годов характеризовал «левых» как «разрушителей», подчеркивал, что «в европейской культуре левое начало — дьявольское, подрывное. В этом и есть главная суть левизны — подрывать, расшатывать, свергать существующий порядок вещей».

Партийные организации эсеров существовали в 48 губерниях и 254 уездах. Сельских ячеек и групп насчитывалось около 2000. Не случайно эсеры планировали начать изменения раньше всего в деревне. Отмена крепостного права в 1861 году не дала крестьянам землю. Александр II поддался пропаганде собственных современников (включая Н.Г. Чернышевского) и узаконил этот несовершенный механизм землепользования, имевший место и в ранней истории Западной Европы. Предварительной стадией изменений должна была стать социализация земли. Это означало, во-первых, отмену частной собственности на землю, однако не превращение ее в государственную собственность, не ее национализацию, а перевод в общенародное достояние без права купли-продажи. Во-вторых,

переход всей земли в руки центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями. В-третьих, пользование землей должно было быть уравнительно-трудовым, то есть обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе.

После смерти отца финансовое положение семейства Спиридоновых пошатнулось. Шестнадцатилетняя Мария пошла работать конторщицей в губернское дворянское собрание. В это же время она вступила в партию социалистов-революционеров.

Еще обучаясь в гимназии, девушка под влиянием старшей сестры познакомилась с молодым присяжным поверенным Михаилом Казимировичем Вольским — кумиром молодых тамбовчанок, либералом, бравирующим собственным свободомыслием. Через него произошло знакомство и с его старшим братом, Владимиром, который являлся идейным членом партии эсеров с 1903 года. Братья происходили из потомственных польских дворян, их отец имел крупное землевладение и скромную гражданскую должность. Благосостояние семьи позволило Михаилу и Владимиру получить хорошее образование: после окончания тамбовской мужской гимназии оба поступили в Московский университет, но были отчислены за противозаконную политическую деятельность и доучивались экстерном. И если Михаил, юрист по профессии и революционер-идеалист по духу, не принадлежал к касте профессиональных революционеров, и политическая сфера его деятельности была подчинена юридической, то Владимир являлся типичным «пламенным революционером». Вокруг него образовался кружок единомышленников, занимавшихся политическим самообразованием, читавших запрещенную литературу, критиковавших власть. С этого времени и навсегда девушка прониклась революционными идеями, приняла эсеровский лозунг «в борьбе обретешь ты право свое» и ни разу от него не отступила. Молодость и сходство взглядов вызвали взаимную симпатию: Владимир Вольский считался нареченным женихом Марии.

В апреле 1902 года заявила о себе Боевая организация (БО) эсеров. Боевик Степан Балмашев застрелил министра внутренних дел Дмитрия Сипягина. По отзывам современников «Россия потеряла в Сипягине мало, но Государь потерял в нем очень много — истинного, верного и действительно преданного слугу».

Один из руководителей БО Г.А. Гершуни (1870–1908), убежденный революционер, обладал сильной волей и большой

способностью убеждать людей. Одухотворенный одной целью Гершуни вовлекал в свои сети романтическую молодежь и распалял ее революционный пыл, делая исполнителем своих замыслов. Под его руководством был подготовлен целый ряд терактов. 29 июля 1902 года рабочий Фома Качура стрелял в парке «Тиволи» в харьковского губернатора князя И. М. Оболенского, принимавшего участие в подавлении крестьянских волнений в Харьковской губернии. Князь получил легкое ранение. В дальнейшем боевики более продуманно выбирали жертвы и более тщательно готовились к ликвидациям. Их жертвой стал уфимский губернатор Н.Е. Богданович, сын известного черносотенного генерала, автора казенных монархических листовок, близкого к В.К. Плеве, Он был убит 6 мая 1903 года в Уфе, в общественном саду слесарем уфимских железнодорожных мастерских Егором Дулебовым.

Российская империя прочно заняла место первой державы мира, оказавшейся под огнем армии террористов..

Боевая организация являлась самой законспирированной частью партии эсеров, ее устав был написан бывшим народовольцем, одним из основателей Партии социалистов-революционеров, Михаилом Гоцем. Организация занимала в партии автономное положение, Центральный комитет лишь давал ей задание на совершение очередного террористического акта и указывал желательный срок его исполнения. У БО были своя касса, явки, адреса, квартиры, ЦК не имел права вмешиваться в ее внутренние дела.

Один из руководителей БО первым обозначил ее цели, считая, что «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы».

Маруся активно включилась в работу партии. Ее «разум возмущенный» не мог мириться с царящей несправедливостью, энергичная натура требовала действий. В начале революционных событий в Тамбовской губернии 24 марта 1905 года недовольные существующими порядками провели демонстрацию, завершившуюся многочисленными арестами. Среди арестованных была и Спиридонова, но через две недели заключения ее отпустили как не представляющую опасности.

В то время ее описывали так: «Хорошенькая, крошечная, стройная со светло-каштановыми волосами, с нежной прозрачной кожей, с синеватыми, широко открытыми глазами. Вся ее легкая, маленькая фигурка так и дышала энергией и смелостью». На фотографиях тех лет Мария выглядит милой девушкой со стройной фигурой, с удлиненным овалом лица и пышным

волосами. Только в линиях рта чувствуется твердость, даже некоторая жесткость. Видимо, ей была присуща ярко выраженная сила воли, в характере присутствовал некий стержень, в силу чего она вскоре была сочтена достойной войти в боевую дружину партии.

Крестьянские волнения 1905–1907 годов в Тамбовской губернии, начавшиеся в селе Кандевка, быстро охватили несколько уездов и для подавления потребовали привлечения войск из-за границ губернии — своими силами власти не справлялись. При этом крестьянское движение не являлось сколько-нибудь организованным или монолитным. Это была, скорее, длинная серия местечковых аграрных бунтов, в которых требования крестьян имели не политический и не социальный, а чисто экономический характер.

Тем не менее, подавление протестных выступлений производилось чрезвычайно жестоко. Повсеместно происходили публичные порки — «преступное засекание и безмерное истязание крестьян», каратели изнасиловали несколько молодых крестьянок. Особенно свирепствовал советник Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженовский, друг губернатора В.Ф. фон дер Лауница, убежденный член «Союза русских людей». Эта национально-монархической организация была создана в 1905 году графом Шереметьевым, князьями Трубецким и Щербатовым, а также несколькими реакционными публицистами. Союз ставил своей задачей «содействие законными средствами правильному развитию начал Русской Церковности, Русской Государственности и Русского народного хозяйства на основе Православия, Самодержавия и Русской Народности». Плохо скрываемая Лауницем поддержка боевых дружин Союза русского народа (черносотенцев), дошла до того, что он не только вооружал их, но и выдал денежную награду в размере 2000 рублей убийцам депутата I Государственной Думы М.Я. Герценштейна[2].

Л. Луженовский получил приказ губернатора прекратить аграрные беспорядки. С двумя ротами солдат он прошел около 500 верст, решительно прекращая на своем пути любые волнения. Он заявлял: «… Или зверь-революция сметет государство, или государство должно смести зверя». В три недели беспорядки были пресечены. За жестокость, проявленную при подавлении крестьянских выступлений, эсеры приговорили имение Луженовского к разграблению, а самого монархиста-черносотенца — к смерти. Но имение добровольно вызвались охранять крестьяне, сочувствующие черносотенцам, а на вынесенный смертный приговор мать Луженовского Мария Гавриловна публично ответила через газету: «Несчастные, ослепленные люди!

Не думайте запугать убийствами из-за угла тех, кто любит святую Русь. Я благословила своих двух сыновей отдать жизнь свою за Православие и Царя, без которых погибнет наше Отечество…»

Что касается Гавриила Луженовского, то он сам хвастался, что при подавлении бунта приказал дать шесть залпов картечью по крестьянам. По постановлению тамбовского комитета партии эсеров «за зверства, за разбойничьи похождения в Борисоглебске, за организацию „черной сотни“, за введение военного положения и чрезвычайной усиленной охраны в Тамбовском и других уездах» Луженовский был приговорен к смерти. Привести приговор в исполнение доверили Марии Спиридоновой.

Террор

Начало XX века было эпохой бесконечных расколов и какой-то жуткой, загадочной воли к самоуничтожению. Террористами становились, в основном, весьма молодые люди: примерно 22 % всех террористов-эсеров находилось в возрасте от 15 до 19 лет, а 45 % — от 20 до 24. Молодежь романтически настраивалась на волну конспирации, борьбы «плаща и кинжала». По свидетельству знаменитой деятельницы социал-революционного движения Е.К. Брешко-Брешковской в ПСР шла молодежь на условиях участия исключительно в террористической деятельности, оставаясь равнодушной к любой другой форме работы.

Однако террор основывался на идеологическом контексте. В знаменитом письме народовольцев по поводу убийства анархистом американского президента Уильяма Мак-Кинли[3], они писали, что политическое убийство в стране, где есть выборы, является проявлением деспотизма, с которым они борются. Эсеры всегда говорили, что как только будет заявлено о выборах и можно будет обходиться без насилия, они прекратят террор. Террор для лидеров партии стал вспомогательным средством, расшатывающим режим, вдохновляющим революционеров, а также орудием самообороны. Эсеры старались избегать случайных жертв, но это относилось к хорошо организованной центральной боевой организации, совершившей 11 акций за десять лет. Большую часть терактов осуществили низовые организации при фабриках и заводах — там степень разборчивости была совершенно другая. Боевиками становились рабочие-эсеры, часть которых потом ушла к анархистам, их душила ненависть к буржуазии, а анархисты тогда в Европе взрывали все, что хоть как-то было связано с буржуазией. С этой точки зрения настроения рабочих шли снизу, а руководство социалистов-революционеров старалось с этим бороться.

С 1902 по 1911 год боевая организация эсеров совершила больше двухсот террористических актов. Жертвами стали два министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 24 начальника тюрем, 26 шпионов и провокаторов. Боевики убили генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве. Первого сентября 1911 года в киевском городском театре эсер-боевик Дмитрий Богров смертельно ранил председателя Совета министров Петра Аркадьевича Столыпина.

От народовольцев к эсерам перешла традиция широкого и активного участия женщин в революционном движении, что

принято объяснять их большей экзальтированностью.

В то время как в Англии, Франции, Германии и других западноевропейских странах подавляющая масса женщин ограничивалась домашним хозяйством и была слабо затронута революционным движением, иную картину представляла дореволюционная Россия. Здесь женщины наряду с мужчинами разделяли все опасности и страдания, связанные с борьбой за лучшее будущее своей Родины. Они выступали как рядовыми, скромными, но убежденными ее участницами, так и выдающимися деятельницами, накопившими большой жизненный и политический опыт. Здесь были разные характеры, различные формы борьбы и неодинаковые судьбы.

После ареста Андрея Желябова подготовку убийства Александра II в марте 1891 года довела до конца его гражданская жена Софья Перовская. После разгрома «Народной воли» оставшихся членов объединила Вера Николаевна Фигнер, которая пыталась инициировать военный заговор. У эсеров большим влиянием пользовалась Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, сторонница политического и аграрного террора, считавшая террор одними из наиболее эффективных методов борьбы. Она пришла в революцию раз и навсегда. Бросила мужа, отдала на попечение родственницы маленького сына и с головой окунулась в стихию борьбы. Имея самую простонародную внешность, она под именем солдатки Феклы, в крестьянском облачении, с котомкой за плечами, ходила по деревням, рассчитывая поднять мужиков на бунт, составляла агитационные прокламации крайне радикального содержания.

Убедившись, что «хождение в народ» малоэффективно, Екатерина Константиновна стала активной сторонницей террора. И хотя не участвовала ни в одной боевой операции, но вдохновляла на вооруженную борьбу молодежь, считая, что для достижения «благих целей» годятся любые средства.

Не удивительно, что вскоре Брешко-Брешковская была арестована. С 1874 года в ее жизни начался долгий этап тюремных заключений, каторжных работ, ссылки. Из Петропавловской крепости тридцатилетнюю женщину отправили прямиком в Восточную Сибирь. В шестьдесят лет она совершила новый побег из мест поселения, за пять дней преодолела тысячу верст, но была схвачена, опять брошена в тюрьму, а затем отправлена в якутский Булун, около Северного полюса, и провела там десять лет. Считается, что она стала первой в России женщиной-политкаторжанкой. Именно благодаря встрече с Брешковской к эсерам присоединился, пожалуй, самый известный террорист Борис Савинков. А человек мирной профессии,

провизор Гершуни, быстро закрыл свой химико-бактериологический кабинет в Минске и вместо помощи болящим отдался «террорной работе».

Женский терроризм к тому времени получил довольно широкое распространение. По подсчетам американской исследовательницы Эми Найт, посвятившей специальную работу женщинам-террористкам, в партии социалистов-революционеров, среди 78 членов боевых организаций, входивших в ее состав с 1902 по 1910 годы, было 25 женщин. Их отличало более высокое социальное происхождение и более высокий образовательный уровень, нежели боевиков-мужчин. Так, из 40 террористок 15 были дворянками или дочерьми купцов, 4 происходили из среды разночинцев, 11 — из мещан, одна была дочерью священника, и только 9 родились в крестьянских семьях. Но общее, что побуждало всех этих девушек идти в рабочие бараки и крестьянские хаты, стрелять в жестких утеснителей — это обостренное чувство справедливости и сочувствие простому народу.

Террористки действовали смелее и результативнее, чем мужчины.

22 ноября 1905 крестьянская дочь Анастасия Алексеевна Биценко — член летучего отряда Боевой организации ПСР, застрелила генерал-адъютанта В.В. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губернии. Участвовали в покушениях дочери генерала А. Измаиловича Александра и Екатерина, смертная казнь для Александры была заменена бессрочной каторгой. Евстиллия Рогозинникова застрелила начальника Главного тюремного управления А.М. Максимовского, практиковавшего в тюрьмах телесные наказания для политзаключенных. Анна Распутина (Шулятикова) организовавшая покушение на министра юстиции Щегловитова, в феврале 1908 года была арестована, заключена в Петропавловскую крепость и Петербургским военно-окружным судом приговорена к смертной казни. Через десять дней ее повесили на Лисьем Носу, близ Петербурга…

Некоторые террористки искренне приветствовали смертные приговоры, вынесенные им царским правительством. Казнь, как полагает ряд исследователей, была для них «избавлением от невыносимой тяжести собственного существования». В обоснование этого тезиса приводится дело эсерки-террористки учительницы Зинаиды Конопляниковой.

13 августа 1906 года на станции Новый Петергоф Конопляникова спокойно подошла к экипажу, в котором с женой и дочерью сидел генерал-майор Георгий Мин, «усмиритель»

Декабрьского вооруженного Восстания 1905 в Москве. Она сделала четыре выстрела в упор из браунинга в спину генералу, от которых тот сразу скончался. Террористку тут же схватили. Военный суд приговорил ее к повешению. Она так страстно желала смерти, что, по словам очевидца ее казни, «шла на смерть так, как идут на праздник». Коноплянникова стала первой женщиной, повешенной в России в XX веке.

У многих женщин-террористок отчетливо прослеживались жертвенные мотивы. Классический пример — член БО Мария Беневская, верующая христианка толстовского учения, которая никогда не расставалась с Евангелием и изготовляла бомбы, читая молитвы. Она находила оправдание своей деятельности скорее в Библии, нежели в партийных программах, и пострадала при случайном взрыве. Евстиллия Рогозинникова отправлялась для совершения убийства начальника Петербургского тюремного управления А. М. Максимовского, будучи обвешанной тринадцатью фунтами нитроглицерина вместе со взрывным устройством, чего хватило бы для уничтожения всего здания. Застрелив генерала, она не успела использовать взрывчатку. На суде она казалась совершенно безумной и прерывала свое молчание лишь истерическим хохотом. Но перед казнью она вполне внятно писала родным, что вступила на путь терроризма из чувства долга и любви к людям. Дора Бриллиант рвалась выйти с бомбой на Плеве или великого князя Сергея Александровича; а ведь и в том и в другом случае гибель была практически неизбежной.

Сейчас рядом научных исследований установлено, что террор при отсутствии квалифицированных реабилитационных средств мог явиться психотерапевтическим механизмом преодоления комплекса неполноценности. Так, не проявившая себя, несмотря на все старания, в «мирной» революционной работе, эсерка Лидия Езерская решила убить Могилевского губернатора Клингенберга для оправдания своего существования. Эми Найт полагает, что причины, приведшие известную эсерку Фруму Фрумкину к террористической деятельности также проистекали из комплекса неполноценности и стремления самоутвердиться как личности.

Можно предположить, что террористическая деятельность могла привести к изменению психики человека. Эсерка Мария Селюк, стоявшая у истоков образовании партии социалистов-революционеров вместе с Г. Гершуни, во время подготовки покушения на Плеве заболела манией преследования — тяжелой формой паранойи. В конечном итоге Селюк впала в панику и сдалась полиции. Молодая еврейская девушка Мария Школьник охарактеризовала свое пребывание в подполье в ожидании

покушения на графа Хвостова следующей показательной фразой: «Мир не существовал для меня вообще». Однако, пожалуй, только Марию Селюк и Дору Бриллиант можно назвать психическим неуравновешенными. Но это исключения. Все обстояло гораздо проще. Вера Фигнер говорила «Если берешь чужую жизнь — отдавай и свою легко и свободно… Мы о ценности жизни не рассуждали, никогда не говорили о ней, а шли отдавать ее, или всегда были готовы отдать, как-то просто, без всякой оценки того, что отдаем или готовы отдать»…

Современники событий вспоминали «В то время революционеры встречали сочувствие и поддержку повсюду. Интеллигенция, широкие слои общества, даже умеренно настроенные, особенно симпатизировали эсерам, популярность которых после покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича поднялась на необычайную высоту». Даже Л.Н. Толстой считал эсеровский террор целесообразным.

Но террор как метод признавали не только эсеры. Организованный в Сибири Я. Свердловым «Боевой отряд народного вооружения» практиковал характерные приемы, похожие на те, которые существовали в различных мировых мафиозных и террористических организациях. Так, один из будущих убийц семьи Романовых Ермаков в 1907 году по решению руководства боевого отряда убил полицейского агента и отрезал ему голову. В.И. Ленин призывал к «наиболее радикальным средствам и мерам, как к наиболее целесообразным, для чего, — цитирует документы историк и исследователь Анна Гейфман, лидер большевиков предлагал создавать — отряды революционной армии… всяких размеров, начиная с двух-трех человек, которые должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер, бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога…)», и делает вывод, что эти отряды большевиков по сути ничем не отличались от террористических «боевых бригад» воинственных эсеров. Как свидетельствует одна из ближайших коллег Ленина Елена Стасова, лидер большевиков, сформулировав свою новую тактику, стал настаивать на немедленном приведении ее в жизнь и превратился в «ярого сторонника террора». Мысль о терроре красной нитью проходит через литературное наследие вождя. «Социал-демократия должна признать и принести в свою тактику массовый террор!», «Террор — это средство убеждения», — можно прочитать в 45 томе сочинений Ленина. Понятие «красного террора» было сформулировано Троцким в книге «Терроризм и коммунизм» как «орудие, применяемое против обреченного на гибель класса, который не хочет погибать».

По мнению А. Гейфман, многие выступления большевиков, которые вначале еще могли быть расценены как акты «революционной борьбы пролетариата», в реальности часто превращались в обычные уголовные акты индивидуального насилия. Анализируя террористическую деятельность большевиков в годы первой русской революции, историк приходит к выводу, что для большевиков террор оказался «эффективным и часто используемым на разных уровнях революционной иерархии инструментом».

Поначалу партии большевиков на партийные и личные расходы делали пожертвования крупные фабриканты, богема и даже приближенные ко двору. Это считалось признаком хорошего либерального тона. Но после первой революции поток пожертвований иссяк. Пришлось изыскивать новые средства для пополнения партийной казны. Ленин публично объявил допустимым средством революционной борьбы грабеж и идеологически обосновал «отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания». Большинство исследователей считает, что большевики были единственной социал-демократической фракцией в России, прибегавшей к экспроприациям (т. н. «эксам») организованно и систематически. Характерно, что среди радикалов всех направлений РСДРП практиковалось присвоение партийных денег, но особенно преуспели в этом большевики.

Только с декабря 1905 года по июнь 1907 года в Закавказье было совершено пять вооруженных ограблений казначейств. Руководителем всех «эксов» являлся Сталин, который зачастую занимался грабежом для себя. Изъятием денег у правительства занимался Симон Аршакович Тер-Петросян (1882–1922), по прозвищу Камо, который проводил самые крупные «эксы». Соратники по партии называли Камо безумным, но считали его невероятно удачливым террористом. Ленин познакомился с ним в марте 1906 года и поручил закупить и привезти в Россию оружие. Но где взять деньги? «Тифлисский „экс“» 25 июня 1907 года — самая известная «революционная работа» Камо. Добро на этот «экс» дал сам Ленин, скрывавшийся тогда в Финляндии, «мозгом» акции считают Сталина (по словам Ленина — «замечательного грузина»), а Камо, переодетый в офицерскую форму, непосредственно руководил операцией на месте. Среди дня на людной Эриванской площади два десятка бандитов расстреляли конвой и закидали его бомбами, затем выволокли из карет мешки с деньгами и скрылись. Вся площадь была залита кровью и завалена дымящимися человеческими и конскими внутренностями. Похищенные 250 тысяч рублей (сегодня это

примерно 8–9 миллионов долларов) Камо привез Ленину в Куоккалу. Правда, согласно полицейским и казначейским документам, похищено было 340 тысяч рублей, куда делись остальные 90 тысяч — неизвестно. Честный Камо все до копейки отдавал в партийную казну. Маловероятно, что их присвоил кто-то из налетчиков — у Сталина и Камо такие штучки карались смертью. Камо однажды зарезал как барана заподозренного в измене товарища, рассек ему грудь и вырвал еще бьющееся сердце. Он специализировался на физической ликвидации тех, кого товарищи по партии подозревали в работе на охранку. Ленин любовно именовал Камо «наш кавказский разбойник».

Грабежи в России наказывались каторжными работами. Поскольку в гражданском судопроизводстве Российской империи смертная казнь даже за тяжкие преступления применялась исключительно редко, самым суровым наказанием фактически оставалась бессрочная каторга, обрекавшая человека на медленное мучительное умирание. К лишению жизни чаще всего приговаривали преступника военные суды. Но террористические акты революционеров против должностных лиц государства приняли настолько массовый характер, что обойтись без смертной казни в столь чрезвычайных обстоятельствах было довольно трудно. С другой стороны, административный произвол только лил воду на мельницу революции. В правительстве был разработан законопроект, в силу которого все покушения на жизнь и здоровье государственных служащих должны были попадать не в гражданские, а в военные суды. Там же рассматривались дела, связанные с нелегальным изготовлением и применением взрывчатых веществ.

Кроме эксов имелись и иные способы пополнения партийной кассы. Большую помощь в этом оказывал большевикам Максим Горький. Между ним и Лениным существовало подобие дружбы. Может быть, их притягивало к другу по каким-то объективным законам, как притягивает друг к другу очень крупные тела, планеты или корабли. Именно от Горького и через Горького шли в большевистскую кассу финансовые потоки. Жизнь в Париже и Женеве была не дешевой, и Горький как финансовый источник вполне устраивал Ленина. «Буревестник революции» был посвящен в истории «эксов» на Кавказе, то есть знал о грабежах большевиков. Цинизм, с которым товарищи получали деньги, не смущал ни Ленина, ни Горького…

Вот только один пример финансовой махинации, в которой был замешан и «буревестник революции».

Семья Н.П. Шмидта принадлежала к известной в России купеческой династии Морозовых (по материнской линии Николай

Шмидт приходился племянником знаменитому Савве Морозову). Студент Московского университета Николай к 1905 году после ранней смерти матери стал опекуном несовершеннолетних сестер Екатерины и Елизаветы и распорядителем всего семейного состояния. Он приветствовал революцию 1905–1907 года; при посредничестве Горького на деньги Шмидта вооружались рабочие дружины. В начале 1906 года Николая арестовали и посадили в тюрьму. После 14 месяцев заключения он погиб при загадочных обстоятельствах: согласно официальной версии, разбил окно и осколком стекла перерезал себе горло — слишком экзотический способ самоубийства, чтобы в него поверить.

Незадолго до этого он в устной форме высказывал желание передать состояние большевикам. Очевидцем этого устного заявления являлся Горький, на чем и основывалась интрига. Однако юридически оформить передачу денег было невозможно. Младшая сестра Лиза фиктивно вышла замуж за А.М. Игнатьева, имея фактического мужа А.Р. Таратуту, удостоенного особого доверия Ленина. На большевиков полились живительные струи шмидтовского золота — не менее 280 тыс. рублей. Эпоха нищеты для Ленина осталась позади. Н.К. Крупская в своих «Воспоминаниях» не случайно отметила: «В это время большевики получили прочную материальную базу».

Однако старшая сестра Екатерина, которая был замужем за адвокатом Н. Андриканисом стала оспаривать план большевиков по присвоению наследства ее брата. Андриканисы решили, что причитающейся им доли денег Шмидта можно найти гораздо лучшее применение, чем финансирование социал-демократов. В Большевистском центре метали громы и молнии. Рассвирепевший Таратута пригрозил Андриканису, что вызовет с Кавказа страшных боевиков Симона Тер-Петросяна. При этом на наследство Шмидтов претендовали еще и меньшевики. Вобщем, история вышла грязная, а кроме того, она во всех подробностях дошла до охранного отделения.

Все-таки в результате многочисленных переговоров, юридических уловок и компромиссов за Андриканисами осталась львиная доля имущества.

Идеология эсеров исключала все подобные способы получения финансовых средств. Их мечтой на деле была не власть, а народное благо и справедливость.

Мария Спиридонова формулировала для себя «определенную цель — твердое, непреклонное желание осуществить убийство Плеве, истинного диктатора, замучившего Россию». Действительно, В.К. фон Плеве, жестокий и решительный, призванный спасти пошатнувшийся царский трон, не знал границ

силовым приемам и в борьбе с революционным движением ни перед чем не останавливался: расстреливал рабочих, устраивавших забастовки, запарывал розгами до смерти бунтовавших крестьян и тушил революционный пожар кровавыми погромами в городах. Вся страна превратилась в большой полицейский участок, где все должны были молча трепетать.

Однако эта цель была для нее недосягаема.

Покушение

Девушка выслеживала Луженовского несколько дней. Все это время она провела в величайшем душевном напряжении — не могла ни есть, ни пить. Ее перемещения в погоне за будущей жертвой не вызывали подозрений — куда-то спешила нарядно одетая барышня из хорошей семьи. Но только на вокзале в Борисоглебске представился удобный случай.

16 января 1906 года член Тамбовской БО эсеров Мария Спиридонова осуществила возмездие — выпустила в солидного, самоуверенного, чрезмерно полного мужчину пять пуль. Первые из них попали Луженовскому в бок; после того как он обернулся, девушка выстрелила ему в грудь, а затем еще два раза в уже упавшую на землю жертву.

Что было потом, точно неизвестно. По одной из версий, у начинающей террористки случился нервный срыв, и она бегала по перрону, крича: «Я убила его!» По другой версии, она в нервном припадке закричала: «Расстреляйте меня!» и попыталась застрелиться, но нажать на курок не успела — подбежавший казак сбил ее с ног. Началась экзекуция: ее страшно били прикладами и сапогами. Тяжело раненый Луженовский отдал приказ: «Не убивайте!», а затем, узнав, что в него стреляла женщина, перекрестился и произнес: «Господи, прости ей. Не ведает, что творит». «Если бы он — показывали потом казаки, — не крикнул: „Оставьте, не убивайте“, от нее и клочка бы не осталось. Откуда у него, голубчика, только голос взялся!». Террористку было приказано доставить в полицейское управление для допроса.

По перрону, по ступеням девушку волокли за волосы; продолжая пинать ногами и избивать, с размаху забросили в сани и привезли в полицейский участок уже без сознания. Там охранники Луженковского, Аврамов и Жданов, разъяренные оттого, что не сумели защитить хозяина, распалились еще больше. Сорвав одежду с несчастной, они обливали ее ледяной водой и требовали во всем признаться, рассказать, кто ее послал. От безжалостных ударов по голове девушка забыла свою фамилию, — назвалась ученицей 7 класса гимназии Марией Александровой.

Потом она вспоминала. «Придя в сознание, я назвала себя, сказала, что я социалистка-революционерка и что показания дам следственным властям; то, что я тамбовка. Это вызвало бурю негодования: выдергивали по одному волосу из головы и спрашивали, где другие революционеры. Тушили горящую

папиросу о тело и говорили: „Кричи же, сволочь!“ В целях заставить кричать давили ступни „изящных“ — так они называли — ног сапогами, как в тисках, и гремели: „Кричи!“ (ругань). — „У нас целые села коровами ревут, а эта маленькая девчонка ни разу не крикнула. Нет, ты закричишь, мы насладимся твоими мучениями, мы на ночь отдадим тебя казакам…“ „Нет, — говорил Аврамов, — сначала мы, а потом казакам…“. И грубое объятие сопровождалось приказом: „Кричи“. Я ни разу, за время битья и насилий не крикнула. Я все бредила».

Позднее, в официальном протоколе медицинского освидетельствования указывалось, что «…лицо все было отечное, в сильных кровоподтеках с красными и синими полосами. В течение порядочного промежутка времени не могла раскрыть рот, вследствие страшной опухлости губ, по которым наносились удары. Над левым глазом содрана кожа размером в серебряную монету в пятьдесят копеек, обнажив живое мясо. Зубы все выбиты. В середине лба имеется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой стороне на лбу, ближе к волосам, тоже содрана кожа порядочного размера. Левая сторона лица особенно сильно отечна. Вследствие страшной опухлости этой части лица (очевидно, били правой рукой или с правого плеча) левый глаз закрылся…» Вдобавок ко всему перечисленному наблюдалось «кровоизлияние в сетчатку. Кисти рук сильно вспухшие. На ногах кровоизлияния и содранная кожа. Легкие совершенно отбиты. Горлом идет кровь. Двигаться не может. Периодическая потеря сознания. Бред, галлюцинации».

Такое состояние девушки не помешало переправить ее в тамбовскую тюрьму.

По пути Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, намеревался надругаться над изувеченной, измученной арестанткой. Он предупредил конвойных, что если из купе, куда поместили преступницу, будут доноситься крики, реагировать не следует, поскольку допрос он будет вести жестко. О домогательствах Аврамова имеется рассказ Марии. Позже врачи отмечали, что потерпевшая не дала осмотреть живот, грудь и спину. А в тюрьме она отчаянно боялась, что негодяй заразил ее сифилисом — обнаружив у себя сыпь и покраснение, Маруся в панике обратилась к доктору. К счастью, тревога оказалась ложной.

Воображая покушение, девушка, безусловно, рассматривала и его возможные последствия. Наверно, она приготовилась к общественному осуждению, всестороннему порицанию, но была готова аргументированно защищать свою позицию. Наверняка она предусматривала и физическое давление — заключение в

тюремной камере, скудную пищу, может быть, пощечины и даже казнь — и была к этому готова. Но настоящие пытки, циничное издевательство — сапогом в зубы, мордой об пол, грубое обнажение для глумления самых интимных уголков тела — такого она вообразить не могла. На всю оставшуюся жизнь террористка приобрела непримиримость в отношении нарушения ее личной неприкосновенности.

Зверство Аврамова и Жданова вызвало общественный резонанс. Все происшедшее со Спиридоновой, широко обсуждалось и освещалось в губернской и столичной прессе. Основная внушаемая обществу мысль заключалась в том, что «девушка 21 года и трех месяцев от роду, находится в ужаснейшем состоянии». Полиция обвиняла Юлию, сестру Маруси, в том, что она обнародовала ее письмо с рассказом о перенесенных издевательствах. После очередного свидания с сестрой у той было найдено еще одно письмо. Юлию арестовали. Была схвачена также третья сестра, Евгения, потом оправданная военным судом. В Тамбове проводил «журналистское расследование» корреспондент либеральной петербургской газеты «Русь» Владимир Попов под псевдонимом В. Владимиров. Он вел репортажи о состоянии здоровья девушки, публиковал письма Маруси к сестрам и матери, обращался к общественному мнению. Благодаря этому журналист и вошел в историю. Впоследствии он выпустил опубликованные статьи отдельной книгой, моментально раскупленной. Реакционная пресса выдвигала против либеральных газет обвинения в искажении истины и нагнетании напряженности. Началась настоявшая дуэль печатных изданий. Жуткая история издевательств над Марусей обошла весь мир и создала ей почти сакральный ореол мученицы.

В обстановке всеобщего возмущения страданиями беззащитной девушки почти незаметно прошла смерть Луженовского. «Это был поистине русский человек, — писал о нем монархист Н.Н. Жеденов, издатель антисемитской газеты „Гроза“, — огромного роста, богатырского телосложения, с добродушным лицом, и ласково смотрящими глазами, глубоко религиозный, пламенно любивший Россию и беззаветно преданный ее историческим устоям». После мучений, которые продолжались более трех недель, не дожив двух дней до своего 35-летия, Луженовский скончался. На памятнике, установленном на месте погребения Луженовского высечена надпись: «Гавриил Николаевич Луженовский. Родился 12 февр. 1871, скончался 10 февр. 1906, отдав жизнь за Веру, Царя и Отечество. Раненный революционерами пятью разрывными и отравленными пулями, безропотно пострадав 25 дней, тихо скончался, простив убийцу».

В 1917 году местные крестьяне вырыли из могилы его останки, сожгли их и развеяли по ветру.

После Перестройки на железнодорожном вокзале города Борисоглебска на месте казни Луженовского «патриоты» пытались повесить мемориальную доску. Однако власти до настоящего времени не дали на это разрешения.

В газете «Русские Ведомости» от 25 февраля рассказывалось, «что военное ведомство просило министерство внутренних дел препятствовать преждевременному оглашению подробностей истязания Спиридоновой в видах ограждения обвиняемых двух офицеров от нападок, если бы возбужденное против них обвинение оказалось бы несоответствующим истине».

Еще до суда газета «Русь» опубликовала письмо Спиридоновой из Тамбовской тюрьмы: «Да, я хотела убить Луженовского. Умру спокойно и с хорошим чувством в душе». Мария была уверена в своей правоте, поскольку считала, что Луженовский совершил преступление, но наказания не понесет. Именно она избрана для того, чтобы его покарать. Но убийство — это грех, за него надо ответить, пострадать, принять мучения. При этом на вопрос о здоровье террористка отвечала: «Теперь у меня очень болит голова, ослабла память, я очень многое забыла, и мне трудно излагать логично мысли. Болит грудь, иногда идет горлом кровь, особенно когда волнуюсь. Один глаз ничего, кроме света, не видит». После пыток она не могла подняться с тюремной кровати полтора месяца.

12 марта 1906 состоялась выездная сессия Московского военного окружного суда. «По ходатайству защиты была допущена в зал заседания одна из сестер Спиридоновой и старуха-мать, но последняя в самом начале заседания разразилась истерическими рыданиями и покинула зал суда» (Газета «Русь» от 13 марта 1906 года). Защищал Марусю 36-летний адвокат, присяжный поверенный, заместитель председателя партии конституционных демократов, впоследствии депутат Государственной Думы II и III созывов Н. В. Тесленко. Он произнес слова, которые широко разнеслись и стали своеобразным диагнозом состояния страны: «Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия».

Сама подсудимая заявила, что «взялась за выполнение приговора потому, что сердце рвалось от боли, стыдно и тяжко было жить, слыша, что происходит в деревнях по воле Луженовского, который был воплощением зла, произвола, насилия. А когда мне пришлось встретиться с мужиками, сошедшими с ума от истязаний, когда увидела безумную старуху-

мать, у которой пятнадцатилетняя красавица-дочь бросилась в прорубь после казацких „ласк“, то никакая перспектива страшнейших мучений не могла бы остановить меня от выполнения задуманного».

Но ни ее слова, ни общественное мнение, ни красноречие адвоката не повлияли на решение суда. Мария Спиридонова была приговорена к смертной казни через повешение.

В ожидании казни

В ожидании исполнения приговора Мария провела шестнадцать дней. Позже она писала, что такие моменты навсегда меняют человека. «Ни для кого в течение ряда последующих месяцев этот приговор не обходился незаметно. Для готовых на него и слишком знающих, за что умирают, зачастую состояние под смертной казнью полно нездешнего обаяния, о нем они всегда вспоминают как о самой яркой и счастливой полосе жизни, полосе, когда времени не было, когда испытывалось глубокое одиночество и в то же время небывалое, немыслимое до того любовное единение с каждым человеком и со всем миром вне каких либо преград. И, конечно, это уже самой необыкновенностью своей, пребывание между жизнью и могилой, не может считаться нормальным, и возврат к жизни зачастую встряхивал всю нервную систему».

В газете «Молва» появилось письмо матери Марии Спиридоновой под заголовком «Обращение к русским матерям».

К вам, русские матери, обращаюсь! Вас прошу понять мою скорбь, мою тоску!

Вся Россия слышала о моей несчастной дочери. Вникните в мою душу, поймите, как невыносимо знать об истязаниях своего измученного, поруганного ребенка и не помочь ему; видеть, как угасает близкая, дорогая жизнь и не облегчить ее страданий, а знать, что все ее муки только преддверие к казни.

Вы все, матери, у которых умирали дети, имели хоть утешение ходить за ними, ласками успокоить их предсмертную тоску… а я? А моя девочка?..

Она умрет одна, с страшным воспоминанием пережитого, в тюрьме, среди чужих, без родной ласки, без матери.

Пусть она виновата, но, отдавая свою молодую жизнь, должна ли она была еще пройти тот крестный путь, через который прошла она?

Вы, матери подрастающих и взрослых дочерей, вспомните, какое поругание, какие нравственные пытки она пережила между этими двумя злодеями, и скажите, должна ли она умереть, не искупила ли она еще свой грех.

Мать Маруси Александра Спиридонова.

«Молва». 1906. 21 марта.

Самые знаменитые в России террористы Григорий Гершуни и Егор Сазонов писали Спиридоновой из Шлиссельбургской крепости в Тамбовскую тюрьму: «Вас уже сравнивали с

истерзанной Россией. И Вы, товарищ, несомненно, — ее символ».

Некий 16-летний киевлянин заочно влюбился в мученицу. Он мечтал упасть к ее ногам и молился на ее портрет. Не веря, что изувеченная девушка сможет пережить суровое тюремное заключение, он решил умереть вместе с ней и наложил на себя руки — повесился.

Поэт Максимилиан Волошин посвятил героине стихи:

На чистом теле след нагайки,
И кровь на мраморном челе.
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле…

Тамбовские крестьяне молились за нее в специально поставленной часовне во имя Марии Египетской. Революционерка София Дубнова-Эрлих, дочь историка еврейства Семена Дубнова, в своих мемуарах вспоминала, как неожиданно для себя увидела на собрании бундовцев[4] в доме у старика Соломона рядом с мезузой и менорой фотографию Спиридоновой. Ее портрет имелся у всех студентов и курсисток в съемных в складчину комнатах в доходных домах. Кроме того, все статьи о ней перепубликовывались социалистической и либеральной печатью на Западе.

Сама Мария больше всего боялась, что не сможет достойно встретить смерть. По свидетельствам очевидцев, в те роковые дни ожидания она часами просиживала за тюремным столом. Соорудив из шпилек что-то наподобие виселицы, она подвешивала на волосе человеческую фигурку, слепленную из хлебного мякиша, и долго ее раскачивала, как зачарованная следя за «повешенным».

В народе все более нарастало сочувствие жестоко изувеченной девушке. За состоянием ее здоровья следила вся страна. Рассказы о ней передавались из уст в уста, Мария становилась героиней нового революционного эпоса. Показательна такая народная песня на заунывный мотив:

Сумрачно в женской тюремной больнице,
Сумрачный день сквозь окошко глядит.
Грустно, вся в черном, при дочери милой,
Старая женщина плачет сидит.

Эта несчастная дочь ее Мария
С грудью разбитой, при смерти лежит,

Места живого на теле не видно,
Череп проломлен, и глаз не глядит.

Слабую руку она протянула,
Чтобы родную ей руку пожать.
Мать поцелуями руку покрыла
И начала еще громче рыдать.

Царское правительство не решилось казнить юную террористку. Министр внутренних дел Дурново отправил секретную телеграмму-молнию о пересмотре дела. Он полагал и надеялся, что Спиридонова и так умрет от полученных увечий. Смертный-приговор был заменен бессрочной каторгой.

Произошло то же самое, что случилось с легендарной Натальей Климовой, бывшей возлюбленной Соколова-«Медведя». Климова, на редкость красивая девушка, была потомственной дворянкой и дочерью видного земского деятеля, члена Государственного совета и октябриста по партийной принадлежности. Вступив на революционный путь 20-летней курсисткой в 1905 года, она стала одной из наиболее ярких женских фигур максимализма. За участие в организации взрыва дачи П.А. Столыпина на Аптекарском острове, когда сам Столыпин не пострадал, но погибло около ста ни в чем не повинных людей, она была присуждена к смертной казни. Ей, как и Марусе, виселица была заменена ссылкой в каторжные работы. Наталья Климова стала прототипом Натальи Калымовой — главного действующего лица в романе Михаила Осоргина «Сивцев Вражек». О Наталье Климовой написал пронзительный рассказ «Золотая медаль» Варлам Тихонович Шаламов, а в наше время — Григорий Кан в биографическом исследовании «Наталья Климова. Жизнь и борьба».

В петербургском Доме предварительного заключения, еще не зная об изменении приговора, Наталья написала очень сильное и откровенное «Письмо перед казнью». В нем она описала те чувства, которые испытывает приговоренный. Текст письма осенью 1908 года был напечатан в журнале «Образование» и впоследствии стал широко известен за пределами России.

«Тот смутный страх, порою даже ужас, который я испытывала перед смертью, когда она была за сто верст, теперь, когда она за 5 шагов, совершенно исчез… Появилось любопытство к ней и подчас чувство удовлетворения от сознания, что вот скоро… скоро… и я узнаю величайшую тайну. И даже нет сожаления жизни, а между тем, я страшно люблю ее, и только теперь я

познала такие ее красоты, о которых и не снилось раньше — точно смерть есть одна из фаз жизни, точно сознание не прерывается, и идет все дальше…

Новые, странные, и удивительно хорошие ощущения, мысли и настроения переживаю я здесь в этой большой пустой и полутемной камере. Доминирующее ощущение — это всепоглощающее чувство какой-то внутренней особенной свободы. Эх… это страшно трудно объяснить. И чувство это так сильно, так постоянно и так радостно, что, внимая ему, ликует каждый атом моего тела, и я испытываю огромное счастье жизни… Что это? Откуда? Я не знаю… сознание ли это, молодое, не боящееся страдания воли, свободно и смело подчиняющееся лишь велениям моего „я“?… Не радость ли это раба, у которого, наконец, расковали цепи, и он может громко на весь мир крикнуть то, что он считает истиной?… Или то гордость человека, взглянувшего в лицо самой смерти и спокойно и просто сказавшего ей: „Я не боюсь тебя“? Не знаю, должно быть — последнее. Да, наверное, так».

Наверное, то же самое чувствовала и Маруся.

Как ни странно, известие о том, что ей будет сохранена жизнь, ее не порадовало. Еще 20 марта 1906 года она писала своим соратникам по партии, призывающим ее надеяться на помилование. «Моя смерть представляется мне настолько общественно ценною, что милость самодержавия приму как смерть, как новое издевательство». Когда 28 марта Марусе сообщили о смягчении приговора, она откликнулась письмом: «Я ее (казни) так ждала, что отмена приговора на меня очень плохо подействовала: мне нехорошо», И, несколько рисуясь, добавляла: «Я из породы тех, кто смеется на кресте».

«Мученические смерти, — писал когда-то Фридрих Ницше, — большая беда для истории: они соблазняют».

Негодование общества не утихало. Брат Жданова заявил, что не желает служить с ним в одном ведомстве. Аврамов, живший на широкую ногу, снимавший номер в гостинице, посещавший театр и рестораны, теперь прекратил появляться на людях и переехал на частную квартиру. Его сослуживцы подали рапорт начальству, где просили провести дознание: на самом ли деле Аврамов насиловал гимназистку?

2 апреля «подъесаул 21-й Донской сотни Петр Федорович Абрамов около 12 часов ночи при выходе из квартиры девиц Ефимовых был убит тремя выстрелами из револьвера хорошенькой барышней с длинной косой. Убийца не обнаружен».

Казнили и второго мучителя — бывшего помощника пристава 2-й части полиции Тамбова Тихона Савича Жданова. Спасая свою

жизнь, он хотел уехать из города, да не успел. Жданова застрелили 9 мая.

Убийство в Санкт-Петербурге в конце 1906 года Евгением Кудрявцевым по заданию Григория Гершуни бывшего тамбовского губернатора Владимира Федоровича фон дер Лауница, который руководил подавлением крестьянских бунтов жестко, «не стесняясь действием оружия», явилось не только подтверждением серьезности схваток между бунтующими крестьянами с одной стороны и государственной властью — с другой, но и новым вызовом тем, кто осудил Спиридонову.

Каторга

Сейчас, с упразднением самого явления, мало кто знает, что слово «каторга» произошло от греческого названия большого гребного судна «катергон» (позднее — «галера») с тройным рядом весел, на котором гребли невольники. Поэтому каторгой стал называться тяжелый подневольный труд, отбываемый в пользу государства за совершение самых тяжких преступлений.

В конце XIX века русское правительство стремилось сосредоточить каторгу в Восточной Сибири, и в 1893 году были упразднены последние каторжные тюрьмы Европейской России.

Все преступники делились на три разряда. Осужденные без срока или на время свыше 12 лет именовались каторжными первого разряда; на время свыше 8 и до 12 лет — второго разряда, а на время от 4 до 8 лет — каторжными третьего разряда. Бессрочные каторжные должны были содержаться отдельно от других. По поступлении в работы каторжные зачислялись в разряд испытуемых и содержались в острогах, бессрочные — в ножных и ручных кандалах, срочные — в ножных. Мужчины подлежали бритью половины головы. Осуждение к каторжным работам всегда соединялось с лишением всех прав состояния и поселением по окончании срока работ.

Таким образом, Спиридонова лишалась дворянства и права возвратиться в европейскую часть страны.

Перед отправлением на каторгу Маруся была заперта в Пугачевской башне Бутырской тюрьмы. Вместе с осужденными ворами и разбойниками Спиридоновой предстояло отправиться в Сибирь.

На самом деле все оказалось значительно менее ужасно. Приговоренных не гнали пешком по обледенелым дорогам, а везли на Нерчинскую каторгу поездом. Вместе с Марусей находилось еще пять террористок в возрасте от 19 до 26 лет: Л. Езерская, М. Школьник, А. Измаилович, Р. Фиалка и А. Биденко. Именно здесь произошло знакомство Спиридоновой с Александрой Адольфовной Измаилович (1878–1941), ставшей ее подругой на всю жизнь и вместе с ней принявшей мученическую кончину.

Однако сначала дружеские отношения между девушками не сложились. Амбициозность Маруси раздражала Александру. Началось своеобразное соперничество, «мерянье» заслугами.

Александра была на шесть лет старше Спиридоновой, тоже провинциальная дворянка, барышня из хорошей семьи — ее отец имел чин генерала, был начальником 4-го Артиллерийского

корпуса. Старшая из пятерых детей, Александра окончила высшие женские курсы в Петербурге и успела немного поработать учительницей. В партию эсеров она вступила уже в 14 лет. Позже за ней последовала и младшая сестра Катя. Свой теракт Александра Измаилович пыталась осуществить 14 января 1906 года, чуть ли не в один день с покушением Спиридоновой. Она вместе с эсером-идеалистом Иваном Пулиховым должна была уничтожить минского губернатора П.Г. Курлова, военной силой подавлявшего революционные выступления, и его подручного полицмейстера Д. Д. Норова.

Когда Павел Курлов вышел из церкви, сверху ему на голову упал некий угловатый предмет. Губернатор принял его за ком снега, но окружающие поняли, что это бомба. Приближенные Курлова пытались быстро увезти своего патрона, но стоявшая в первых рядах женщина в платочке выхватила браунинг и открыла по генералу огонь. Пуля пробила воротник шинели полицмейстера Норова. Террористку повалили и скрутили трое городовых. Уже в обезоруженную и распластанную на земле женщину Норов выпусти несколько пуль из револьвера — но тоже не попал. На следующий день террористку опознал дворник из генеральского дома — это была Александра Измаилович.

Оказывается, в полиции заранее знали о покушении и приняли меры. Бомба для Курлова не взорвалась потому, что ее разрядила агентесса Московского охранного отделения Зинаида Гернгросс-Жученко[5]. Установили, что из пистолета Измайлович было выпущено пять пуль, а из оружия Пулихова — ни одной. Суд приговорил обоих террористов к смертной казни, и в отношении Ивана Пулихова приговор немедленно привели в исполнение: его повесили на воротах минской тюрьмы. Измаилович, как и Спиридоновой, смертная казнь была заменена бессрочной каторгой.

Несколько дней спустя, 27 января 1906 года сестра Александры Измаилович, Екатерина, младше нее на три года, стреляла в командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина и ранила его. Это был акт возмездия за кровавую расправу с экипажем мятежного крейсера «Очаков». В тот же день она после зверских побоев была без следствия и суда расстреляна. Когда тело Кати Измаилович привезли на освидетельствование, оно напоминало мешок с толчеными костями.

Так что две героини могли потягаться страданиями и мученичеством.

Среди шестерых осужденных женщин-террористок Лидия Езерская, стрелявшая в Могилеве в губернатора Клингенберга, и уроженка Виленской губернии Мария Школьник, покушавшаяся

на черниговского губернатора Хвостова, были, как и Измаилович, из Белоруссии. Ревека Фиалка тоже родилась в Минской губернии, но мастерила снаряды и перевозила динамит для товарищей на юге России, преимущественно в Одессе.

Несмотря на суровый приговор, этап на каторгу превратился для осужденных в триумф. Революция в Сибири еще не была окончательно подавлена. На каждой станции девушек встречали многотысячные восторженные толпы, начинались митинги, осужденных засыпали цветами и конфетами. Поезд с революционерами называли «царским». В глазах задавленных бесправием россиян эти люди, которые много месяцев провели в тюрьмах Европейской России и совершали теперь изнурительный путь на окраину государства, выглядели мучениками за народную свободу.

Даже конвойные солдаты сочувствовали политкаторжанкам и вместе с ними революционными песнями отметили известие о втором, удачном покушении на адмирала Чухнина, который был убит на собственной даче «Голландия» под Севастополем неизвестным боевиком.

Ни одна из других пятерых террористок не имела такой популярности, как Мария. На станциях по пути следования поезда собирались огромные митинги. Люди скандировали «Спи-ри-донова! Спи-ри-до-но-ва! Да здравствует Спиридонова! Привет Спиридоновой!» Она охотно и с воодушевлением выступала перед приветствующими ее толпами, но, вернувшись в вагон, валилась без сил — давали знать отбитые легкие, ломило виски, кружилась голова.

Александра Измаилович вспоминала; «За всю дорогу было только два темных пятна. В Сызрани какая-то купчиха крикнула: „Как же, героиня! В историю попадете!“ И в Сибири на маленькой станции, пожилой рабочий сказал: „Что ты делаешь, безумная?“».

После поезда осужденных женщин везли в Акатуй на тарантасах. А. Измайлович рассказывала об этом путешествии с теплым чувством: «В пути около полудня располагались в каком-нибудь хорошем местечке, около речушки, и часа три валялись на траве, купались, пили чай. Я первые дни много шла босиком. Но скоро пришлось сдаться. Ноги, обожженные горячим песком и исколотые, давали о себе знать. Пришлось сесть в экипаж».

И вот, наконец, каторжанки в Акатуе.

Акатуйская тюрьма с 1826 года, со времен декабристов предназначалась для политических заключенных. Расположена она была в 625 км от Читы при свинцово-серебряном руднике Нерчинского горнозаводского округа — «во глубине сибирских руд…». Сюда были сосланы декабрист Михаил Лунин, участники

польских восстаний, народники, мыслитель и общественный деятель М.В. Петрашевский. После 1890 года Акатуйская тюрьма стала основной политической каторгой России. После 1906 года в Акатуй стали заключаться участники Первой русской революции, позже отсюда сумел сбежать Григорий Котовский. А с 1911 года Акатуйская тюрьма была преобразована в женскую каторжную тюрьму.

Александра Измаилович описала радостную встречу их в Акатуе, организованную гомельчанином Петром Карповичем и другими мужчинами-эсерами, «Вот мы у ворот тюрьмы. Здесь нас подхватила шумная волна, оглушила громом революционных песен, осыпала цветами. Как сквозь сон смотрели мы на происходящее. Мы оказались в каком-то дворике среди улыбающихся мужчин, женщин и детей. Дети тоже пели и бросали в нас цветами. Кругом флаги, гирлянды цветов, надписи: „Да здравствует социализм“, „Да здравствует партия социалистов-революционеров“. Мы стояли под звуки „Марсельезы“ и под дождем цветов, растерянные. Еле-еле нашла взглядом Гершуни и Сазонова. Какие-то дамы, жены каторжан, повели нас в баню, потом кормили обедом, фотографировали. Потом во дворике среди зелени пили чай.

По приезде нашем заходил к нам начальник тюрьмы. Расшаркивался, пожимал руки и все спрашивал, удобно ли будет нам в наших каморках».

Похоже, ужасы Акатуя были сильно преувеличены.

Здесь произошло личное знакомство Маруси с Гершуни и Сазоновым — однопартийцами-боевиками, которые морально поддерживали ее в заключении. Гершуни был знаменит организацией убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина, уфимского губернатора Н.М. Богдановича, покушения на харьковского губернатора И.М. Оболенского. «Убежденный террорист, умный, волевой, Гершуни умел добиваться беспрекословного исполнения приказов. Как-то особенно откинутый назад, покатый купол выпуклого лба, волевые очертания рта, гладко выбритого подбородка, быстрота движений, скупость на слова, при замечательном уменье слушать и заставить разговориться своего собеседника. Немногие его реплики в разговоре обличали такт и редкое уменье направлять ход беседы», — описывал Гершуни В.М. Чернов. Знаменитый эсер-террорист Борис Савинкова вспоминал: «В Гершуни обращала внимание его наружность… На обыкновенном добром еврейском лице, как контраст ему, выделялись совершенно необыкновенные большие, молочно-голубые, холодные глаза. В этих глазах оказывался весь Гершуни. Достаточно было взглянуть на них,

чтобы убедиться, что перед вами человек большой воли и несокрушимой энергии».

На Спиридонову Гершуни произвел сильное впечатление: «Для его обрисовки не находится подходящих слов. Все наши слова однобоки, узки, выражают с большой неточностью и бедностью ту или иную черту из богатства человеческой психики…. Он был талантлив не только в работе… — но и в самой жизни; в интимно-душевной минутке ее сказывалась та же полноценность и многоценность способности. Любовь к жизни, к счастью и радости была в нем, страстном и полном сил человеке, совсем языческой. Поражала его энергия. Она была необъятна, всегда действенна и необыкновенно заразительна. …Он был большим ловцом и господином людей. И господство его не было тиранническим. …В круг его влияния попадали почти все с ним соприкасавшиеся — одни, только любя и безмерно уважая его, другие, отдавая ему свою волю и душу, как ученики любимому учителю. Со слепым подчинением…». Между Гершуни и Спиридоновой возникла тесная духовная связи, о которой впоследствии говорил И. З. Штейнберг.

Гершуни, как до него Михаил Гоц[6], восстал против тактики эсеров-максималистов, взорвавших дачу премьер-министра П.А. Столыпина, когда она была полна посторонних людей, ждавших приема для ходатайства за близких. Вместе с «бабушкой русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской решительно выступил и против тактики экспроприаций.

Другой новый знакомец — Егор Сазонов — исполнитель убийства министра внутренних дел Плеве в 1904-м году был сам тяжело ранен взрывом бомбы. Петербургская судебная палата приговорила бомбиста к бессрочной каторге. На Марусю он не произвел такого сильного впечатления, как Гершуни. Возможно, говорила партийная ревность: она сама готовила себя к убийству этого безжалостного человека. Но она с грустью вспоминала Сазонова, когда впоследствии, протестуя против наказания розгами каторжан, он принял яд и скончался 28 ноября 1910 года, своей смертью предотвратив предполагавшееся массовое «запарывание» заключенных.

Здесь у Маруси появился и еще один новый друг — единственный сын классика армянской литературы Прош Перчевич Прошьян, ее будущий соратник по созданию партии Левых эсеров.

Удивляют воспоминания каторжанок об их самообразовании, о политических диспутах, лекциях, огородничестве, театральной самодеятельности, о массовых занятиях фотографией во время их жизни в Акатуе. Сложилось нечто вроде образовательных курсов,

на которых «знатоки» делились знаниями с менее подготовленными. Мария Беневская вела занятия по химии, Надежда Терентьева — по истории, Александра Измайлович — по литературе, Зинаида Бронштейн — по философии. Были занятия и «практического характера». Сарра Данциг, профессиональная массажистка организовала кружок по освоению навыков массажа. Занятия были настолько успешными, что одна из ее учениц, выпущенная с каторги на поселение в Якутск, безбедно жила там на заработки от сеансов массажа.

За границей чудом сохранился акатуйский фотоальбом — в СССР это был бы антисоветский документ. На фото видно, как каторжане занимаются в кружках по интересам, гуляют, пьют чай… Женщины, как правило, носили не арестантскую одежду, а свое платье, нередко светлых тонов, пользовались украшениями. У всех довольные, вовсе не аскетичные лица. В 1906 г. в тюрьмах было вольное житье. Они походили скорее на клубы, в которых вроде добровольно и временно до улажения некоторых политических осложнений, «соглашались» посидеть социалисты и анархисты, чтобы, конечно, скоро выйти на волю и даже в случае чего крупно посчитаться с теми, кто стал бы «угнетать» их в тюрьмах. Воля шумела свободной печатью, протестами и митингами — вспоминала Спиридонова. Ручные кандалы надевались только накануне приезда окружного начальства. На лекции руководителя боевой организации эсеров Г. Гершуни по истории русского революционного движения собиралась вся тюрьма, из-за ворот приходили охранники, и даже начальство позволяло себе слушать лектора и уточнять у него кое-какие детали.

Ирина Константиновна Каховская писала о днях, проведенные на каторге: «Женская каторга лишена кровавого драматизма мужских тюрем, а наша, в частности, отличалась изумительно ровной, буквально ничем не волнуемой извне жизнью. <…> Режима в тюрьме никакого не было. Запертые в своей половине, мы в ее пределах делали все, что хотели. Администрацию мы видели только на поверке; все неизбежные переговоры с нею у нас велись исключительно через политического старосту…»

Женщины с нетерпением ждали весны. Тогда «горы кругом покрывались цветами, чрезвычайно разнообразными и яркими по своим краскам, о которых мы в центральной и даже южной России не имели понятия. Яркие кроваво-красные саранки на высоких стеблях, дикие орхидеи всевозможных цветов, называющиеся в тех местах „кукушкины слезки“, длинные болотные ирисы, розовые заросли смолистого богульника,

красные пионы под названием „Марьины коренья“, и целый ряд других цветов — ромашка, мак, подснежники — всякими путями проникали к нам в тюрьму, и наши камеры благодаря им теряли тот убогий вид, какой они имели зимой». Об этом писали каторжанки-эсерки Фанни Радзиловская и Лидии Орестова.

В непогоду заключенные занимались театральными постановками. Выбор репертуара говорит о широте их культурных интересов. Ставили очень модную мелодраму польского драматурга и мистика начала 20-го века Станислава Пшибышевского «Снег», в которой главную роль Бронки играла Маруся Спиридонова; в драме Ибсена «Пер Гюнт» роль главного героя была доверена Сане Измаилович.

Но, конечно же, жизнь политкаторжан в Нерчинских острогах трудно назвать курортом. Они были лишены всех прав и званий, и это тяготило самолюбивых, обладавших высокой самооценкой молодых женщин. К тому же тюрьма, какой бы «мягкой» она ни была, — это всегда изоляция от внешнего мира, разлука с родными и близкими. Особенно угнетало так называемое «вынужденное общение», когда человек должен был постоянно жить среди людей, находиться всегда «на виду», без возможности уединения. Именно это, а также отсутствие личного пространства, по воспоминаниям каторжан, было самым тяжелым испытанием, и не каждый его выдерживал. Не случайно, среди прошедших каторгу, было так много людей с надломленной психикой.

Постепенно режим ужесточался. Были и очень тяжелые годы с голодовками, беспросветным отчаянием и болезнями. Маруся, как все борцы, пыталась бежать, причем трижды, однако попытки заканчивались неудачно. Позже, в 1926 году Мария Спиридонова опубликовала книгу «Из воспоминаний о Нерченской каторге»: «Выпускали гулять на честное слово далеко в лес, человек по 60 за раз, на весь день. Ко времени нашего приезда тюрьмы скорее походили на клубы. Но рабочему, малоразвитому человеку трудно было сидеть, потому что ему нужна смена впечатлений. Мало на каких каторгах была работа и оттого десятки товарищей становились больными людьми. Когда некоторым у давалось выбраться на каторжные золотые прииски, они оттуда писали счастливые письма и, главное, имели возможность приработать на себя».

Эсеры не только снабжали заключенных однопартийцев книгами и деньгами, не только поддерживали их морально. Их помощь была более действенной. 13 октября 1906 года эсеры организовали побег из тюрьмы Григория Гершуни. Его вынесли в бочке с квашеной капустой. Вдоль всего пути из Акатуя во

Владивосток были организованы пункты, на которых для него меняли лошадей. Из Владивостока Гершуни переправился в Японию, добрался до Китая, затем переехал в Америку, где выступал на массовых митингах сторонников русской революции и собрал для партии сто восемьдесят тысяч долларов.

Правда, этот побег сказался на положении других заключенных.

Зимой 1907 года поступило распоряжение об этапировании женщин-«политических» в Мальцевскую тюрьму. Это вызвало возмущение у заключенных, так как путешествие в суровый мороз могло быть крайне опасным для их жизни и здоровья. Однако начальство жестко потребовало выполнения распоряжения о переводе также и в отношении больных Спиридоновой и Школьник.

Егор Созонов был переведен в Зерентуйскую каторжную тюрьму, где на первый взгляд режим содержания считался более свободным. Однако правительством были приняты меры к тому, чтобы не повторились случаи, подобные побегу Гершуни. Присланный из центра новый начальник тюрьмы И. Высоцкий уравнял политзаключенных с уголовными, а затем, придравшись к ничтожному поводу, приказал выпороть диссидентов. Чтобы предотвратить порки и привлечь к судьбам узников общественное мнение, Созонов принял яд.

Женский круг

Чем дальше от Петербурга и Москвы, тем больше тюремный быт приобретал человеческий облик. Это четко прослеживается в мемуарах Фанни Радзиловской и Лидии Орестовой, социалисток-революционерок, несколько лет отбывавших наказание на Мальцевской женской каторге, входившей в состав Нерчинской каторги — основного места отбывания наказания в Восточной Сибири.

К этому времени (с марта 1893 года) был принят закон об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин. Его принятие предваряла печально известная Карийская трагедия — массовое самоубийство политкаторжан в знак протеста против применения розог к их товарищу, народоволке Надежде Сигиде (Малаксино). Протестуя против жестокого и унизительного обращения с заключенными коменданта каторги В. Масюкова, Надежда ударила его по лицу. Офицеру, публично получившему пощечину от женщины, полагалось подавать в отставку. Однако ничего подобного не последовало. За свой поступок Сигида была подвергнута жестокому телесному наказанию — ста ударам розгами. После экзекуции в знак протеста Надежда покончила с собой, приняв большую дозу опия.

Фридрих Энгельс, узнав о трагедии, заявил: «Подвиг этой удивительной русской молодой женщины, я уверен, никогда не забудется. Трагедия на Каре достойна открыть историю жизнеописания святых героев и мучеников за революцию».

Всего с 1907 по 1917 год в Мальцевской отбывали наказание 62 политкаторжанки. Им удалось создать в тюрьме что-то вроде коммуны, жизнь которой практически не пересекалась с администрацией тюрьмы.

«В смысле режима, установленного для каторжан, мы имели целый ряд поблажек и незаконных вольностей. Установилось это само собой, без особой договоренности. Держали мы себя с начальством гордо и независимо, но никакой тюремной борьбы не вели, поскольку наше начальство не давало для этого поводов. Так, к нам ни разу не была применена унизительная команда „встать“, никто никогда не обращался к нам на „ты“, ни разу не были применены репрессии, карцеры, нас не заставляли петь молитвы, — рассказывали авторы мемуаров. — Новенькие, приезжавшие из России, где обычно в тюрьмах шла суровая борьба с администрацией, недоумевали, попав в мирную тихую обстановку, без всякой борьбы. Многим вначале казалось, что они попали в золоченую клетку, где убивают мысль о борьбе».

Деньги, получаемые из дома, обычно складывались в общий котел. Беневская и Измайлович получали из дома по 50 рублей, Зина Бронштейн и еще двое-трое по 25 рублей в месяц, остальные — поменьше, некоторым помощь приходила нерегулярно. Каждой каторжанке разрешалось выписывать для себя продукты на 4 рубля 20 копеек в месяц. Для сравнения: до 1914 года стоимость за фунт продуктов (немного меньше, чем полкило) составляла: ржаной хлеб — 2 копейки; говядина — 10–22 копейки (в зависимости от сорта); сельдь — 6 копеек; сливочное масло —48 копеек; десяток яиц — 30 копеек.

Большим подспорьем были также посылки, приходившие без ограничений даже из-за границы. Сладости из них всегда делили между собой. «Однажды Маруся Беневская получила из Италии от своих родных прекрасный торт», который поделили на всех. «Хотя каждому из нас достался микроскопический кусочек, но мы были довольны, так как этот кусочек торта показался нам очень сытным и, по мнению большинства, „лег камнем в желудке“. Через некоторое время Беневская получила длинный рецепт о том, как и сколько времени надо печь торт. Оказалось, что торт „лег камнем“ потому, что мы по незнанию съели его сырым». Родственники по мере сил старались обеспечить каторжанок всем необходимым. Не только питание, но и самовары, одеяла, книги, модная одежда регулярно поступали с воли.

О том, получала ли Спиридонова помощь и посылки из дома, никаких сведений не имеется. Делившие с ней каторгу вспоминают только, что она была очень серьезно больна. «Время от времени она впадала в бредовое состояние и целыми сутками лежала в забытьи, без сознания. Во время болезни надзиратели ее не тревожили и не входили к ней в камеру». Требовалось серьезное лечение, но администрация противилась. Заключенные Горно-Зерентуйской тюрьмы, где имелась больница, объявили голодовку и добились перевода больной к ним. «День ее приезда остался одним из ярких моментов в жизни Горного Зерентуя».

«На каторге собрались женщины самых разных характеров и устремлений. Яркие настроения мистицизма, богоискательства и непротивленчества привезла с собой Мария Беневская. „В ней было очень много привлекательного. Никогда ни в чем никому не отказать, дать другому книгу, которую хочется самой прочесть, постоянно отдавать себя другим — это было девизом Марии, и выходило это у нее легко и радостно, так что от нее все легко принималось. У Марии не было одной кисти руки, двух пальцев на другой руке, и остальные три пальца были изуродованы. Потеряла она руку при взрыве бомбы у себя на квартире. Многие из нас по приезде в Мальцевскую очень долго не замечали ее

инвалидности, потому что она не была беспомощной, много работала, стараясь все делать сама, и потому, что инвалидность не убила ее жизнерадостности. Очень привлекательная в общежитии, красивая, с лучистыми синими глазами, белокурыми кудрями, звонким жизнерадостным смехом, она привлекала многих своей личностью, и незаметно некоторые подпадали под влияние ее мировоззрения, тем более, что идеи, которые она воплощала, просачивались тогда с воли“. Уголовным Беневская, несмотря на свою инвалидность, писала прошения ровным, размашистым и красивым почерком и никогда им в этом не отказывала.

Крестьянка Анастасия Биценко сумела получить образование, вышла замуж, но оставила мужа во имя идеи. Во время первой русской революции в Саратов для усмирения крестьян командировали генерал-адъютанта Виктора Викторовича Сахарова. Анастасии не удалось получить санкцию на теракт в отношении карателя со стороны Боевой организации партии эсеров. Тем не менее, решительная Биценко пришла в дом губернатора, где остановился генерал, и попросила аудиенции. Она смело протянула Сахарову вынесенный ему эсерами смертный приговор, дала время прочитать и всадила в генерала четыре пули.

Анастасию приговорили к смертной казни, которую заменили вечной каторгой.

Дочь богатого сибирского купца Надя Терентьева, окончив гимназию, поступила на женские курсы в Москве и вскоре вошла в ПСР. В комнате Терентьевой в студенческом общежитии была устроена партийная явка. Там девушка познакомилась с Зинаидой Конопляниковой и Анастасией Биценко и научилась изготавливать бомбы. Этот навык пригодился при подготовке взрыва дачи Столыпина. Во время Декабрьского восстания Терентьева вместе с вождями московской оппозиции (М.И. Соколовым-Медведем и другими) участвовала в баррикадных боях на Бронной и Пресне. В мае 1906 года она вошла в Боевую организацию максималистов. Была арестована в Одессе в составе группы боевиков, готовивших покушение на командующего Одесским военным округом барона А.В. Каульбарса, и осуждена на пожизненную каторгу.

22 августа 1907 года в ручных и ножных кандалах на каторгу доставили осужденную на казнь бомбистку Фанни Каплан. В вину ей вменялось покушение на киевского генерал-губернатора Сухомлинова. Правда, бомба взорвалась в гостинице и покалечила лишь незадачливую террористку, но вины это с нее не сняло. Поскольку она была несовершеннолетней, казнь заменили

бессрочной каторгой. В сопроводительных документах была отмечена склонность девушки к побегам. Однако она находилась в столь плачевном состоянии, что о побегах говорить было просто нелепо. В руке и ноге у нее оставались неизвлеченные осколки бомбы, она страдала глухотой (тоже последствия взрыва) и ревматизмом. Осенью Фанни (которую на каторге звали Дора) была переведена в Мальцевскую тюрьму. В январе 1909 года Фанни полностью ослепла. Она пыталась покончить с собой, но неудачно. Тюремные врачи полагали, что заключенная симулирует слепоту. Однако администрация, убедившись, что девушка действительно ничего не видит, сделала ей послабления в работе. Другие каторжанки заботились о Фанни. Особенно пеклась о болящей Маруся Спиридонова — сама очень нездоровая, она ухаживала за ней, читала ей вслух, подарила дорогую теплую шаль. Так девушка прожила в течение многих лет слепой, и только в 1913 году была переведена в Иркутск для лечения. „Она подвергалась электризации (сначала постоянным, потом переменным током), впрыскиваниям стрихнина и пила йодистый калий“. Оказалось, что лечить можно и нужно: зрение ее не стало, конечно, вполне нормальным, но во всяком случае это уже не был тот полный мрак, в котором она жила столько лет.

Все террористки, приговоренные к бессрочной каторге, оставались в Мальцевской тюрьме вплоть до революции.

Самая старшая из политкаторжанок, сорокалетняя Лидия Павловна Езерская (1866–1915), была дочерью богатого помещика. В прошлом она работала зубным врачом и имела собственный кабинет сначала в Петербурге, потом в Москве, который идеально подходил для организации тайных собраний. Но Лидия жаждала активных действий. В 1905 году, явившись на прием к Могилевскому губернатору Клингенбергу под девичьей фамилией своей матери баронессы Мейендорф, она ранила его из браунинга. „Она была больна чахоткой в серьезной стадии, но умела так незаметно ею болеть, что многие и не подозревали опасности ее недуга. Уже пожилая, полная, очень бодрая, всегда заметная, с кем-нибудь читающая, кому-нибудь преподающая, всегда с шуткой и интересным разговором на устах, попыхивая вечной папироской, она жила „по привычке, по инерции“, как говорили мы про ее жизненную энергию, зная от доктора о тех кусочках легких, которыми она уже не дышала, а хрипела“ — писала Мария Спиридонова в своих воспоминаниях.

В 1908 году число каторжанок пополнила дочь потомственного почетного гражданина, дипломированная домашняя учительница Ирина Каховская. Она была правнучатой племянницей первого русского террориста — декабриста Петра

Каховского, одного из пяти повешенных. Принадлежность к мятежной ветви рода, возможно, на генетическом уровне определила ее будущее. Однако сначала ничего не предвещало бурной и мятежной судьбы. Окончив в Петербурге Мариинский институт для сирот благородного происхождения с высокими оценками, „при отличной нравственности“, Ирина при выпуске была „всемилостивейшее удостоена награждения Серебряной Медалью“ самой императрицей Марией Федоровной. Но повышенное чувство справедливости, ненависть к любому угнетению привели ее в ряды защитников народа — эсеров. За антиправительственную деятельность и агитацию Ирина была приговорена к каторжным работам сроком на 20 лет (при утверждении приговора срок снижен до 15 лет).

Мать Каховской Августа Федоровна также переехала в Акатуй. Одна из политкаторжанок вспоминала: „Старушка жила тяжким трудом, учила ребят, чтоб поддержать дочь, и мужественно несла все невзгоды каторжного положения. Первый год на Акатуе она была нашей живой связью с волей…“ В октябре 1911 года Августа Федоровна была уличена в нелегальной передаче писем политкаторжанам, после чего военный губернатор Забайкальской области запретил ей свидания с дочерью.

Ирина больше других выполняла физическую работу и старалась тяжелые обязанности других также взять на себя. „Она носила воду в околодок, выносила ряжки что, однако, не мешало ей много заниматься самой и обучать других“. Она считалась одной из наиболее авторитетных учительниц французского языка. Ей повезло: ее амнистировали в 1914 году по случаю 300-летия Дома Романовых, и она перешла в разряд ссыльно-поселенок.

Несмотря на рассказы об кошмарных условиях содержания в царских застенках женщин-революционерок, действительность, по-видимому, была не так беспросветна. Сами террористки впоследствии рассказывали что камеры, в которых даже были цветы, обычно не запирались. Спиридонова, как и другие заключенные социалистки, не работала. В обязанности политических входила уборка камер, стирка белья и топка печей, то есть самообслуживание. Белье носили свое, не казенное, и его накапливалось много; поэтому самым тяжелым трудом считалась стирка. В отличие от сталинских лагерей политические, особенно бессрочницы, находились здесь в привилегированном положении по сравнению с уголовными, которые целый день выполняли тюремные уроки, вязали варежки и шили рубахи на мужские тюрьмы, сучили пряжу на казну, выполняли работы за оградой тюрьмы, стряпали на всю тюрьму». Их положение было куда хуже,

чем у политических заключенных.

Политические читали книги на разных языках, занимались философией, историей, политэкономией. Печатные издания, как и деньги, им регулярно присылали по почте. Новейшая беллетристика приходила в сборниках «Альманах» и «Знание». Особенно волновавшие тюрьму новинки иногда прочитывались коллективно вслух. Так были прочитаны «Мои записки» и «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. И. К. Каховская вспоминала: «Книги, конечно, были главным содержанием жизни, ее оправданием, смыслом, целью. Мы получали их в достаточном количестве с воли, главным образом научные, и подобрали небольшую, но ценную библиотеку по разным отраслям знания».

Большинство каторжанок утверждали, что пожалуй, из всех радостей в тюрьме — возможность углубленно мыслить и заниматься — больше всего захватывала и волновала. «Вспоминается, как сидишь вечером, кругом необычайная, какая-то отчетливая тишина, читаешь что-нибудь очень сложное и трудное, подчас крайне отвлеченное, и чувствуешь, физически ощущаешь острый процесс и радость мысли. Такое углубление в науку, такую радость занятий, трудно, конечно, представить на воле, где сама жизнь требует огромного напряжения и отнимает и физические и психические силы».

Весной 1911 года в связи с усилением режима политкаторжанок перевели в Акатуй. «Романтическая мальцевская юность уступила место суровому трудовому и еще гораздо более замкнутому акатуевскому совершеннолетию», — записывала Каховская. Во время пути Маруся Спиридонова надеялась бежать. Из Швейцарии по поручению ЦК Партии социал-революционеров для организации побега приехал эсер-эмигрант Аркадий Сперанский. Деньги для этого достали В.Н. Фигнер, в прошлом член исполнительного комитета «Народной воли», проведшая в заключении и ссылке более 20 лет, и С.Г. Кропоткина. Однако из этой затеи ничего не вышло, а сам Сперанский в результате угодил на поселение на 5 лет. На последней остановке — в Александровском заводе, в 17 километрах от Акатуя, Маруся выбросила револьвер, который у нее был на случай побега.

В конце 1910 года на вечное поселение в Читканскую волость Баргузинского уезда была отправлена Ревекка Фиалка. Она пробыла в Баргузине до конца 1915 года без права передвижения даже по области.

Самая старшая заключенная Лидия Езерская, жившая почти без обоих легких, в 1909 году была освобождена и выслана в Забайкальскую область. Инвалидами были признаны и досрочно

освобождены Мария Беневская, у которой не было одной кисти руки и двух пальцев на другой, и М.В. Окушко, повредившая позвоночник при попытке побега из Литовского замка.

В 1912 году с поселения бежали, направляясь в европейскую часть России, Радзиловская и Аскинази. В поезде беглянки столкнулись нос к носу с начальником Мальцевской тюрьмы Павловским, прекрасно знавшим их в лицо. Он тут же понял, что барышни в бегах, но отвернулся, предпочитая делать вид, что не заметил и не узнал недавних каторжанок.

Жажда свободы обуревала заключенных, осужденных пожизненно. По мере того, как их товарки выходили на волю, оставшиеся или впадали в депрессию, или, наоборот, развивали бурную деятельность.

Марии Школьник потребовалась операция, которую не могли провести в тюремных условиях. Маню перевезли в Иркутск, однако и там врачи несколько месяцев отказывались ее прооперировать, пока Школьник сама не написала письмо доктору Михайловскому с просьбой помочь ей. Вскоре после успешной операции Маня бежала из тюрьмы, переодевшись в мужскую одежду и добралась до Америки. Впоследствии Мария Школьник, вернувшись из США, нашла себя в Советской России, примкнула к большевикам и умерла в 1955 году заслуженным человеком и персональной пенсионеркой.

Маленькое содружество становилось все меньше и меньше. Остались Маруся Спиридонова, Саня Измайлович, Дора (Фанни) Каплан, Анастасия Биценко и еще несколько женщин-заключенных.

Партия эсеров не забывала свою отважную дочь. Для поднятия духа девушки Владимиру Вольскому, по некоторым сведениям считавшемуся ее женихом до ареста, было рекомендовано вступить с ней переписку. Письма Вольского удерживали девушку от отчаянья, придавали некоторую терпкость пресной каторжной жизни. Безусловно, Вольский-товарищ как и вся прогрессивная общественность, был глубоко возмущен издевательствами, которым подверглась Мария, горячо ей сочувствовал, готов был помогать всеми силами и средствами. Но Вольского-мужчину вряд ли вдохновляла девушка в ее теперешнем состоянии: поруганная и униженная, с выбитыми зубами, невидящим глазом — теперь она вынуждена была носить очки, — с отбитыми легкими… Он хотел иметь нормальную семью и женился по любви на Марии Павловне Красниковой — дочери статского советника. Но об этом Маруся еще не знала…

Александра Измаилович тоже имела в прошлом романтическую историю. В ее сестру Катю, высокую, стройную, с

бледным лицом и горящими черными глазами влюбился член подпольного эсеровского комитета по кличке Карл. Он не подавал вида, но все об этом догадывались. Екатерине намекнули, что она покорила Карла, но та только покраснела и возмущенно сказала: «Какие глупости».

После гибели Кати, когда Александра ждала в своей камере смертного приговора, Карл стал перестукиваться с ней из своей камеры через стену, утешать ее, много говорить о Кате. Это странное общение необыкновенно их сблизило, постепенно вспыхнул роман. «В тиши безмолвных вечеров выросла волшебная сказка нашей любви. Как смеялись мы над стеной! Построенная для того, чтобы разделять, она соединила нас», — рассказывала Александра. Даже уголовные сочувствовали влюбленным и передавали их письма. А один из них по кличке «Сатана» тоже писал Измаилович послания в стихах с многочисленными ошибками. Он обещал, что когда выйдет на свободу, станет грабить исключительно для партии Александры.

У Маруси и Сани было так много общего — происхождение, воспитание, интересы, революционная деятельность, смертный приговор и его отмена… Но они не были копиями друг друга; каждая представляла исключительную самостоятельную личность.

Саня много возилась с детьми уголовных. Она выписывала для них с воли одежду, мыла и вычесывала им головы, занималась гимнастикой, играла в разные игры и обучала их. Она часто наказывала ребят за нарушение запрета ходить по грядкам посаженных цветов, поскольку сама была инициатором посадок. Фанни Радзиловская рассказывала: «Комично проходили всегда Санины заботы об удобрении. Приходилось искать человеческий навоз. И Саня, чтобы не пропустить нужный материал, следила за каждым из нас, упрашивала и умоляла постараться и необычайно радовалась, когда натыкалась на клиента».

Старостой политические по большей части избирали боевую Настю Биценко, которая должна была разрешать все недоразумения и вести переговоры с начальством. Через несколько лет германский дипломат писал, что Биценко, «судя по всему, примитивная фанатичка, выглядевшая как пожилая домохозяйка». Похоже, она не вписывалась в маленькое содружество Маруси, Сани и Иры. С ней задушевности не получилось, очень уж они были разные, и впоследствии их пути разошлись.

Тем временем происходили события, которые косвенным образом предопределили развитие Российского государства и вовлекли в свою круговерть судьбы большинства каторжанок.

Вести с воли

Две группы держав соперничали в борьбе за экономическое и политическое влияние в мире. Противостояние переросло в Первую мировую войну.

Германия, чувствовавшая себя обделенной при колониальном разделе мира, то пыталась создать союз с Великобританией против Франции, то договориться с другими странами о континентальной блокаде Великобритании, причем делала это едва ли не одновременно. «Миновали те времена, когда немец уступал одному соседу землю, а другому — моря, себе оставляя небо. Мы требуем себе места под солнцем»! — заявлял Бернхард фон Бюлов, канцлер Германской империи в 1900–1909 годах.

Британское правительство не могло смириться с экономическим доминированием Германии. Учитывая, что на протяжении многих столетий Британия была «мастерской мира», самой экономически развитой страной. Британия жаждала своего рода отмщения, но отмщения экономического.

В результате унизительного Франкфуртского договора 1871 года Эльзас и Лотарингия были отчуждены в пользу Германии и стали имперскими территориями. Не одно поколение французов помнило об этом национальном унижении.

Основной национальной идеей и геополитической целью России было возвращение Константинополя в лоно Православной церкви — «поставить крест над Святой Софией». Это должно было решить все проблемы с проливами из Черного моря в Средиземное. И плюс ко всему, конечно, оттеснить немцев с Балкан.

У Великобритании сложились хорошие отношения с французским руководством, а в сферу французских интересов оказалась втянута Россия. В итоге у запертой в середине Европы Германии не осталось иного выбора, кроме как заключить союз с гораздо более слабыми Австро-Венгрией и Италией. Так появился Тройственный союз. Однако в 1904 году Великобритания и Франция подписали соглашение, которое получило название Антанты, от французского слова entente — согласие. Антанта стала политическим блоком, противопоставившим себя Тройственному союзу. Все европейские государства стремились войти в число лидеров мировой экономики и политики за счет ослабления противника.

Западную Европу охватили националистические настроения. Прогрессивные политические деятели стремились помешать грядущему военному противостоянию, объясняя обществу, что

предстоящая война будет вестись не в интересах народа, а лишь кучки толстосумов.

Но колесо уже закрутилось.

Поводом к началу войны стало убийство в сербском городе Сараево австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги, совершенное в июне 1914 года террористом из сербской националистической организации «Млада Босна» студентом Гаврилой Принципом. Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, а затем объявила ей войну Для поддержки Сербии Россия, которая исторически считалась защитницей православных славянских народов Балкан, предприняла ряд дипломатических шагов. Николай II направил германскому императору Вильгельму II телеграмму, в которой «во имя старой дружбы» просил его «помешать союзнику зайти слишком далеко в неблагородной войне, объявленной слабой стране». Вильгельм II ответил, что виновники «подлого убийства» должны понести заслуженное наказание. В ответ на это Россия начала всеобщую мобилизацию, а Германия 19 июля объявила Российской империи войну. Ее примеру последовала Австро-Венгрия.

При этом все стороны конфликта заявляли о высоких идеалах, стоящих за этой войной. Например, помощь братским славянским народам, помощь братским германским народам и империи. Однако среди союзников существовали подозрения и опасения в вопросах доверия друг к другу: вдруг кто-то сорвется и заключит сепаратный мир с вражеской стороной.

Началась мировая бойня, в результате которой Россия пережила две революции, коренную смену государственного строя и потеряла миллионы своих граждан.

Когда противоборствующие силы изготовились к бою, выяснилось, что в их рядах есть дезертиры. Тройственный союз потерял Италию. В свою очередь Россия обнаружила, что ее предали болгары. И тем не менее, Россия вступила в войну, не успев завершить перевооружение своих войск. Однако высокий патриотический подъем, царивший в обществе и армии, позволил добиться успехов на первом этапе войны.

Россия одержала целый ряд побед, прежде всего на Юго-западном фронте. Фактически Россия разгромила Австро-Венгрию. Несмотря на неудачи в Восточной Пруссии, силами Юго-Западного фронта удалось провести операцию, в результате которой были разгромлены соединения австро-венгерской армии, заняты Львов (тогда это был австрийский город Лемберг), Буковина, то есть Черновцы, Галиция. Русская армия подошла к Карпатам. Были проведены и успешные операции против

германских войск под Варшавой и Лодзью.

Осенью 1914 года на стороне Тройственного союза выступила Турция. Открытие Кавказского фронта в значительной степени осложнило положение России. Войска стали испытывать острую нужду в боеприпасах, положение осложняла беспомощность союзников.

В то время как Германия и отчасти Австро-Венгрия имели широко развитую и богато оборудованную сеть железных дорог — Россия от своей мало развитой и бедно оборудованной сети получала в этом отношении далеко не полное подспорье. В руках немцев находились богатейшие средства инженерной техники, далеко превосходившие российские возможности.

В 1915 года началось великое отступление, трагическое для русской армии. Германия, сконцентрировав основные силы на Восточном фронте, провела весенне-летнее наступление, в результате которого Россия потеряла все завоевания 1914 года и частично территории Польши, Прибалтики, Украины и Западной Белоруссии.

Начиная с 1916 года в армии, особенно среди солдат, стала наблюдаться общая усталость от войны. На русском фронте царило недовольство, безусловно, повлиявшее на разложение армии и сыгравшее свою трагическую роль в революционных событиях 1917 года. Ужас от происходящего, присутствие смерти вызывали агрессию и фрустрацию. По сравнению с 1913 годом значительно выросло количество случаев бытового насилия; драки на улицах, потасовки в семье, конфликты на производстве и др. В конце концов появилась озлобленность, которая выльется во вспышки агрессии и насилия уже в мирное время после Первой мировой войны. По архивным документам можно проследить, что цензоры, через которых проходили солдатские письма, отмечали упаднические настроения, отсутствие боевого духа, протестный настрой.

Товарищи с воли передавали каторжанам, что революционные преобразования неизбежны, поскольку осталось множество проблем, нерешенных и после революции 1905 года, появилась масса новых причин для недовольства: поражение на фронтах, голод, разруха, политическое бесправие, спад авторитета самодержавной власти и ее неспособность провести реформы. И хотя задачи буржуазно-демократического преобразования страны, поставленные Первой русской революцией, решены не были, ее уроки стали политической школой для всех партий и классов и явились важной предпосылкой новой революции.

Все произошло стремительно. В начале 1917 года перебои с

поставками продовольствия в крупные города России усилились, а к середине февраля из-за нехватки хлеба и роста цен начались массовые забастовки рабочих. В армии русские солдаты, которые в массе своей были крестьянами, массово прибегали к самоувечению — стреляли себе в ногу, в руку, чтобы поскорее покинуть фронт и оказаться в родной деревне.

Приближенные Николая II предупреждали его о революционной ситуации, однако монарх упорно не желал видеть этой опасности, надеясь на милость Провидения.

Число бастующих росло с каждым днем. К рабочим присоединились студенты, служащие, ремесленники, а также крестьяне, требовавшие обещанного передела земли. За несколько дней волна забастовок захлестнула Петроград, Москву и другие города. Расстрелы и аресты уже не могли остановить революционный подъем. С каждым днем ситуация все более обострялась, принимая необратимый характер. В Петрограде вспыхнули хлебные бунты — толпы людей громили хлебные магазины, а 23 февраля началась всеобщая забастовка рабочих Петрограда. Первыми вышли на улицы женщины-работницы с лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Верните наших мужей!», «Долой самодержавие!» Их поддержали рабочие крупнейшего в городе Путиловского завода, затем других заводов и фабрик.

Политическая демонстрация положила начало восстанию.

Правительственные войска были приведены в боевую готовность, Петроград превратился в военный лагерь. Массовый переход солдат на сторону восставших предопределил исход борьбы. Революционные солдаты заняли важнейшие пункты города и правительственные здания. На следующий день правительство было низложено.

Позднее бывший министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков вспоминал: «Вмешательство Государственной думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии».

Все эти события имели стихийный характер: ни одна политическая партия не проявила себя организатором и руководителем революции, заставшей их врасплох. Лев Троцкий отмечал, что февральское восстание не было организованным: «Никто заранее не намечал путей переворота, никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно для самих масс». По образцу 1905 года был образован Совет рабочих депутатов. 27 февраля представители рабочих групп, а

также группа думских депутатов и представителей левой интеллигенции собрались в Таврическом дворце и объявили о создании Временного исполнительного комитета Петроградского совета депутатов трудящихся. Комитет обратился с призывом немедленно выбрать депутатов в Совет — по одному депутату от 1 тысячи рабочих, и по одному — от роты солдат. Было избрано 250 депутатов, которые собрались в Таврическом дворце. Они в свою очередь избрали Исполнительный комитет Совета, председателем которого стал меньшевик Н.С. Чхеидзе, а его заместителями трудовик А.Ф. Керенский и меньшевик М.И. Скобелев. Большинство в Исполнительном комитете и в самом Совете принадлежало меньшевикам и эсерам — в то время самым многочисленным и влиятельным левым партиям. Временный комитет Государственной думы, взявший на себя инициативу «восстановления государственного и общественного порядка», сформировал Временное правительство. Его власть была установлена в Москве 1 марта, а в течение месяца — уже по всей стране.

Конституционно-демократическая партия (кадеты), или Партия народной свободы представляла левый фланг российского либерализма. Кадетов уважительно называли «профессорской партией», имея в виду высокий образовательный и культурный уровень рядовых членов и созвездие имен в руководстве партии. Преобладание юристов определяло правовые основы их программы. Кадеты предложили либеральный вариант решения коренных вопросов российской действительности. Однако этот вариант оказался одинаково неприемлемым и для правых, и для левых.

Семь министерских постов, причем наиболее важных, оказалась в руках кадетов, 3 — получили октябристы и 2 — представители других партий. Это был «звездный час» кадетов, которые на короткое время (на два месяца) оказались у власти. Временное правительство объявило себя на переходный период (до созыва Учредительного собрания) верховной законодательной и исполнительной властью в стране. Однако образовалось не имеющее аналогов в истории двоевластие, которое еще больше раскололо российское общество.

Официальная власть была в руках Временного правительства, но реальная принадлежала Петроградскому Совету, контролировавшему войска, железные дороги, почту и телеграф. Вопреки позднейшим заявлениям большевиков, ведущей роли в революционной деятельности в период 1905–1914 годов они не играли, ни по численности, ни по значительности. Даже к началу Первой мировой войны Петербургская организация большевиков

насчитывала всего 500 членов. К лету 1915 ситуация почти не изменилась — 500–550 человек. Только к 1917 году численность столичной большевистской организации достигла 3 000 человек, да и то за счет массового возвращения нелегалов из эмиграции. В Москве, куда нелегалы не стремились, к 1917 году было всего 600 большевиков. Причем большинство «выразителей чаяний рабочего класса», включая Ленина, рабочими никогда не были, довольно смутно представляя себе жизнь пролетариата по трудам Маркса, не имевшим никакого отношения к России.

Сначала в составе Временного исполкома Совета рабочих депутатов большевиков[7] не было. Потом они появились, и их количество возрастало. Прямых связей между находившимся в Цюрихе Лениным и большевистскими организациями в России практически не существовало, поэтому об эффективной координации партийной политики не могло быть и речи.

В первое время Временное правительство и Петроградский Совет действовали совместно и даже проводили свои заседания в одном здании — Таврическом дворце, который превратился тогда в центр политической жизни страны. Но разногласия нарастали.

2 марта император Николай II отрекся от престола. Завершилась история династии Романовых, триста лет правивших Россией.

Новая власть провозгласила политические права и свободы, в том числе слова, собраний, печати и манифестаций. Рабочие получили право на восстановление демократических организаций, запрещенных в годы войны, создание профсоюзов, фабрично-заводских комитетов. Были отменены сословные, национальные и религиозные ограничения, смертная казнь, военно-полевые суды; вводился восьмичасовой рабочий день, объявлялась политическая амнистия.

3 марта 1917 года, в день отказа Великого князя Михаила взойти на престол, 33-х летняя заключенная Мария Спиридонова была освобождена по распоряжению Александра Федоровича Керенского, ставшего в первом составе Временного правительства министром юстиции, и вышла на свободу.

Спиридонова и еще несколько отчаянных каторжанок, не дожидаясь лучших времен, без денег и не зная политической обстановки, помчались в страшный мороз по разбитым дорогам из Акатуя в Читу. Здесь уже несколько лет вместе с матерью жила и работала в детском саду, организованном для детей солдаток, Ирина Каховская.

Через долгих одиннадцать лет Мария, не только не изменившая, но и углубившая в тюрьме и на каторге свои радикальные взгляды, снова окунулась в революционную борьбу. Она вместе с Ириной Каховской и Фанни Каплан приняла участие в создании в Чите «с нуля» эсеровского комитета, стоявшего на позициях интернационализма и максимализма. Всю весну она работала в Читинском совете рабочих и солдатских депутатов. 13 мая пламенной речью Спиридонова сумела убедить исполком Читинского Совета принять решение о ликвидации твердыни прежнего порядка — Нерчинской каторги.

В это время левые эсеры — радикальное крыло партии эсеров — составляли с кадетами и правыми эсерами довольно сильную коалицию. К лету 1917 только в партии левых эсеров было около 1 миллиона человек, объединенных в 436 организаций в 62 губерниях, на флотах и на фронтах действующей армии. В конце своей жизни социолог с мировым именем Питирим Сорокин так объяснял свой юношеский выбор в пользу эсеров: «В противоположность социал-демократам эсеры претендовали на роль партии всех трудящихся классов — крестьян, рабочих и интеллигенции. <…>.

Они особо подчеркивали роль творческих идей, волеизъявления, „борьбы за индивидуальность“ против „борьбы за существование“, значимость неэкономических факторов, детерминирующих социальные процессы и человеческое поведение». И не случаен успех ученых, испытавших влияние народнических идей, — Николая Кондратьева, Александра Чаянова, Питирима Сорокина, Александра Челинцева и др.

Местные партийные ячейки большевиков в это время были или очень слабы, или вообще не сформированы, а большинство лидеров находились в эмиграции, тюрьме или ссылке. Так, Ленин и Зиновьев пребывали в Цюрихе, Бухарин и Троцкий — в Нью-Йорке, а Сталин, Свердлов и Каменев — отбывали срок в Сибири. В Петрограде руководство небольшой по численности партийной организацией большевиков осуществляло Русское бюро ЦК РСДРПб), в состав которого входили Шляпников, Молотов и

Залуцкий.

Политические преобразования позволили выйти на арену легальной деятельности различным силам — анархистам, максималистам, а также ряду национальных партий. Грань между «правыми» и «левыми» выглядела достаточно четкой в дореволюционной России, где «правыми» считались защитники традиционных ценностей — монархии, православной веры и национальной культуры, а «левыми», соответственно, их противники с той или иной степенью радикальности. Либералы — октябристы и кадеты — занимали место «центра». Крушение монархии привело к быстрому исчезновению монархических партий, и либералы неожиданно для себя заняли крайний правый фланг. В этом раскладе эсеры оказались самыми левыми.

В столицу потянулись все изгнанники.

В марте 1917 года в Петроград из Сибири была возвращена Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Ей уже исполнилось семьдесят три года. Февральская революция мгновенно превратила ее из преступницы в национальную героиню. Возвращение из ссылки в Питер стало триумфальным: шикарный салон-вагон, оркестры на перронах по всему маршруту следования поезда, митинги, речи, цветы. По распоряжению Керенского ее поселили в царских покоях Зимнего дворца. Министры Временного правительства кланялись ей в ноги. Именно тогда за ней закрепилось прозвище — «бабушка русской революции». Удивляло количество людей, посещающих Брешковскую в Зимнем дворце ежедневно. Кажется, что все политические ссыльные, вернувшиеся из Сибири, хотели с ней встретиться и перемолвиться хотя бы словом. «Если ты нравишься Брешковской, ты настоящий революционер», — говорили о ней современники.

3 апреля после проезда через Германию в пломбированном вагоне в Петроград прибыл Ленин. Большевики организовали своему вождю триумфальный прием. Это позволила не только продемонстрировать популярность Ленина в массах и тем самым сгладить неизбежную критику в его адрес по поводу проезда по территории враждебной Германии, но и дать Ленину возможность оценить влияние большевиков в столице. Умнейшая и очень острая писательница Зинаида Гиппиус, очевидец событий, рассказывала в дневнике: «Встреча была помпезная, с прожекторами. Но… он приехал через Германию. Немцы набрали целую кучу таких „вредных“ тришек, дали целый поезд, запломбировали его (чтоб дух на немецкую землю не прошел) и отправили нам: получайте. Ленин немедленно, в тот же вечер, задействовал: объявил, что отрекается от социал-демократии

(даже большевизма), а называет себя отныне „социал-коммунистом“».

8 апреля вместе с Б.В. Савинковым и Н.Д. Авксентьевым в Петроград из Франции через Великобританию вернулся еще один революционный деятель — лидер и главный идеолог эсеров Виктор Михайлович Чернов. Яркий публицист, экономист и философ, литературный критик, умный и высокообразованный политик, он представлял исключительно колоритную фигуру в истории общественной мысли и революционного движения России. По мнению Чернова социалисты не должны создавать себе кумира ни из одного трудящегося класса, в том числе пролетариата, а социалистическая партия не должна отождествляться с пролетарской партией; марксистский социализм не годится для аграрной страны, поскольку отводит крестьянам, деревне лишь роль придатка, и игнорирует трудящихся, не занятых в индустрии. Этот социализм рассматривал капитализм как «друго-врага» или «врага-друга пролетариата», так как пролетариат заинтересован в развитии и процветании капитализма. Чернов рассчитывал поднять уровень жизни и престиж крестьянства на должную высоту. Европейский мыслитель, глубоко прочувствовавший европейскую социалистическую парадигму, он надеялся повернуть на этот путь и Россию. В речи на Финляндском вокзале Чернов призвал к объединению всех народнических групп и партий. Он тоже выступал с броневика, и его встречало не меньше, а, пожалуй, больше сторонников, чем Ленина.

До весны 1917 года влияние большевиков в России было незначительным. Как вспоминал Ленин, в апреле 1917 года, когда он вернулся в Россию из эмиграции, у него было только два верных соратника «Надя (Крупская) и Зиновьев». Но с этого времени, хотя не легко и не просто, большевики во главе с В.И. Лениным стали упорно и целеустремленно продвигаться к захвату власти.

Мария Спиридонова обладала слишком большим и весьма нелегко доставшимся авторитетом, чтобы в это время бурных перемен похоронить себя в таежной глуши. 31 мая она вместе с Анастасией Биценко прибыла в Москву в качестве делегата от Забайкальской области на 3-й съезд Партии социал-революционеров (ПСР), на котором женщин избрали в почетный президиум. Тем самым Маруся вернулась на историческую сцену и вошла в Северный комитет ПСР, в котором преобладали сторонники углубления революции. Правда, у эсеров уже имелись признанные вожди, В.М. Чернов и Н.Д. Аксентьев. Самое непримиримое отношение к большевикам было у Аксентьева,

который говорил, что большевизм — это абсолютное метафизическое зло, потому что они не способны к демократической эволюции. Между ними и Спиридоновой началась скрытая борьба за первенство. По-видимому, Маруся трудно искала в партии и в разворачивающихся событиях свое место, принадлежавшее ей, как она считала, по праву. Наверное, ей тогда казалось, что жизнь только начинается, что идеалы становятся реальностью, что наступило «второе пришествие».

Но в действительности оказалось, что это был всего лишь второй акт трагедии.

Прежде всего, повзрослевшая, выработавшая и выстрадавшая свои убеждения революционерка должна была разобраться в ситуации. Биографические исследования общими словами упоминают, что она активно работала в Петроградской организации, выступала с агитационными речами о прекращении мировой войны, передаче земли крестьянам, а власти — Советам в воинских частях и среди рабочих. Современников поражал контраст между ее внешностью и характером выступлений. «Она худенькая и маленькая, как Вера Фигнер. Простенькое лицо ее прелестно, как хорошая подробность настоящей России. Только она рано подсыхает, и ее интернационализм, и пенсне на носу, и желтеющее лицо — все это как первая черная голая ветка деревьев, когда осенью с них опадает листва», — отмечал современник.

В Петрограде Маруся встретилась со своим несостоявшимся суженым Владимиром Вольским, который в свое время отнесся к ней с особым сочувствием и одновременно брезгливостью. Они, хотя и принадлежали к одной партии, оказались настолько разными людьми, что даже не нашли общих тем для разговора.

И Чернов, и Спиридонова активно искали в этом поминутно меняющемся политическом мире союзников.

Постепенно к Марусе возвращалась известность. Эта «бледная женщина в очках, с гладко причесанными волосами, похожая на учительницу из Новой Англии», по свидетельству американского журналиста Джона Рида, автора знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», была в 1917 году «самой популярной и влиятельной женщиной в России». Ему вторил другой поэт, предположительно Б. Пастернак:

По всей земле осипшим морем грусти,
Дымясь, гремел и стлался слух о ней,
Марусе тихих русских захолустий,
Поколебавшей землю в десять дней.

Революционное прошлое, чудовищные издевательства бесчеловечной царской полиции, долгие годы тюрьмы и каторги, обеспечили ей в народе престиж, почти равный тому, каким обладал Ленин. Ее политический взлет был обусловлен как репутацией «страдалицы» и «народной заступницы», так и тем, что благодаря популистским выступлениям, она смогла получить известность эмоционального оратора, публициста и политического деятеля, отстаивающего крестьянские интересы. Когда она выступала, в голосе звучали истерические нотки, но в те годы такой накал страстей казался естественным.

Крайне аскетический и строгий облик революционерки усиливал убедительность ее выступлений. На сохранившихся кадрах кинохроники у нее милое, очень женственное лицо, на ней скромное закрытое платье с защипами на лифе и круглым воротничком; вокруг головы закручена толстая коса. Революционные газеты называли ее «эсеровской богородицей», а многие современники считали либо «блаженной», либо «неистовой».

Поэты снова принялись за ее прославление. Пастернак еще раз упомянул Спиридонову в своем романе в стихах «Спекторский»:

Жанна д'Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Что бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.

Стихотворения и поэмы: В 2-х т. Т. 1. Л., 1990

Сергей Есенин, находившийся под сильным влиянием своей жены, красавицы левой эсерки Зинаиды Райх, вступил в партию социал-революционеров. Сыграло роль глубокое впечатление от юношески-отчаянного покушения Марии Спиридоновой и ее теперешней одержимости. В поэме «Емельян Пугачев» очевидна реминисценция ее поступка:

«Все, что отдал я за свободу черни,
Я хотел бы вернуть и поверить снова,
Что вот эту луну,
Как керосиновую лампу в час вечерний,
Зажигает фонарщик из города Тамбова»

Осип Мандельштам, увлекшись революцией, намеревался

поступить в боевую организацию эсеров.

К осени в Петроград из Черниговской губернии, где она работала среди крестьян в качестве партийного пропагандиста и организатора, приехала Александра Измаилович, подруга Спиридоновой и душевно близкий ей человек. Теперь Маруся чувствовала себя более уверенно, дружеская поддержка Сани обеспечивала ей тыл и помогала в политической деятельности. Измаилович, тоже имевшая богатое террористическое прошлое, активно включилась в революцию. Она почти всегда находилась рядом с Марусей и занимала довольно престижное место в левоэсеровской фракции.

Однако долгое отсутствие Марии работало против нее. В самом деле, она перенесла величайшие муки, являлась символом стойкости и непримиримости, но теперь, чтобы проводить и защищать политику своей партии, требовались иные качества. Кандидатура Спиридоновой выдвигалась при выборах в ЦК ПСР, но необходимого количества голосов не набрала.

Как уже говорилось, Февральская революция стала для всех российских революционных партий неожиданностью. Поскольку события развивались спонтанно, помимо организационных вопросов насущными являлись такие неотложные проблемы, как формирование позиции в отношении Временного правительства и дальнейшего участия России в войне. Правительство не располагало какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществлялись лишь в тех пределах, которые допускал Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). В армии и на флоте Временное правительство опиралось на традиционное командование, Петросовет — на солдатские и матросские комитеты. И пока не было хотя бы относительного единства, ни одна из политических задач не могла быть решена.

Принимая в сентябре 1917-го участие в работе Демократического совещания, Спиридонова решительно осудила коалицию с кадетами, которые были категорически против двоевластия и особенно против притязаний на государственную власть со стороны Советов. «Революционный социализм — это мерка, которой должны быть отмечены все акты Партии Социалистов-Революционеров… — обосновывала Спиридонова неприятие кадетов. — С этой точки зрения наша программа не может изменяться и не должна приспособляться к условиям места и времени, наоборот, до нее должна быть поднята всякая действительность… В настоящее время утверждать действенно теоретически и практически, что наша революция буржуазная, сотрудничать с буржуазией в области и политической и экономической — это значит укреплять окончательно

расшатавшийся буржуазный строй, это значит помогать ему продержаться годы, десятки годов на сгорбленных плечах трудящегося класса…». Левые эсеры полагали, что любая поддержка либералов приносит вред революции, ибо укрепляет позиции буржуазии. Понимая, что получил свободу действий, Ленин объявил вне закона партию кадетов, выпустив декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции». Сталин прокомментировал это решение словами: «Мы определенно должны добить кадетов, или они нас добьют». Левые эсеры, в целом приветствуя этот шаг, выразили недовольство тем, что подобное решение было принято большевиками без согласования со своими союзниками. Левый эсер И.З. Штейнберг, назвав кадетов «контрреволюционерами», выступил при этом против ареста в данном случае целой партии поголовно.

Обстоятельства обусловили союз левого крыла эсеров с большевиками, проводником которого стала Мария Спиридонова.

Скорее всего, на ее убеждения подействовали не столько проповедуемые Ленином воззрения, сколько сама его личность. М. Горький отмечал загадочный ленинский «магнетизм», его способность влюблять в себя партийцев, не только простых, но и лидеров и даже своих оппонентов. Этот низкорослый, плешивый, картавящий человечек обладал непобедимой интеллектуальной привлекательностью, полностью подчинявшей собеседника. Меньшевик Николай Суханов — идейный противник вождя большевиков, хорошо его знавший, — свидетельствовал: «В известной сфере идей — немногих, „навязчивых“ идей — Ленин проявлял такую изумительную силу, такой сверхчеловеческий натиск, что его колоссальное влияние среди социалистов и революционеров уже обеспечивалось его натурой». Не многие могли противостоять его обаянию.

Н.К. Крупская вспоминала: «Какая-то комната в Смольном, с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает». Ленинский магнетизм покорил и проницательную, ироничную Марусю, и Владимир Ильич беззастенчиво использовал ее авторитет. Отныне на короткое время самая сильная политическая партия России стала работать бок о бок с разрушителями всех коренных основ Российского государства.

Главной газетой партии было «Дело народа» — с июня 1917 года орган ЦК ПСР, одна из крупнейших российских газет, чей тираж доходил до 300 тыс. экземпляров. К числу популярных эсеровских газет относились «Воля народа», которая отражала взгляды правого течения в ПСР, выходила в Петрограде, «Труд» —

орган московского комитета ПСР, «Земля и воля» — газета для крестьян, тоже издававшаяся в Москве, «Знамя труда» — орган левого течения, выходивший в Петрограде, и другие. Кроме того, ЦК ПСР издавал журнал «Партийные известия».

Эсеры и меньшевики считали Советы всего лишь способом поддержать новое правительство снизу, временными общественными организациями с целью «добровольно передать власть буржуазии», поэтому в этой области они координировали свою деятельность с Временным правительством. Даже постановив арестовать царскую семью, Исполком запросил Временное правительство, как оно отнесется к этому аресту.

Временное правительство как «выразителя истинной воли народа и единственного правительства России» первыми признали Франция и Англия. В начале марта оно было признано США, Италией, Норвегией, Японией, Бельгией, Португалией, Сербией и Ираном. Но в самой России оно не пользовалось популярностью и доверием, постоянно действуя с опозданием и не решаясь на принятие радикальных, но необходимых решений.

1917 год явился периодом взлета популярности эсеров, и, как ни парадоксально, началом их заката. Сторонники хозяйственной и политической демократии, которая должна была выражаться через представительство организованных производителей (профсоюзы), организованных потребителей (кооперативные союзы) и организованных граждан (демократическое государство в лице парламента и органов самоуправления), эсеры, казалось, могли послужить препятствием на пути большевиков к достижению их цели — диктатуры пролетариата. Но в то судьбоносное время обольщенные большевистской демагогией и купившиеся на прямой обман, левые эсеры помогли Ленину укрепиться у власти. И в этом историческая вина Марии Спиридоновой.

Союз с большевиками

Первые признаки расхождения взглядов эсеров и большевиков на дальнейшее развитие России появились к началу лета. Эсеры намечали пути социалистических преобразований для подавляющего большинства населения страны. Большевики отвергали любые соглашения со всеми, кто не был согласен с их точкой зрения, в том числе с эсерами, и выступали за осуществление социалистической революции классовым подходом в интересах российского и зарубежного пролетариата.

Тем не менее, Ленин понимал, что в сложившихся условиях только блок с эсерами может принести большевикам победу и большинство в Учредительном собрании. Кроме того, им нужна была какая-нибудь аграрная программа — ведь у РСДРП(б), партии, считавшей себя сугубо пролетарской, собственного аграрного проекта вовсе не было. Яков Свердлов признавал, что большевики «работой среди крестьянства совершенно не занимались». После неудачных попыток подменить в деревнях идеологию левых эсеров большевистской идеологией Ленин решил принять программу эсеров целиком и представить ее как свою. А тактика эсеров была проста: бить «направо», кооперироваться «налево». «Левее» находились большевики, так что кооперироваться эсеры, особенно левые, могли, прежде всего, с ними. Большевики же шли на блок с левыми эсерами «не ради левых эсеров как таковых, а из-за того влияния, которое имела на крестьян эсеровская аграрная программа». Впрочем, ленинцы были заинтересованы, главным образом, в переманивании на свою сторону левоэсеровских партийных работников, функционеров-практиков, имевших, в отличие от большевиков, доступ в деревню.

Уже в конце августа Ленин уверял крестьян, что только партия большевиков «может на деле выполнить программу крестьянской бедноты».

Тем временем складывалась опасная для большевиков ситуация. Ленин и ряд деятелей РСДРП(б) были обвинены в шпионаже в пользу Германии и получении от нее денег. Это не было новостью: еще весной 1917 года в печати поднимался вопрос о необходимости внесения ясности в обстоятельства проезда Ленина и других большевиков через территорию Германии. Зинаида Гиппиус, писательница острого, холодного ума и иронического отношения к людям, в дневнике выражала мнение не только собственное, но и всей передовой интеллигенции: «…Везде разруха, развал, распущенность.

„Большевизм“ пришелся по нраву нашей темной, невежественной, развращенной рабством и войной, массе. Главные вожаки большевизма — к России никакого отношения не имеют и о ней меньше всего заботятся. Они ее не знают, — откуда? В громадном большинстве не русские, а русские — давние эмигранты. Но они нащупывают инстинкты, чтобы их использовать в интересах… право не знаю точно, своих или германских, только не в интересах русского народа. Это — наверно. Ленин, Зиновьев, Ганецкий, Троцкий, Стеклов, Каменев — вот псевдонимы вожаков, скрывающие их неблагозвучные фамилии. Против них выдвигается формальное обвинение в связях с германским правительством».

Справедливости ради следует отметить, что о «коренном русаке» В.М. Чернове «пламенная Зинаида» отзывалась не менее резко: «Его в партии терпеть не могли, однако, считали партийным „лидером“, чему я всегда изумлялась: по его „литературе“ — это самоуверенный и самоупоенный тупяк». Такие высказывания вполне объяснимы: Чернов написал большую разгромную рецензию на роман Зинаиды Гиппиус «Чертова кукла». Он не поддерживал эстетику Серебряного века, декадентство, упор на чувство, излом. Но и менее пристрастные люди обвиняли Чернова не только в недостаточной компетенции, нерешительности — «неспособный политик, занятый политиканством, который за все время революции не сумел выставить ни одного яркого лозунга», — но и шпионаже в пользу Германии.

Эсеры и меньшевики образовали умеренно-социалистический блок, выступавший за длительный переходный период от капитализма к социализму. Они были за социальное партнерство между классами, поддерживали Временное правительство и одновременно стремились контролировать его действия, чтобы закрепить революционные завоевания, Эти партии сходились и на идее «революционного оборончества», продолжения войны при отказе от захватнических целей.

С мая 1917 года начался открытый отход левоориентированных партийцев от основного ядра ПСР к большевикам — дело шло к партийному расколу. Правое крыло представлял, наряду с В.М. Черновым, Николай Дмитриевич Авксентьев (1879–1943), человек незаурядный. Даже злоязычная З. Гиппиус не нашла на него никакого «компромата»: «Культурный… человек, кажется, весьма ничего себе, порядочный». «Русокудрявый» русский дворянин, обучавшийся в Московском, Берлинском, Лейпцигском, Галльском университетах, он защитил диссертацию о Ф. Ницше и получил

степень доктора философии. В жизни это был премилый и превеселый человек, отличный рассказчик еврейских и армянских анекдотов, исполнитель злободневных куплетов. Легкий характер не мешал ему быть глубоким мыслителем. Авксентьев считал революцию «варварской формой прогресса» и последовательно выступал за легальные методы политической деятельности и отказ от террора. Он страстно убеждал однопартийцев не поддаваться большевистской пропаганде о необходимости передачи всей полноты власти рабочим и солдатским советам. «При таких методах действия, при такой тактике, какую рекомендуют социал-демократы-большевики, которые говорят о захвате власти Советом, мы стоим перед опасностью того максимализма, той поспешности революционного созидания, которые рискуют изолировать революционную демократию, рискуют отбросить те слои, которые идут вместе с ней, и пробудить контрреволюционное чувство… Когда завоеванная революция недостаточно закреплена, рискованно создавать ту пропасть между отдельными силами, в которой может погибнуть и смысл русской революции», — объяснял он.

Однако к его доводам не прислушались. На Третьем съезде Партии социал-революционеров, проходившем в конце мая, левое крыло партии, стоявшее на радикальных позициях и насчитывавшее 42 человека, образовало свою фракцию. Спиридонова в ходе партийного съезда вошла в состав Оргбюро и возглавила левых. Левые стали доминировать: в петроградской организации эсеров из 45 тыс. человек за левыми шло примерно 40 тысяч, то есть здесь за ними стояла реальная сила. Еще на Третьем съезде ПСР левые эсеры высказались в целом за программу большевиков. Виктор Чернов обвиняя Спиридонову в позерстве, утверждал, что «рядясь в тогу жертвы», она является соучастницей большевистских преступлений. Не любившие Марусю «Черновцы» называли ее «кликушей», зато другие видели в ней «новую, революционную святую». И все же, несмотря на разногласия, ЦК ПСР, не заинтересованный в партийном расколе, продолжал считать левых эсеров членами единой эсеровской партии.

В этой острой атмосфере особенно ценной была для Маруси почти сестринская поддержка Александры Измайлович.

Маруся выросла в большой семье — у нее было две сестры и брат. Но в отсутствие мемуарной литературы о человеческой судьбе, а не о формировании революционера, сведений о ее родных практически не сохранилось. Приходится довольствоваться теми крохами информации, которые Спиридонова обронила позже, в ее знаменитом открытом письме

в секретный отдел НКВД (1937 г.): «Я виделась с двумя сестрами один раз по приезде с каторги в 1917 году, а с третьей тоже один раз в 1929 году. Короткие встречи после 12–24 лет отрыва, конечно, близости не создали. Переписывалась я чрезвычайно формально и редко с одной сестрой (ей 70 лет). Не содержала ни одну. Все старухи, все старше меня очень. …Когда я сажусь, ни одна не приезжала ко мне на свидание. Когда меня спросили, хочу ли я отбывать ссылку в Тамбове, я сказала — не хочу».

Теперь ее семьей стали товарищи по борьбе, соратники по партии.

Понимание и частично разделение своей позиции Мария обрела у видного эсера с десятилетним стажем, выходца из крестьянской среды Ильи Майорова. Он был убежденным сторонником тезиса, что крестьянство должно незамедлительно и «силой вырвать у паразитов нашу матушку-землю». В июне 1917 года он подписал постановление земельного комитета о распределении между крестьянами помещичьих угодий, скота и инвентаря. В этот период Майоров добивался организации уездных, волостных и сельских Советов и в силу этого активно сотрудничал с большевиками, полагая, что «русская революция совершается не по нормам… гражданского права, а по законам истории».

Между тем власть Временного правительства слабела с каждым днем. Оно все более теряло свой авторитет и контроль над положением в стране. За сравнительно короткий период, с марта по октябрь 1917 года, сменилось четыре состава Правительства: первый просуществовал около двух месяцев (март-апрель), последующие три (коалиционные, с «министрами-социалистами») — каждый не более полутора месяцев.

Декреты Временного правительства не полностью исполнялись или вообще игнорировались. На местах царила анархия. Земельный вопрос не решался, заводы оставались в руках буржуазии, сельское хозяйство и промышленность испытывали крайнюю нужду, не хватало топлива для железнодорожного транспорта. Защитников Правительства оставалось все меньше.

Двоевластие просуществовало не более четырех месяцев — до начала июля 1917 года, когда в обстановке неудачного наступления русских войск на германском фронте, большевиками была организована июльская политическая демонстрация и предпринята попытка свержения Временного правительства.

Разыграл кровавое дело 4-го июля новый большевик Троцкий[8] — и разыграл плохо. Демонстрация была расстреляна, а на большевиков обрушились репрессии… Попытка восстания

провалилась. Приходилось даже уверять, что ее вовсе не было, что был, разве что, «смотр сил». Вожди повторяли это, хотя все знали, что они лгут. Правительство отдало приказ об аресте В.И. Ленина. В эти июльские дни его позиции пошатнулись. Он сбрил усы, надел парик и темные очки, как в 1905 году, перешел на нелегальное положение, а затем уехал в Финляндию.

В это время Ленин уже выделял Спиридонову как возможного союзника, а Троцкий лично отбил у озверевшей толпы эсеровского лидера, министра земледелия Временного правительства В.М. Чернова, хотя тот и выступал как его политический противник. Мария Спиридонова приветствовала неудачное вооруженное выступление большевиков против Временного правительства 3–5 июля и требовала введения в России диктатуры левых партий. Большевик Федор Раскольников вспоминал, как она приветствовала прибывших на помощь восставшим кронштадтских матросов-клешников.

После июльских событий Временное правительство встряхнулось. Началось разоружение полков, принимавших участие в в событиях 3–5 июля. 12 июля была введена смертная казнь. Наиболее решительные члены Временного правительства настаивали на еще более суровых мерах. Их необходимость была очевидна для большинства здравомыслящих людей. «Саша, — говорила Керенскому Брешко-Брешковская, — арестуй головку большевиков, посади их на баржи и потопи». Сетовала: «А он (Керенский) хотел все по закону. Разве это было возможно тогда? … Они как звери дикие, как змеи — их можно и должно уничтожить. Страшное это дело, но необходимое и неизбежное».

18 июля был назначен новый Верховный Главнокомандующий — генерал Лавр Корнилов. Его речь на совещании 3 августа о необходимости наведения твердого порядка была названа Лениным «контрреволюционной и империалистической». Но наступившим в стране хаосом, развалом армии, импотенцией Правительства и деятельностью Советов было недовольно множество людей, включая тех, кто искренне приветствовал Февраль. Патриотическое желание остановить развал страны, а также убежденность, что в сложившейся ситуации Россию может спасти только сильный лидер «справа», были не менее распространены, чем леворадикальные взгляды. Предполагалось создание коалиционного правительства, премьером которого намечался Корнилов, его замом Керенский, а министерские портфели должны были получить несовместимые в реальности люди: от Колчака до «отца русского марксизма» Плеханова и «бабушки русской революции» эсерки Брешко-Брешковской.

В канун выступления Корнилов сформулировал задачу: защитить власть от большевиков и Советов, а при необходимости сделать это даже против воли колеблющегося правительства, поскольку обстановка уже не терпит промедления. 27–31 августа началось «Корниловское выступление», или, как называли его большевики, «Корниловский мятеж». Керенскому пришлось согласиться на поддержку Советов и реабилитировать ушедших в подполье после июльских событий большевиков. Их агитаторы умели лучше других разговаривать с солдатом, вот и на этот раз именно они остановили корниловские части. С помощью агитаторов-мусульман отговорили идти на Петроград даже «Дикую дивизию» генерала Крымова.

Во время корниловского выступления Спиридонова поддерживала большевиков, язвительно критиковала политику ЦК ПСР и публично заявляла, что спасением революции является переход власти к рабочим и крестьянам. Она выступала с резкими нападками на политику Временного правительства и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, утверждая: «Если крестьянам не передают помещичью землю, то только благодаря продажному президиуму, вошедшему в стачку с продажным Керенским и буржуазией».

Маруся, маленькая, легкая, хрупкая женщина оказалась одной из самых властных персон в этой огромной стране, маленьким «генералом крестьянской России». Она выглядела трогательно болезненной и изможденной, рассказывала, что спит лишь два часа в день. К ней постоянно приходили крестьяне, которые ни с кем, кроме нее, не хотели разговаривать. Если она не участвовала в работе съезда, и не принимала крестьянскую делегацию, то находилась в редакции газеты, которая распространялась среди крестьян.

Состоявшееся 27 сентября — 5 октября Всероссийское Демократическое совещание, созванное по решению эсеро-меньшевистских кругов в целях укрепления позиций Временного правительства, привело страну непосредственно к формированию законодательного органа власти — был образован Предпарламент. Таким путем им удалось на время «переиграть» представителей радикальных революционных течений, создать видимость представительства всех слоев населения и, вместе с тем, оставить за собой контроль за принимаемыми решениями. 21 (7) октября, когда открылось первое заседание Предпарламента (Временного Совета Российской республики), в его пятичленном президиуме было отведено одно место для большевиков, которое, впрочем, так и осталось пустым — большевики отказались его занять, поскольку вожди к этому

историческому моменту все еще прятались за границей, и назвали свое отсутствие бойкотом.

Российский Предпарламент оказался нежизнеспособным. Меньшевик Ф.И. Дан писал: «…В результате Демократического Совещания мы получили даже не коалиционное правительство, а какой-то коалиционный недоносок: ни один из сколько-нибудь видных вождей социалистических партий в правительстве не участвовал; но и „министры-капиталисты“ не принадлежали к руководящим буржуазным партиям, а были сплошь „дикими“».

Все старания А. Керенского укрепить свое положение в правительстве и навести порядок в стране, шли прахом. Результатом неудавшегося переворота стало то, что правые силы были уничтожены, а популярность большевиков возросла.

Со времени Февральской революции почти все требования к членству в партии большевиков были устранены, и их ряды буквально раздулись от пылких новобранцев, которые ничего не знали о марксизме и объединялись не более чем стремлением к немедленному началу революционных действий. Более того, из тюрем, ссылки и эмиграции вернулись многие ветераны партии, которые были настроены более радикально, чем большевики, остававшиеся во время войны в Петрограде.

Левые эсеры поддержали ленинцев и в принципе согласились с позицией большевиков о свержении Временного правительства. Накануне октябрьского переворота они вошли в Бюро Военно-Революционного Комитета, где работали, по свидетельству Троцкого, «прекрасно».

В среде правящей большевистской партии отсутствовали военные специалисты, приходилось использовать левоэсеровские кадры. В тот момент Александра Измаилович принимала непосредственное участие в подготовке вооруженного выступления против Временного правительства. Однако из всех левоэсеровских лидеров оказался наиболее близким к большевикам и наиболее авторитетным для верхушки ленинской партии Михаил Муравьев, который совместно с лидерами большевиков — В. Антоновым-Овсеенко и Н. Подвойским — разработал план восстания.

И вдруг все чуть не сорвалось. Была подготовлена информация в крупные газеты, что большевистское восстание служит немецким целям, и Ленин — германский агент. Эти сведения стали мгновенно распространяться по казармам, производя потрясающее впечатление.

Сталин был отправлен к меньшевику Н.С. Чхеидзе, с требованием солидизироваться и использовать все связи, чтобы прекратить распространение клеветы против Ленина и

большевиков. В результате эти материалы напечатала только бульварная газета «Живое слово». Но и этого было довольно. «Чудовищное, клеветническое сообщение, — возмущались ленинцы, — уже появилось в печати и оказало действие на наиболее отсталые и темные слои народных масс».

Лев Троцкий понял, что медлить более нельзя. Вооруженное восстание началось в ночь на 24 октября за день открытия II съезда Советов. Правительство сразу же удалось изолировать от верных ему вооруженных частей, были захвачены мосты, телеграф, правительственные учреждения. «Не будь меня в 1917 году в Петербурге, — записывал Лев Троцкий в дневнике, уже находясь в изгнании, — Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться. В этом для меня нет ни малейшего сомнения».

Вопреки всем большевистским теориям, предсказаниям и историческим реляциям, пролетариат сыграл в октябрьских событиях довольно скромную роль. Неизмеримо важнее была роль солдат и матросов. Они твердо знали, чего прежде всего хотят: немедленного окончания войны. А это обещали именно большевики и только они.

В третьем часу дня 25 октября Троцкий от имени ВРК с торжеством объявил о свержении Временного правительства и передаче власти Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Он добавил: «Нам неизвестно ни об единой человеческой жертве». И это было близко к истине. Октябрьский переворот повлек за собой самые кровавые годы в мировой истории. Но сам по себе день 25 октября действительно был «великим, бескровным»: другой такой революции, пожалуй, история не знала. На второй день после захвата власти большевики издали декрет об отмене на фронте смертной казни, однако Л. Троцкий считал иначе: «Нельзя строить армию без репрессий. Нельзя вести массы людей на смерть, не имея в арсенале командования смертной казни».

26 октября был захвачен Зимний дворец и арестованы члены Временного правительства.

Передав власть Съезду Советов, большевики апеллировали к «источнику» власти — «народу», отвергнув диалог с политическими противниками. В конечном итоге это привело к утверждению диктатуры под представительским фасадом советской демократии.

Октябрьский переворот, получивший впоследствии (в 1927

году) официальное название Великой октябрьской Социалистической Революции, имел быстрый успех, благодаря деятельности военных организаций левых эсеров. Эсер В.М. Чернов переворот категорически не принял. Большинство мыслящих людей расценили переворот как катастрофу. Среди них оказалась и «бабушка русской революции». Понятно, почему ее имя на долгие десятилетия было забыто. Пожилая женщина оказалась в эмиграции — теперь уже без всяких надежд вернуться обратно. Умерла Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская своей смертью, 12 сентября 1934 года, в девяносто лет, избегнув мести своих злопамятных врагов.

Спиридонова и Учредительное собрание

Как следующий этап революционных преобразований в стране намечались выборы Всероссийского Учредительного Собрания. Образованные люди страны надеялись, что создан важнейший орган Российской республики, которому теперь предстоит составить основной закон, определить федеративное устройство, структуру законодательной, исполнительной и судебной власти и навсегда установить новую русскую государственность. Интеллигентские слои тогдашнего российского населения: преподаватели вузов, инженеры, предприниматели, офицеры, юристы и особенно партия кадетов стремились перестроить все общественные, государственные устои по образу и подобию западноевропейских.

Ленин считал Учредительное собрание «либеральной затеей», а большевик М. Володарский прямо заявлял, что «массы в России никогда не страдали парламентским кретинизмом», и «если массы ошибутся с избирательными бюллетенями, придется взяться за другое оружие». Большевики стремились, но не сумели получить контроль над Комиссией по проведению выборов в Учредительное собрание; Комиссия объявила, что считает Октябрьское восстание незаконным и не признает власти избранного в ноябре 1917 и созванного в январе 1918 года большевистского Совета народных комиссаров (Совнаркома).

О настроениях, царивших среди крестьян, составлявших большую часть населения России, писала газета «Владимирская жизнь»: «Характерно, как осторожно деревня относится к „большевикам“. Несмотря на их удачу на внутреннем фронте русской жизни, на 225 избирателей, подававших записки, только 40 избирателей поверило в государственную мудрость этих злободневных варваров, а 185 отдало голоса за партиям, которым большевизм объявил смертный приговор. Деревня темна, но понимает, на чьей стороне правда».

Спиридонова была включена в список обязательных кандидатов от ПСР на выборах в Учредительное Собрание и имела очень высокие шансы быть избранной в председатели. Ее поддерживали как однопартийцы, так и большевики. В августе-сентябре она участвовала в работе губернских съездов и конференций ПСР. 16 августа на Петроградском губернском съезде Маруся выступила с речью «О современном моменте». Она уже успела несколько разочароваться в ленинцах: у них «нет воодушевления, религиозного энтузиазма… все дышит ненавистью, озлоблением…». Да, революционного романтизма,

безответной преданности делу у большевиков было маловато. Зато откровенное политическое коварство и жестокость присутствовали в полной мере. Ленин рассчитывал вытеснить эсеров и меньшевиков, разъясняя массам их ошибки и «двурушничество». Этого Спиридонова, привыкшая к борьбе с открытым забралом, не ожидала встретить в собратьях по оружию.

В отличие от колеблющихся мужчин-однопартийцев Маруся предлагала установить в стране единовластие партии эсеров как наиболее многочисленной и влиятельной. Это предложение не нашло поддержки. Эсеровское слабоволие в вопросе о власти не было случайностью, оно имело корни в их теории революции и социализма, которая предусматривала не захват власти, а постепенное, демократическим путем отстранение от нее буржуазных партий.

Но в это время большевики поддерживали кандидатуру Спиридоновой на пост председателя Учредительного Собрания как лидера левого крыла партии эсеров. Была сделана «ставка на имя, на террористическое прошлое, на мученическую судьбу женщины». Получи она эту должность, тамбовская страдалица стала бы главой великой державы. Однако большинство голосов собрал Виктор Михайлович Чернов.

Не прошла в Учредительное Собрание от Петрограда и Александра Измаилович. Она намечалась членом СНК (наркомом дворцов Республики), но по решению ЦК ПСР была оставлена на партийной работе. Время сентиментальности кончилось, былые страдания обеих женщин ничего не значили перед практическими интересами.

Большевики получили около 25 % вместе с левыми эсерами и буквально оказались бессильны против эсеров, набравших 57 % голосов. Эсеры-черновцы, объединившие национальные ячейки, фактически получили вотум народного доверия на формирование правительства и проведение всех законов.

Отношение к Учредительному Собранию было неоднозначным. Впечатления некоторой части общества выразил А. Блок в своей знаменитой поэме «Двенадцать» через образ старушки. Все, что происходит, представляется ей, простому человеку, ненужностью, вопиющей непрактичностью:

От здания к зданию Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,

На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут…

В дискуссиях интеллигентов упрощенно представлялось противостояние партий. Эсеры-черновцы как бы переманивали красногвардейцев и «товарищей» из гарнизона: «большевики, мол, обещают вам мир, землю и волю, и социалистическое устройство, но все это они вам не дадут, а дадим — мы. У них только обещания, а у нас это же — немедленное и готовое. Мы устроим настоящее социалистическое правительство без малейших буржуев, мы будем бороться со всякими „корниловцами“, мы вам дадим самый мгновенный мир со всей мгновенной „землей“. С большевиками же, товарищи дорогие, и бороться не стоит; просто мы возьмем их под бойкот, в свое время они „лопнут, как мыльный пузырь“».

Однако правые эсеры, точнее ПСР, в 1917 году упустили великолепный шанс, предоставленный им историей, и не сумели воспользоваться своей популярностью, не сравнимой с популярностью ни одной другой партии. Отказ эсеров от немедленной аграрной реформы, по сути — от внедрения собственной программы — погубил их. Этот факт отмечали даже некоторые лидеры большевиков.

Вместе с другими левыми эсерами Спиридонова покинула Учредительное Собрание.

Это поражение не стало для Маруси окончательным. 6 ноября был избран Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) РСФСР, состоящий из шести большевиков, возглавляемых учеником аптекаря Я.М. Свердловым, и четырех левых эсеров. Эсеровскую часть ВЦИК возглавила М.А. Спиридонова.

Первоначально левые эсеры отказались войти в Советское правительство — Совет народных комиссаров (СНК), требуя учреждения «однородного социалистического правительства» — из представителей всех социалистических партий и движений. Переговоры о вхождении левых эсеров в состав СНК вела Спиридонова, и в конце 1917 года представители партии все-таки вошли в Совнарком. Приручённая вождем Мария Спиридонова еще не разгадала холодный цинизм Ленина, для которого моральные и этические соображения в политике были «лицемерием». Она восхищалась «необыкновенным волевым явленьем, огромной политической проницательностью» вождя.

Более прозорливым оказался Максим Горький, который писал в петроградской газете «Новая жизнь» от 10 ноября 1917 года: «Вообразив себя наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России, — русский народ заплатит за это озерами крови. Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы, человек талантливый; он обладает всеми свойствами „вождя“, а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс… Рабочий класс для Ленина то, что для металлиста руда. Возможно ли при всех данных условиях отлить из этой руды социалистическое государство? По-видимому, невозможно; однако — отчего не попробовать?.. Он работает как химик в лаборатории, с тою разницей, что химик пользуется мертвой материей, а Ленин работает над живым материалом».

Маруся пыталась совместить левоэсеровскую идеологию с большевистской: «Пусть знает русский крестьянин, что, не связав себя с русским рабочим, не связав себя с рабочим и крестьянином Франции, Англии, Австралии и Германии и всех остальных стран мира, он не добьется не только свободы и равенства, но даже того клочка земли, который так жизненно ему необходим», — убеждала она делегатов на совместном заседании ВЦИК Петроградского Совета и Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов.

27 октября (9 ноября) 1917 года IV Съезд партии социал-революционеров и ЦК ПСР, большинство в котором принадлежало правым и центру, осудил политику левых эсеров и принял постановление об исключении из партии «всех принявших участие в большевистской авантюре и не ушедших со съезда Советов». Однако неправильно называть черновцев «правыми» эсерами по советской традиции: ни сами эсеры, ни изгнанники в эмиграции их так никогда не называли.

Эсеровский состав Учредительного собрания поставил под угрозу курс большевиков на радикальные преобразования. Кроме того, эсеры являлись сторонниками продолжения «войны до победного конца» («революционное оборончество»), что склонило коалицию большевиков и левых эсеров разогнать собрание как «контрреволюционное». Накануне открытия Ленин приказал председателю Центробалта Павлу Дыбенко вызвать из Кронштадта моряков для его разгона.

Сначала красные матросы под командованием Н.А. Ховрина и А.Г. Железнякова разгоняли на питерских улицах демонстрацию в защиту Собрания. Анархист Железняков расставил перед дворцом пулеметы, а внутри — вооруженные посты. Секретарь Учредительного собрания видный публицист, эсер М.В. Вишняк

(1883–1976) вспоминал: «Большевики всячески „срывали“ Чернова, заглушали его речь свистом, оскорбительным улюлюканьем и угрожающими выкриками… С секретарского кресла, лицом к залу, можно было видеть, как вооруженные люди… „для развлечения“ вскидывали винтовку и брали „на мушку“ кого-нибудь из находящихся на трибуне». Матросы заняли места для публики в зале заседаний и тоже заглушали ораторов криками. Несмотря на это, собрание во главе с опытным оратором Виктором Черновым перешло к обсуждению будущего государственного устройства России и отказалось принять предложенные большевиками документы, в том числе «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», фактически утверждавшую диктатуру ленинской партии. Депутаты продолжали спорить и принимать решения — о провозглашении Российской федеративной демократической республики, о земле, о мире. В конце концов Дыбенко вызвал Железнякова и велел ему любым способом прекратить «эту говорильню». Бравый моряк в 4.20 утра вошел в зал и заявил: «Я прошу прекратить заседание, поскольку караул устал!» И в советское время исчерпывающей фразой об упразднении законно и демократично избранного органа власти — Учредительного собрания — стали слова матроса Железняка: «Караул устал».

При попустительстве левых эсеров Ленин штыками революционных солдат разогнал неподвластную ему «Учредилку», при этом многие погибли. 29 января 1918 года участники мирной манифестации в поддержку Учредительного собрания были расстреляны из пулеметов. Демонстранты, помнившие «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, утверждали, что такой жестокой расправы и дикости, какие творили красногвардейцы и матросы, не было даже тогда. М. Горький писал: «Расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы…».

По большому счету, свержение Учредительного собрания — это есть второе отстранение законной власти.

«Сумерками свободы» назвал разгон Собрания Осип Мандельштам.

Виктор Чернов в «Открытом письме бывшему товарищу Марии Спиридоновой» возлагал на нее часть вины за это «насилие над демократией», называя левых эсеров «политическими убийцами». И может быть, справедливо мнение, что Спиридонова оказалась большевистским «троянским конем» в стане эсеров. С ее помощью большевики раскололи эсеровскую

партию перед выборами в Учредительное собрание, а потом и эсеровское большинство на этом собрании, сделав его недееспособным. Эсеры-ортодоксы были уверены, что Спиридонова поддержала большевиков из-за того, что ее кандидатуру забаллотировали в состав Учредительного собрания.

Современный исследователь рассматриваемого периода профессор Константин Морозов пишет: «Демократическое развитие России было еще вполне возможно и после захвата власти большевиками, но, став властью, большевики почувствовали ее вкус, воспользовались грубой силой и не дали легитимному волеизъявлению масс проявить себя в полной мере». Эсер М. Вишняк много позже в своих мемуарах констатировал: «Если Октябрь расценивать как легкомысленную или безумную авантюру, ликвидация Учредительного собрания была не чем иным, как предумышленным преступлением». Сохранить и упрочить свой демократический выбор обществу уже не удалось: с разгона Учредительного собрания началась неизбежная эскалация Гражданской войны.

Ликвидация Учредительного собрания стала той точкой невозврата, которая уже делала невозможным никакие надежды на демократизацию, Многие считали, что большей дискредитации социализма, самой социалистической идеи, чем все, что делалось после 1917 года, найти трудно.

В этот решающий момент Мария Спиридонова оказала большевикам значимую поддержку: как всегда пылко и увлеченно она выступала на митингах и «объяснила необходимость роспуска Учредительного Собрания, говорила о роли Советов… и призывала товарищей рабочих и работниц теснее сплотиться вокруг знамени Советской власти». Рядом с ней все рельефнее вырисовывалась фигура Бориса Давидовича Камкова (1885–1938), которого многие даже называли создателем левой фракции в ПСР. Как член БО эсеров он был в 1905 году выслан в Туруханский край, в 1907 сумел бежать за границу. Там Камков познакомился с М.А. Натансоном и В.М. Черновым и вместе с ними сотрудничал в эмигрантской прессе. В 1911 году он окончил юридический факультет Гейдельбергского университета и получил звание доктора права. После Февральской революции вернулся в Россию через Германию, что дало основание правой печати обвинить его в «шпионаже». В то же время часть «левых» считала его агентом-провокатором царской тайной полиции. Разоблачение произошло во время выборов в Учредительное собрание, после чего он был исключен из списка кандидатов, но, тем не менее, был избран. Надо сказать, что грань между «пламенным революционером» и «провокатором» была в то время

совсем неприметная: пожалуй, ни один известный общественный деятель ни избежал обвинения в сотрудничестве с охранкой, иностранной разведкой или враждебной партией.

На 1-м съезде ПЛСР (19–28 ноября, Петроград) Камков отметил противоречия между большевиками и левыми эсерами, в основе которых — попытка большевиков утвердить «диктатуру пролетариата», в то время как требование левых эсеров — «диктатура демократии». Однако Камков высказался за тесный блок обеих партий. И тогда «общими усилиями мы создадим такую власть, по отношению к которой никто не мог бы сказать, что это власть отдельной партии, …но власть революционной демократии».

Вместо демократии 20 декабря 1917 года появилась Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР — ВЧК. Обычай арестовывать и зачастую казнить заложников стал всеобщим и был легализован. ВЧК, производившая массовые аресты подозрительных, имела склонность самолично определять их участь, под формальным контролем партии, но фактически без чьего-либо ведома. Выпорхнуло откуда-то и разнеслось по России слово «чекист». Официально полагалось говорить: «разведчик», это название считалось хорошим, военным, что всегда ценилось у большевиков. В новом же слове был какой-то чрезвычайно неприятный оттенок. Сотрудники ВЧК носили кожаные куртки: им раздали обмундирование, предназначенное для военных летчиков. Это был подарок Антанты российской армии, найденный большевиками на складах в Петрограде. В первый период после образования деятельность учреждения — основного инструмента реализации красного террора против социальных групп, провозглашенных классовыми врагами, а также против лиц, обвинявшихся в контрреволюционной деятельности, — имела спокойный, будничный характер, в ней царил дух напряженной деловитости.

Хотя левые эсеры тоже приняли участие в работе новой организации, верхушка партии относились к деятельности ВЧК довольно скептически.

Еще 18 декабря 1917 года по ордеру главы ЧК Дзержинского были арестованы некоторые члены Учредительного собрания (как участники «Союза защиты Учредительного собрания»), но левые эсеры во главе со Спиридоновой этот шаг не одобрили, и нарком юстиции И.З. Штейнберг освободил арестованных. 19 декабря 1917 он подписал «Инструкцию» ревтрибуналу о прекращении систематических репрессий против лиц, учреждений и печати и

направил соответствующую телеграмму Советам всех уровней. Совнарком несколько раз рассматривал претензии Штейнберга в адрес ВЧК. 31 декабря 1917 года СНК по его инициативе принял решение разграничивать функции ВЧК и Следственной комиссии при Петросовете.

Особенно резко эсер И. Штейнберг выступил по поводу убийства в тюремной больнице двух бывших министров Временного правительства, лидеров кадетов Шингарева и Кокошкина, достойных и уважаемых людей, к тому же весьма нездоровых. Штейнберг, член партии, использовавшей в своей практике политический террор, не смог принять ужасы красного террора, развязанного большевиками в Советской России. В это отрезок времени с ним особенно сблизилась Спиридонова, во многом разделявшая его взгляды.

Вообще период осень 1917 года-весна 1918 года — время исключительной активности Маруси. Практически не проходило дня без ее выступления перед массами. Она все время была на виду. Как член большевистского правительства наряду с Лениным и Троцким она удостоилась внимания иностранных разведок. В аналитической справке начальника французской военной миссии, составленной вскоре после Октябрьской революции и опубликованной в 1971 году, ее характеризовали следующим образом: «Прозвище — „Маруся отравилась“. Одна из лидеров левых эсеров, известна своим террористическим актом при старом режиме, была арестована и подвергнута отвратительному насилию, несколько месяцев находилась в лечебнице для сумасшедших. Считается не отвечающей за свои поступки. Любовница П.П. Деконского, провокатора царской тайной полиции, исключенного из партии социалистов-революционеров».

Факты личной жизни Маруси мало известны — да и была ли у нее личная жизнь? По-видимому, лирический аспект бытия затрагивал ее мало, она по собственным словам «никого не признает и ничего, кроме политики». Личность Петра Деконского мало освещена в истории. Теперь невозможно установить степень его виновности в предъявляемых обвинениях.

Общеизвестно, что многие революционеры совершали миграции из одной фракции в другую, из партии в партию, что позволяло бывшим товарищам считать их предателями и провокаторами. Такие «черные овцы» имелись в каждой партии, особенно нелегальной. Один из крупнейших провокаторов XX века полицейский агент Роман Малиновский по предложению самого Ленина был избран членом Центрального Комитета и лидером социал-демократической фракции в IV Государственной

Думе. Фактически Малиновский стал третьим лицом в партии большевиков. Связь с ним поддерживал лично начальник Департамента полиции Степан Белецкий. Малиновский регулярно информировал охранное отделение обо всем, что происходило в стане большевиков, С его помощью о были выслежены и арестованы руководители Русского бюро ЦК РСДРП Яков Свердлов и Иосиф Сталин. Наверно поэтому, несмотря на предложение Романа Малиновского своих услуг новому строю, 6 ноября 1918 года по приговору трибунала он был расстрелян во дворе Лефортовской тюрьмы.

После осуждения революционным трибуналом Деконского на десять лет Маруся сначала не могла поверить в его вину, затребовала все материалы по делу, а потом решительно вычеркнула его из своей жизни. Характерно, что эта сомнительная связь не повредила репутации женщины ни среди однопартийцев, ни у большевиков.

26 ноября на II Всероссийском съезде Советов, провозгласившим Советскую власть, Мария Спиридонова была избрана в состав президиума, но на самом деле в разгар переворота находилась в поездке по южным городам. В президиуме съезда вместе с Лениным, другими вождями большевиков и несколькими левыми эсерами заседала И.К. Каховская, оказавшаяся единственной женщиной в президиуме судьбоносного съезда.

Еще резче стали обозначаться противоречия между правым и левым крылом партии эсеров: Маруся была избрана главой левого исполкома ПСР, а во главе правого встал Виктор Чернов. И во всех начинаниях Маруси рядом с ней всегда находилась ее верная подруга Александра Измаилович, тоже избранная членом ЦК партии левых эсеров.

13 декабря Спиридонова была избрана почетным председателем Петроградского Совета, а 14 декабря — Всероссийского съезда железнодорожников. 7 января — участвовала в работе 1-го Всероссийского съезда профсоюзов, также избравшего ее в почетные председатели. 10–12 января в ее распорядке — совместные заседания ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР, обсуждавшие вопросы дальнейшей тактики; 13 января — открытие 3-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Она выступала с пламенными речами, увлекая за собой трудящихся. По впечатлениям современников, ее голос был «сухим и скрипучим», но тем убедительнее звучали призывы «… собрать все силы революционной России, чтобы из них создать единое революционное целое, сплошной ком единой социальной энергии и продолжать борьбу, без всякой пощады и без всяких

колебаний, отметая все, что будет встречаться на пути нашей борьбы, которая должна привести нас в светлое царство социализма». По ее собственным воспоминаниям, «долгие часы, несколько дней проходило… в закулисных заседаниях, в бесконечных спорах с большевиками для отвоевания того или иного пункта нашей программы».

Это кипение жизни, эта политическая востребованность придавали силы не очень физически крепкой, болезненной женщине; она ощущала себя вершительницей судеб огромной страны. Полагая, что популярность большевиков в массах явление временное и спустя относительно недолгое время ленинцы обанкротятся, Спиридонова рассчитывала, что в этот момент левые эсеры смогут провернуть подлинную «социальную революцию», которая, чтобы победить, должна будет превратиться в мировую.

После разгона Учредительного собрания борьба за немедленное возобновление его работы была провозглашена первоочередной задачей партии эсеров-черновцев. Защита Учредительного собрания стала одним из лозунгов Белого движения. К лету 1918 года при поддержке восставшего Чехословацкого корпуса на огромной территории Поволжья и Сибири образовалось несколько эсеровских и проэсеровских правительств, начавших вооруженную борьбу против созданной II Съездом советов рабочих и солдатских депутатов советской власти. Ряд членов Учредительного собрания во главе с Виктором Черновым переехали в Самару, где создали Комитет членов Учредительного собрания (КомУч, Комуч), другая часть депутатов создала Комитет в Омске.

В декабре большевики арестовали и заключили в Петропавловскую крепость другого вождя эсеров, Н.Д. Авксентьева. Это не было лишь актом устрашения. У Лисьего Носа в северном Кронштадском фарватере большевики расстреливали и затапливали баржи с заключенными, вывезенными из петербургских тюрем.

К счастью, Авксентьев был освобожден с помощью левого эсера И. Штейнберга и с марта 1918 года входил в руководство Союза возрождения России, являясь одним из руководителей «Союза защиты Учредительного Собрания». В сентябре 1918 года на Государственном совещании в Уфе Комуч, Временное Сибирское и другие региональные правительства слились, избрав временную Всероссийскую Директорию во главе с Авксентьевым, объединившую разрозненные антибольшевистские правительства востока России. Одной из своих задач Директория провозгласила восстановление в России Учредительного собрания.

Участвуя в организации контрреволюционных выступлений, Чернов был арестован, но скоро освобожден чехами. На Урале, в Сибири Виктор Михайлович возглавил подготовку вооруженного восстания против большевиков, перейдя на нелегальное положение, и снова проиграл. И только тогда он отправился в свою третью, на этот раз уже окончательную эмиграцию.

Н.Д. Авксентьев с рядом видных эсеров был принудительно выслан из России. Высылка за границу впервые появилась в советском законодательстве в Уголовном кодексе 1922 года. До этого действовали Руководящие начала по основам уголовного права РСФСР от 1919 года, в которых ни о какой высылке не было и речи. Политик тяжело переживал беззаконное насильственное выдворение с родины, не подозревая, что большевики подарили ему жизнь. После года мытарств Авксентьев осел в Париже, где вел активную деятельность в различных эмигрантских организациях и проявил себя как сторонник вооруженной интервенции в Россию. Он был избран досточтимым мастером эмигрантской масонской ложи «Северная звезда» и умер в своей постели, избежав тех страданий, которые «верные ленинцы» впоследствии обрушили на его однопартийцев.

А большевики беззастенчиво использовали возможности своих «попутчиков» — левых эсеров. Эксплуатировались не только мученический венец, убежденность и полемический талант Спиридоновой, но и экономическая одаренность А. Колеганова и И. Майорова, авторов «Основного закона о социализации земли». По определению В.И. Ленина это был «первый в мире закон об отмене всякой собственности на землю».

Использовались непримиримость и беспощадность заместителей Дзержинского эсеров В.А. Александровича и Г.Д. Закса. Большевики, первоначально противившиеся участию левых эсеров в работе коллегии ВЧК, были вынуждены пойти на уступки союзникам по коалиции и пригласить членов ПЛСР в состав комиссии Ф.Э. Дзержинского. Григорий Закс в апреле 1918 года лично участвовал в разгроме «Черной гвардии» — вооруженных отрядов рабочих, неподконтрольных и нелояльных правительству. Москва на некоторое время оказалась во власти анархистов, которые грабили банки и устраивали дебоши. Анархисты завладели 26 особняками и накопили в них большое количество оружия. Дольше всех сопротивлялся «дом анархии», где теперь расположен театр Ленкома. Григорий Закс зачитал на заседании ВЦИК доклад о разгроме анархистов и высказал мнение о политической подоплеке движения черногвардейцев: «…Если вы возьмете план Москвы, то увидите, что занятые анархистами особняки расположились как бы кольцом вокруг Московского

Совета… Это заставило нас сделать ту дезинфекцию, на которую идейные анархисты были неспособны». Он безоговорочно поддержал большевиков-ленинцев и позднее пал жертвой «дезинфекции» в отношении его самого.

Историки советского периода замалчивали этот факт, но еще 12 октября 1917 года при образовании в столице Военно-революционного комитета (ВРК) его первым председателем был избран левый эсер, военный фельдшер Павел Лазимир. Более того, первоначально наряду с большевиками наркомами (министрами Советского правительства) были назначены семь левых эсеров. А.Л. Колегаев занимал должность наркома земледелия. Прош Прошьян возглавлял Наркомат почт и телеграфов, В.А. Карелин — Наркомат государственных имуществ, И.З. Штейнберг — Наркомат юстиции, В.Е. Трутовский — Наркомат местного самоуправления, И. Михайлов (короткое время) — Наркомат по военным и морским делам. «Наркомами без портфелей» являлись В.А. Алгасов (член коллегии НКВД) и А.И. Бриллиантов (член коллегии Наркомата финансов). Помимо них, в заседаниях правительства принимали участие члены коллегий наркоматов А.А. Шрейдер (Наркомат юстиции), Н.Н. Алексеев (Наркомат земледелия), Л.Е. Кроник (Наркомат почт и телеграфов) и некоторые другие с правом решающего голоса на заседаниях СНК.

Мария Спиридонова не стала народным комиссаром только потому, что ее работу в ЦИК эсеровское руководство посчитало более важной.

Армией и флотом бездарно командовали большевики: прапорщик Крыленко и матрос Дыбенко. Пришлось назначить главным военным специалистом советской республики левого эсера Михаила Муравьева. Заменивший его впоследствии (вместе с Подвойским) большевик Антонов-Овсеенко в своих «Записках о гражданской войне» оставил такой портрет Муравьева: «Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами и быстрым взглядом — мне вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Его горячий взволнованный голос звучал приподнятыми верхними тонами. Выражался он высоким штилем, и это не было в нем напускным. Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно. В этой его горячности была его главная притягательная сила, а сила притяжения к нему солдатской массы, несомненно, была. Своим пафосом он напоминал Дон-Кихота, и того же рыцаря печального образа он напоминал своей политической беспомощностью и своим самопреклонением. Честолюбие было его подлинной натурой. Он искренне верил в свою провиденциальность, ни мало

не сомневаясь в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутствии сомнения в себе была его вторая сила… Вообще этот смелый авантюрист был крайне слабым политиком. Избыток военщины мешал ему быть таковым, а плохой политик мешал ему быть хорошим военным… Фанфаронство не покрывало в Муравьеве смелость, которая в нем бурлила…». Антонов-Овсеенко и М. Бонч-Бруевич рассказывали, что Муравьев постоянно «сорил деньгами» и «сеял разврат», окружив себя «подозрительными личностями», среди которых выделялась группа его телохранителей, не то бандитов, не то наркоманов. Да и сам Муравьев был морфинистом — «бледный, с неестественно горящими глазами на истасканном, но все еще красивом лице».

С момента образования правительственной коалиции взаимоотношения представителей двух партий в СНК были конфликтными. Н.П. Горбунов, секретарь СНК, в своих воспоминаниях отмечал, что политике большевиков в Совнаркоме левые эсеры «противопоставляли свою принципиальную установку». Они по-своему понимали, что такое трудовой народ. Это не мелкобуржуазное крестьянство с поводырем-пролетариатом, а самодостаточный крестьянин, кормящийся трудом рук своих и плодами земли, развитой квалифицированный рабочий и трудовая интеллигенция, которая также не пользуется наемным трудом. Не издевательски звучащая «прослойка», как определяли интеллигенцию марксисты, не «г… нации» как называл ее Ленин, а равноправная триада трудового народа. По воспоминаниям большевика Г. И. Оппокова (А. Ломова) в правительстве левые эсеры «изводили» Ленина «своими высокопарламентскими сравнениями и речами».

После ратификации мирного договора с Германией, в период с 18 по 23 марта 1918 года все левые эсеры-наркомы подали заявления об отставке со своих постов.

«Военный заговор» всюду мерещился большевикам, и Ленин, опасаясь влияния Муравьева в столичном гарнизоне, быстро нашел ему «архиважное задание», исполняя которое Муравьев мог сломать себе шею — подавлять на Волге контрреволюционные выступления восставших чехословаков. Одновременно Муравьев удалялся подальше от столицы, чтобы оставить левых эсеров без их главного «военного козыря».

Со всеми этими ранее широко известными, а ныне забытыми российскими политическими деятелями Маруся была либо в деловых, либо в товарищеских отношениях. Они глубоко уважали ее и безоглядно верили своему нервному, хрупкому, но такому стойкому и отважному вождю.

Брестский мир и июльский «мятеж»

В конце февраля Спиридонова участвовала в ряде заседаний ВЦИК, ЦК ПЛСР, а также объединенных заседаний последнего с ЦК РСДРП(б) по вопросу о подписании Брестского мира. Ее позиция в этом вопросе совпадала с точкой зрения той части большевистского ЦК, которая поддерживала Ленина. Спиридонова полагала, что сепаратный мир пойдет на пользу мировой революции, так как «заставит массы прозреть».

Для большинства советских людей упоминание о разногласиях в среде большевиков звучат кощунственно. Они всегда представлялись неким монолитом людей и мнений, для которых не существовало иной точки зрения, кроме ленинской. На самом деле «левые коммунисты», такие как глава ВЧК Ф. Дзержинский, главный идеолог партии Н. Бухарин и другие видные представители большевистской партии, выступали за революционную войну с Германией и были готовы сместить Ленина. В окружении «железного Феликса» четко просматривался англо-французский след, а Антанта проявляла крайнюю заинтересованность в продолжение войны между Россией и Германией. Второй человек в то время после Ленина, Лев Троцкий, открыто выражал готовность принять военную помощь Антанты против Германии. Как представитель «финансового интернационала» в России, он энергично продвигал идею военно-политического союза с Антантой.

Многие партийные организации были против заключения мира, требовали формировать Красную армию и вести революционную войны в надежде на помощь поднимающегося всемирного пролетариата. Партия вышла из повиновения. Ленин остался в меньшинстве. Изобретательный Троцкий придумал формулу, которую предложил Ленину: «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем. Если немцы не смогут двинуть против нас войска, это будет означать, что мы одержали огромную победу Если они еще смогут ударить, мы всегда успеем капитулировать».

Ленину пришлось буквально выкручивать товарищам руки, уговаривая принять тяжелейшие условия мира.

Немцы предъявили жесткие условия: линия фронта становится границей между Германией и Россией, то есть большая часть Латвии, Литвы, Польши и Белоруссии остаются под контролем Германии… При этом даже мнения большевиков разделились. Ленин был готов подписать мир на любых условиях. Троцкий не соглашался отдать немцам немалую часть России.

Председатель ВЧК Феликс Дзержинский заявил, что подписание мира — полная капитуляция. Моисей Урицкий, председатель Петроградской ЧК, назвал этот мир «похабным».

Один из военных консультантов на переговорах в Брест-Литовске генерал Владимир Скалон, назначенный главой комиссии по перемирию, совершил самоубийство: во время частного совещания: он вышел в отведенную ему комнату якобы за картой и, встав перед зеркалом, застрелился. Немцы отнеслись к покойному с большим уважением. На следующий день генерал Гофман открыл переговоры, выразив соболезнования по поводу трагической гибели русского генерала. В воспоминаниях Бонч-Бруевича причиной самоубийства Скалона прямо называется душевная травма, нанесенная заносчивыми требованиями и наглым поведением немецких генералов.

По мнению члена комиссии подполковника Фокке, Скалон, как и другие русские офицеры, был подавлен из-за унизительного поражения, развала армии и падения страны. Так же истолковали самоубийство и немцы: генерал Самойло вспоминал, что на следующий день после трагедии генерал Гофман приветствовал его словами: «А! Значит, вы назначены замещать бедного Скалона, которого уходили ваши большевики! Не вынес, бедняга, позора своей страны! Крепитесь и вы!»

Тем не менее, несмотря на сопротивление «левых коммунистов» и левых эсеров, обвинявших большевиков в измене мировой революции и предательстве национальных интересов, договор был ратифицирован 15 марта 1918 года IV Чрезвычайным съездом Советов. Ленин оказался в сложном положении. Условия позорного мира еще раз подтверждали слухи о его подозрительных связях с Германией. Сейчас ему особенно важно было получить поддержку левых эсеров. Легче всего этого можно было достичь через все еще находившуюся под обаянием ленинской харизмы Спиридонову. Примечательно, что на переговорах о Брестском мире присутствовала Анастасия Биценко, которая весьма не понравилась немецкой стороне.

Маруся с тревогой наблюдала, как по мере укрепления своего положения, большевики начинают менять курс на установление однопартийного режима. Кроме того, политика ленинцев кардинально расходилась с укоренившимися в среде революционеров идеалами либерализма и демократии. Но Спиридонову всегда отличала верность — идеям, убеждениям, людям — она доверяла Ленину и все еще пыталась найти оправдание своим временным союзникам. «Мир был подписан не нами и не большевиками: он был подписан нуждой, голодом, нежеланием всего народа — измученного, усталого — воевать, И

кто из нас скажет, что ПЛСР, представляй она одна власть, поступила бы иначе, чем поступила партия большевиков?» Входя в комиссию по организации 2-го съезда ПЛСР и в его президиум, она 19 апреля выступила с докладом, в котором, полемизируя с другим лидером партии, Борисом Камковым, призвала левых эсеров разделить с большевиками ответственность за Брестский мир.

Спиридонова часто встречалась с Лениным, однако эти встречи приводили к все большему неприятию позиции вождя. И все же Маруся позже всех лидеров левых эсеров порвала с ленинцами. Наступившее разочарование в большевистской власти она не собиралась скрывать. Последней каплей стали декреты ВЦИК в мае-июне 1918 года (О продовольственной диктатуре, о комбедах, о смертной казни). Спиридонова обвинила большевистский ЦК в подмене «социализации» земли «национализацией», в организации продотрядов и насаждении комбедов. Продолжая сотрудничество с большевиками, она, в то же время, вела с ними дискуссию о дальнейших путях преобразования революционной России. Спиридонова, как последовательная народница, не соглашалась с тем, что авангардом революции должен быть пролетариат, а не крестьянство; требовала, чтобы большевики приняли такой важный пункт эсеровской программы как социализация земли; осуждала «диктаторский социализм» Ленина.

В июне 1918 года она окончательно размежевалась с большевиками и стала активно сотрудничать с газетой «Земля и Воля» — органом Северного комитета эсеров. В своих публичных выступлениях она решительно осуждала политику Совета народных комиссаров, критиковала аграрный курс большевиков. С точки зрения левых эсеров и их сторонников большевики «предали» идею мировой революции, «братский народ Украины» был отдан на разграбление немцам, украинский хлеб шел на спасение германской империи. На хлебные районы России, прежде всего Сибири и Дона ложилась дополнительная нагрузка. Диктатура становилась антикрестьянской, что вело к дальнейшему обострению отношений между большевиками и левыми эсерами. Сохранилась запись речи Спиридоновой на заводе «Дукс», сделанная сотрудником ВЧК для доклада наверх: «Рабочие задушены, связаны по рукам и ногам, вынуждены подчиняться декретам, кои издаются кучкой темных лиц во главе с Лениным, Троцким… Все комиссары — мерзавцы, жиреющие на бешеных жалованиях. В партию коммунистов записываются проходимцы, чтобы получать лучший паек, лучшую одежду, галоши…» И каждое обвинение, честно отмечал чекист, вызывало

шумные аплодисменты.

Уже в те года становилось понятно, какое разрушительное значение имеет большевистский эксперимент и те методы, которые они применяют в ходе его. «Вместо свободного, переливающегося, как свет, как воздух, творчества народного, через смену, борьбу в советах и на съездах, у вас — назначенцы, пристава и жандармы из коммунистической партии». Более того, Марусе становилась все более очевидной стремление ленинцев оттеснить политических конкурентов не просто на обочину истории, а в никуда.

Американский исследователь этого периода русской революции Р. Пайпс подытожил: «…левые эсеры вдруг обнаружили, что сотрудничают с режимом расчетливых политиков, которые заключают сделки с Германией и со странами Четверного согласия и вновь призывают „буржуазию“ управлять заводами и фабриками, командовать армией».

Но левым эсерам было известно не все. В июне 1918 года после убийства Володарского Ленин сердито писал Зиновьеву: «… Мы услыхали в ЦК, что рабочие хотели ответить на убийство массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты) удержали. Протестую решительно! …Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает»[9].

VIII Совет Партии социал-революционеров, который состоялся в Москве в мае 1918 года, назвал ликвидацию большевистской диктатуры «очередной и неотложной» задачей всей демократии. Совет предостерегал членов партии от заговорщической тактики в борьбе с большевизмом, но заявлял, что партия будет оказывать всяческую помощь массовому демократическому движению, направленному к замене «комиссародержавия действительным народовластием». Как уже говорилось, в начале июня 1918 года эсеры, опираясь на поддержку восставшего Чехословацкого корпуса, образовали в Самаре Комитет членов Учредительного собрания под председательством старого знакомого Маруси Владимира Вольского. Была создана Народная армия КомУЧа. После этого «правые эсеры» были исключены из Советов всех уровней 14 июня 1918 года решением ВЦИК большевиков. Велись какие-то разговоры о создании так называемой Поволжской Советской республики во главе с левыми эсерами Спиридоновой, Камковым и Карелиным.

Марусю большевики поставили на место самым бесцеремонным образом. Но она этого еще не поняла, хотя прозрение было уже не за горами.

На первом этаже здания на углу Воздвиженки и Моховой размещалась крестьянская секция ВЦИК партии левых эсеров. Именно здесь проходило заседание их ЦК. 24 июня 1918 года Маруся вместе с Ильей Майоровым была избрана в Бюро ЦК III съезда левых эсеров, которому было поручено «в интересах русской и международной революции положить конец так называемой передышке» и развернуть террор против «немецких империалистов и оккупантов».

Маруся выступила на съезде с отчетным докладом о работе Крестьянской секции. «Сначала мы работали рука об руку с большевиками, часто делая уступки в партийных вопросах, чтобы не было разногласий. Но по вопросу о Брестском договоре произошло разногласие… и с этого времени начинаются совершенно другие условия работы… Нашей секции не давали проводить ее проектов. Ей старались устроить всякие препятствия… Я считаю… что уже на этом Съезде Советов пройдет вопрос об уничтожении Крестьянской секции…». Она констатировала, что большевики социализацию земли подменяют национализацией, а работа секции скорее всего будет ими запрещена. Также резко Спиридонова критиковала продовольственную политику большевиков, а о комбедах прямо заявила: «Мы будем бороться на местах, и комитеты деревенской бедноты места себе иметь не будут».

Она как всегда говорила откровенно и предупреждала, что левые эсеры будут вести борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров, но не против большевиков. Соратник Маруси, Илья Майоров, противник Брестского мира, в прениях обвинил СНК в преследованиях трудового крестьянства, выразил протест против комбедов, твердых цен на хлеб, смертной казни, а также осудил действия лояльных большевикам коллег по партии.

Борьба левых эсеров против большевиков обострилась на V Всероссийском съезде Советов 5 июля. 352 представителя партии выразили недоверие Советскому правительству. Произошел окончательный разрыв между большевиками и левыми эсерами, которые обвиняли друг друга в ошибках и «перерождении». Это было важнейшее событие, которое могло иметь судьбоносный характер. Но сосредоточение на Съезд всех лидеров эсеров предоставило большевикам возможность одним ударом ликвидировать политических соперников.

В тот же день ЦК левых эсеров постановил разорвать Брестский мир путем покушений. Спиридонова заявила: «Необходим целый ряд террористических актов. Они подтолкнут народ к открытой борьбе. Большевики, как слепые, гонят всю

Россию в одну яму, откуда мы не выберемся. Наша задача — начать восстание…». Скорее всего, в высших большевистских кругах были осведомлены об эсеровских приготовлениях, но выжидали, считая, что представляется возможность избавиться и от них, и от германских дипломатов, причиняющих немалые неприятности. Самые серьезные подозрения в провокации будущего мятежа падают на Дзержинского…

Стало известно, что положением на Волге, где был сформирован Чехословацкий корпус из пленных чехов и словаков, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии, заинтересовался немецкий посол граф Вильгельм фон Мирбах. Он должен был воспрепятствовать появлению на Западном фронте враждебного немцам 40-тысячного корпуса, в то время когда у Франции уже иссякали последние людские резервы и на фронт спешно стали отправлять так называемые колониальные войска. Посол тайно передал Муравьеву большую денежную сумму, чтобы тот принял меры для удержания чехов в России. Однако 1 июля 1918 года посредник между Муравьевым и Мирбахом был арестован ЧК, и тайное стало явным. Ленин и Троцкий в совместном правительственном обращении заявили, что «Бывший главнокомандующий на чехословацком фронте, левый эсер Муравьев, объявляется изменником и врагом народа. Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте». Впрочем, это обращение было опубликовано только 12 июля, когда сам Муравьев уже был мертв.

«На Украине находились немцы, — вспоминал один бывший офицер, намеревавшийся уехать в Киев, — пропуск получить можно было у германского посла в Москве графа Мирбаха. В мае я отправился в Москву. Перед германским консульством были большие толпы желавших получить пропуск на Украину». От голода и холода, от притеснений большевиков все классово-чуждые им слои населения стремились перебраться в самостоятельное в то время государство.

Утром 6 июля в гостинице «Националь» какой-то член ПЛСР, предположительно Анастасия Биценко[10], передал сотрудникам отдела по борьбе с международным шпионажем ВЧК, эсерам Якову Блюмкину и Николаю Андрееву, бомбы для покушения. 18-летнего одессита Блюмкина инструктировали перед терактом Спиридонова и Прош Прошьян, ими был разработан хитрый план. Блюмкин и его 27-летний земляк Андреев, изготовив в качестве предлога письмо от имени ВЧК, потребовали встречи с германским послом графом Мирбахом. Позже выяснилось, что подписи Ф. Дзержинского и секретаря ВЧК И. Ксенофонтова были

поддельными, а печать — настоящей. Ее поставил заместитель Дзержинского левый эсер В.А. Александрович. В ходе беседы Мирбах был застрелен, террористы сумели выбраться из посольства через окно, и в поджидавшем их автомобиле скрылись в штабе отряда ВЧК.

Отрядом, располагавшимся в центре Москвы в Покровских казармах в Большом Трехсвятительском переулке, командовал левый эсер Дмитрий Попов. По обыкновению слегка пьяный, он рвал на груди рубаху, клянясь в преданности Марии. Там собрались руководители партии Саблин, Камков, Карелин, Прошьян и Александрович. По распоряжению Спиридоновой боевики Попова заняли телеграф, обстреляли из орудий Кремль и принялись распространять воззвания, в которых объявили большевиков «агентами германского империализма». Маруся практически заставила эсера-чекиста Попова арестовать Феликса Дзержинского, прибывшего в штаб с требованием выдать убийц германского посла. Весь период мятежа он пробыл там на не очень понятном положении: не то пленника, не то гостя. (Дзержинский никогда не простил своего ареста Спиридоновой). Затем по ее инициативе были взяты в заложники еще 27 большевистских деятелей, включая зампреда ВЧК Лациса, председателя Моссовета Смидовича и др. Большинство частей Московского гарнизона, кроме латышских стрелков, либо объявили о своем нейтралитете, либо перешли на сторону мятежников. На стороне эсеров оказался существенный перевес.

Тем не менее, по неизвестной причине левые эсеры не арестовали ни Советское правительство, ни большевистских делегатов V Съезда Советов. На вожаков мятежа словно напало оцепенение. Только Спиридонова в событиях 6–7 июля проявила максимальную активность, смело пытаясь воздействовать на обстоятельства.

В фильме Юлия Карасика «Шестое июля», рассказывающем об этой загадочной странице русской истории, Марию Спиридонову играла блистательная Алла Демидова. И хотя фильм задуман как прославление вождистских и человеческих качеств В.И. Ленина, его идейная противница не могла не вызвать по крайней мере уважения. Но в те роковые дни, ставшие водоразделом между всей ее новой, «после-каторжной» жизни, и грядущими испытаниями, Мария остановилась на полдороге. По-видимому, она ощущала какую-то фальшь, «деланность» происходящего, и не находила поддержки у своих соратников.

Сейчас считается, что теракт организовал капитан британской разведывательной службы «Интеллидженс сервис» и советник Троцкого Джордж Хилл. Исполнителем действительно

являлся Яков Блюмкин, а режиссером самого «мятежа» выступил Свердлов. Руководство партии левых эсеров ни о каком «восстании» не помышляло.

Но Спиридонова не была бы Спиридоновой, если бы ушла в тень и не руководила совещаниями фракции левых эсеров во время V Всероссийского съезда Советов в Большом театре. Сюда Мария вместе с Лазарем Голубовским отправилась для оглашения декларации ЦК ПЛСР об убийстве Вильгельма Мирбаха, хотя понимала, что может быть схвачена. Тем временем верные большевикам части латышских стрелков громили проявлявших непонятную пассивность левых эсеров.

Неожиданно со сцены театра было объявлено, что спешно собирается фракция большевиков и ее членам предложено собраться снаружи. На выходе чекисты проверяли документы и выпускали только коммунистов и представителей других фракций. Отклонить требование левых эсеров об участии в охране было невозможно, но заранее переброшенные в Москву латышские стрелки были расставлены так, чтобы полностью контролировать, а при необходимости — парализовать действия бывших союзников.

Жак Садуль, член Французской военной миссии, сочувствовавший большевикам, в «Записках о большевистской революции» рассказывал, что в зале остались эсеры, быстро сообразившие, что попали в ловушку, и некоторое количество журналистов. Левые эсеры, почти все молодые пылкие люди, сначала дружно запели похоронный марш, затем «Интернационал», потом другие революционные песни. Вскоре их охватило лихорадочное нервное веселье, начались взволнованные выступления, импровизированные речи; страха не было.

В ночь с 7 на 8 июля в числе других руководителей левых эсеров Спиридонова была арестована «с оружием в руках» (у нее был обнаружен и изъят револьвер) и препровождена в Кремль. Схвачена была также ее подруга Александра Измаилович, участия в мятеже не принимавшая. «Я двенадцать лет боролась с царем, а теперь меня большевики посадили в царский дворец», — иронично заметила Мария. Сейчас она иронизировала, но скоро ей пришлось познакомиться с новой реальностью. На допросе в следственной комиссии при ВЦИК 10 июля она взяла всю вину за выступление левых эсеров на себя: «Я организовала дело убийства Мирбаха с начала до конца. Блюмкин действовал по поручению моему».

Однако поговаривали, что к этому теракту приложило руку большевистское руководство, стремясь таким образом ликвидировать главного свидетеля их связей с Германией. Лев

Троцкий, идеолог всемирной пролетарской революции, надеялся воспользоваться ситуацией, рассчитывая, что немцы объявят войну. Однако у Германии было столько проблем, что ради мира она дала бы застрелить всех своих послов[11].

Так закончился этот странный мятеж.

Разгром партии левых эсеров завершил недолгое существование советской власти в России — в июле 1918 года она была расстреляна.

А Зинаида Гиппиус иронично описывала все эти примечательные события в своем «Дневнике»: «5 июля 1918 года, четверг. Было: очень глупое „восстание“ левых эсеров против собственных (!) большевиков. Там и здесь постреляли, пошумели, „Маруся“[12] (Спиридонова) спятила с ума, — их угомонили, тоже постреляв, потом простили, хотя ранее они дошли до такого „дерзновения“, что убили самого Мирбаха… у нас вспыхнула неистовая холера. В Петербурге уже было до 1000 заболеваний в день».

«Революционный» период России — время тайн, недоговоренностей и фальсификаций. Левоэсерский мятеж — одна из них. Накануне (не позднее 5 июля 1918 года) состоялась беседа Ленина и Спиридоновой о поисках компромисса между большевиками и левыми эсерами. В отношении Брестского мира вождь обещал, что большевики будут «осуществлять его только внешне, что все существо его глубоко реакционное, направленное против Советской власти, против русской революции, не может быть выполнено». Обсуждался и вопрос о передаче в уравнительное распределение уже национализированных земель. Для проведения в жизнь подобных «решительных действий против настоящей политики СНК» ЦК партия левых социал-революционеров организовал бюро из трех человек — Спиридонова, Голубовский, Майоров — с диктаторскими полномочиями. Другими словами, левые эсеры пытались мирно урегулировать разногласия.

Потом сами они яростно открещивались от подготовки переворота, хотя и не оспаривали своего участия в убийстве германского посла и даже похвалялись им. В отличие от всех других процессов, эсеры не только не отрицали большую часть того, что им ставили в вину — например, создание самарского КомУч, народная армия которого противостояла Красной армии — но гордились многими этапами своей борьбы и не скрывали этого. А пресловутое «восстание» было не более чем попыткой изменения партийной линии большевиков и протестом против захвата ими единоличной власти.

Действительно, не заметно никакой подготовки к перевороту.

Военные отряды не были сформированы, союзники — организованы, провинция — информирована и за малым исключением, не поддержала московское выступление. Гораздо более длительными и кровопролитными были массовые выступления летом 1918 года в Вологде, Арзамасе, Муроме, Ярославле, Великом Устюге и других городах. Они сопровождались массовым насилием, грабежами, убийствами советских работников и коммунистов, членов их семей. Однако организаторами этих восстаний были офицерские организации и правые эсеры, и они только приблизительно совпадали по времени с левоэсеровским выступлением в Москве.

Похоже, мятеж и убийство Мирбаха были использованы коммунистами как предлог для истребления партии левых эсеров, как возможность почти на законных основаниях уничтожить опаснейшего политического конкурента. Партия левых социал-революционеров была большевикам не ко двору. В противоположность «твердокаменным» ленинцам, у эсеров была крайняя свобода мнений, свобода группировок, свобода течений. Эсеры гордились своей терпимостью: в партии имелся «Административный Центр», были левые, центровики и т. д. Даже в 1925 году большевистской печатью отмечался крайний плюрализм и свобода мнений, царящие в партии левых эсеров.

Один из идеологов партии Борис Камков еще раз озвучил сущность противоречий между большевиками и левыми эсерами. В основе намерений первых — попытка утвердить «диктатуру пролетариата», в то время как требование левых эсеров — «диктатура демократии». Тем не менее, Камков высказался за тесный блок обеих партий. И тогда «общими усилиями мы создадим такую власть, по отношению к которой никто не мог бы сказать, что это власть отдельной партии, …но власть революционной демократии».

Но большевики, мало заботясь о том, кто что скажет, стремились к другому.

По сути, в результате «мятежа» произошел государственный переворот, в стране воцарилась однопартийная система власти. Все другие партии, кроме большевистской, с этого времени рассматривались как контрреволюционные. Однако слишком много левых эсеров участвовали в революции и многие из них имели слишком большое влияние и авторитет, чтобы их можно было в одночасье удалить их из всех органов управления. Эсеры оставались в коллегиях наркоматов, военном ведомстве, разных комитетах, комиссиях, советах. Большевиками был взят курс на постепенное выдавливание их из исполкомов местных Советов, лишение руководящих должностей.

Эсерский лозунг «Землю — крестьянам!», позаимствованный большевиками у эсеров и использованный в октябре, теперь, когда власть попала в руки ленинцев, был отброшен. Сразу после ареста Спиридоновой ВЦИК принял Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. Это явилось началом эры совхозов и колхозов. Земля была объявлена государственной собственностью.

Марусе такой цинизм никогда не был присущ, и этим она в корне отличалась от Ленина. А он, посмеиваясь в душе, заявлял товарищам, что Спиридонова — «человек, в искренности которого ни я, ни кто другой не сомневается».

Преследования и аресты

После разгрома мятежа начались аресты и расстрелы. Именно с расправы над левыми эсерами вступило в силу применение смертной казни. Впрочем, сначала репрессии оказались на редкость умеренными. 8 июля были расстреляны заместитель председателя ВЧК левый эсер Вячеслав Александрович (Петр Дмитриевский) и 12 бойцов из отряда Дмитрия Попова. Тем самым концы быстро спрятали в воду. Сам Попов, симпатизирующий анархистам, сумел скрыться и впоследствии примкнул к повстанческой армии Нестора Махно. Погиб он (расстрелян по приказу Дзержинского) только весной 1921 года.

В Кремле Спиридоновой отвели две хорошие комнаты, пищу приносили с кухни СНК, доставляли разную литературу, письма, папиросы. Где-то рядом находились Мстиславский и Измайлович. Марусе была даже разрешена встреча с однопартийцами А.М. Устиновым и А.Л. Колегаевым, не принимавшими участия в мятеже. Попытка Устинова «переубедить Спиридонову» и уговорить ее отказаться от политической деятельности закончилась неудачей.

Спиридонова — пламенный оратор, пассионарный лидер — заключена в Кремле, партия левых эсеров переживает тяжелые времена. Об осуждении действий ЦК ПЛСР заявил ряд местных левоэсеровских организаций. Казалось бы, игра проиграна, надо покориться и выторговать выгодные условия капитуляции. Но нет! Из Кремля неукротимая Маруся пишет открытое письмо «Центральному Комитету партии большевиков», в котором обвиняет их во всех грехах — от ошибочности и вредности политики до «измены принципам социализма и интернационализма», ругает большевистских вождей, называя Троцкого «шкурником» и «обозником». «Ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся… Вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его… Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганными обывателями. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами не породнились с контрреволюцией». Бесстрашная женщина объясняет, что левые эсеры не ставили своей задачей свержение большевиков. Целью был «теракт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции; не мятеж, а полустихийная самозащита при аресте». Она осуждает большевистский террор — террор победителей и

оправдывает террор эсеров, террор угнетенных, стремящихся к свободе.

I Совет ПЛСР (август 1918 г.) одобрил действия ЦК ПЛСР, избрал в качестве Временного исполнительного органа партии Центральное бюро и санкционировал уход ПЛСР в подполье.

20 июня одиночкой Семеновым был убит 27-летний Моисей Маркович Володарский, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации в первом правительстве большевиков. Талантливейший пропагандист и оратор, он не имел даже законченного гимназического образования, но твердо проводил большевистскую линию. В действиях Володарского преобладал беспощадный комиссарский принцип, при нем резко возросло количество закрытых «неправильных» газет, журналистское инакомыслие нещадно каралось. В убийстве подозревали эсеров, но от этого теракта, не санкционированного ЦК, партия эсеров отмежевалась. Тем не менее, на заседании Петроградского совета 22 июня 1918 года Зиновьев говорил: «Мы не знаем, кто убийца, но было бы желательно, чтобы из числа эсеров никто не присутствовал на погребении».

Имя мало кому известного молодого партийного функционера впоследствии обрело новую жизнь в именах многочисленных, названных в его честь, поселках, улицах, заводах. Даже исторический Литейный проспект был переименован в проспект Володарского.

Все ждали, что это убийство станет поводом для репрессий против «чуждых элементов», но количество экзекуций почти не увеличилось. Человеком, который в июне 1918 года предотвратил в Петрограде развертывание красного террора после убийства Володарского, стал М. Урицкий.

6 июля во время белогвардейского восстания был убит комиссар Ярославского военного округа С.М. Нахимсон. Но и его смерть не повлекла значительных последствий.

30 августа 1918 года бывший юнкер Михайловского артиллерийского училища, Леонид Канегисер застрелил председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого По собственному его признанию, он решил отомстить Урицкому за гибель своего друга — офицера Перельцвейга, расстрелянного по приговору ЧК. И хотя юноша Канегисер принадлежал к сомнительной в глазах большевиков партии эсеров, в это можно поверить, поскольку Урицкий не отличался какой-то особенной жестокостью. Напротив, он протестовал против садистских методов допроса в ЧК, чем вызвал специальное решение фракции коммунистов конференции ЧК (12 июня 1918 г.), предложившей «ЦК партии отозвать т. Урицкого с его поста в Петроградской

чрезвычайной комиссии и заменить его более стойким и решительным товарищем, способным твердо и неуклонно провести тактику беспощадного пресечения и борьбы с враждебными элементами, губящими советскую власть и революцию».

В.П. Зубов, директор Гатчинского музея, с 1922 года эмигрант, вспоминал: во главе Петроградской ЧК «находился недюжинный человек, товарищ Урицкий. Короткая встреча, которую я тогда имел с ним (он вскоре был убит юным идеалистом Канегиссером) не была слишком понятной, но, оставаясь объективным, я должен сказать, что моим впечатлением было, что предо мной человек глубоко честный, до фанатизма преданный своим идеям и обладавший где-то в глубине души долей доброты. Но фанатизм так выковал его волю, что он умел быть жестоким. Во всяком случае, он был далек от того типа садистов, что управляли чекой после него».

Несмотря на полученные известия о теракте, в Москве не ужесточили меры безопасности. В тот же день на заводе Михельсона было совершено покушение на Ленина. По официальной версии, в вождя стреляла инвалид, малоподвижная, полуслепая эсерка Фанни Каплан, отбывавшая вместе со Спиридоновой каторгу. Это покушение — дело загадочное и трагичное, организаторы и многие участники его до сих пор неизвестны.

Правда о покушениях на Ленина, наверно, не откроется никогда. Первое — неудачное, при котором был ранен был Фридрих Платтен — произошло 1 января 1918 года. По одной из версий, его организовал князь Дмитрий Иванович Шаховской, который, находясь в эмиграции, взял вину на себя и признал выделение на эту цель пятисот тысяч рублей. Возможно, в деле был замешан один из бывших министров Временного правительства, кадет Н.В. Некрасов. Этот случай весьма скупо освещен в источниках. Солдат Спиридонов доложил об участии в заговоре против жизни лидера большевиков сразу после своего вовлечения.

О покушении на Ленина, совершенного Фанни (Дорой) Каплан, сведений имеется гораздо больше, но они противоречивы и сомнительны. И тогда, вслед за событием, высказывались разного рода сомнения в правдоподобности происшедшего, и в наше время оно расценивается неоднозначно. Кроме официальной версии бытовало мнение, что посягательство на жизнь вождя было инсценировкой. Как сообщали «Известия ВЦИК» (03.09.1918 г.), «следы от пули на пиджаке не совпадали с ранениями на теле». Выдвигалось также предположение, что

покушение — происки германской разведки, которая отомстила за убийство посла Мирбаха. Бывший начальник Центрального летучего боевого отряда партии эсеров Семенов в 1922 году признавал, что покушение — дело рук правых эсеров. В период сталинских репрессий организаторами покушения были названы Троцкий и Бухарин, якобы вступившие в сговор с эсерами. В качестве возможных исполнителей теракта в разное время с разной степенью обоснованности назывались Лидия Коноплева, эсер-боевик рабочий Новиков, бывший левый эсер, боевик Протопопов, эсер, георгиевский кавалер Мартьянов и пр.

Многие были уверены, что покушение подготовили сотрудники ЧК. Ввиду того, что убийство Мирбаха было совершено с бумагами от имени Дзержинского, он тоже попал под подозрение и был временно отстранен от должности. Перед этим один из советников германского посольства передал информацию для Дзержинского о готовящегося англичанами покушения на посла Мирбаха. Председатель ВЧК поручил проверку Петерсу, но тот не выявил ничего серьезного. Ситуация заставила «Железного Феликса» срочно уехать в Швейцарию якобы на курорты для поправления здоровья. Никакого лечения там не было, была встреча с семьей, были позднее переговоры с германскими левыми социал-демократами и многое другое. В Европе он пробыл два месяца, пока все не успокоилось. Впрочем, отъезд главы чекистов может иметь и другое объяснение. Как раз в это время Совнарком постановил распустить коллегию ВЧК, чтобы убрать из рядов карающего органа левых эсеров. На время отсутствия Дзержинского председателем «чрезвычайки» был назначен единомышленник Я. Свердлова Яков Петерс, прежде живший в Англии и возглавлявший там гангстерскую банду. После перестрелок, в которых погибли несколько полицейских, его арестовали, но вскоре освободили, несмотря на доказательства вины. Петерс был женат на дочери банкира Мэй Фримен, работал в компании одного из влиятельнейших людей Англии. Теперь ему было поручено сформировать новую Комиссию уже исключительно из большевиков и он привлек в нее множество латышей.

Однако самой устоявшейся является версия о причастности к покушению на В.И. Ленина Я.М. Свердлова, который намеревался занять место вождя. Кличку «Черный Дьявол» Яков Михайлович получил не только из-за кожаной тужурки, которую носил не снимая. Свердлов был полон амбиций и не останавливался ни перед чем в достижении цели. Тихий голос Свердлова внушал ужас во много раз больший, чем истошные крики Ленина. Второе прозвище — «Красный Царь» — председатель ВЦИК тоже имел

неспроста, поскольку всерьез готовился занять место Ленина. На это указывает его постоянно возрастающая в партийных кругах роль. Так, для губернских чекистов установили двойное подчинение. С одной стороны — центральной ВЧК, с другой — местным Советам, то есть опять же Свердлову, председателю ВЦИК. Эта реформа превратила «чрезвычайку» в орудие расплескавшегося красного террора.

Публицист Валерий Шамбаров утверждал: «Если посмотреть, кому в тот момент было выгодно устранить Ленина, то больше всех выигрывал Свердлов. После покушения он первым прибыл в Кремль и в тот же вечер занял ленинский кабинет, подмяв под себя и Совнарком, и ЦК, и ВЦИК». Если бы не его смерть 16 марта 1919 года от испанки (гриппа), неизвестно, кто пришел бы к власти в России после смерти Ильича.

Августовское покушение на Ленина — революционная тайна. Впоследствии процессы над врагами революции длились годами. Здесь же для установления истины не потребовалось и пяти дней. 3 сентября 1918 года председатель ВЦИК Яков Свердлов отдал устный приказ о расстреле Каплан. Комендант Кремля Павел Мальков лично привел приговор в исполнение, а труп, облив бензином, сжег.

Немедленно Свердловым было официально объявлено о начале Красного террора. Совнарком — Советское правительство — 5 сентября подтвердил это решение специальным постановлением. Колесо террора покатилось, подминая под себя тысячи жизней, а потом настигло и тех, кто его запустил…

Начиная с убийств Володарского и Урицкого и покушения на Ленина, обычай арестовывать и зачастую казнить заложников стал всеобщим и был легализован. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, производившая массовые аресты подозрительных, имела склонность самолично определять их участь, под формальным контролем партии, но фактически без чьего-либо ведома.

Из своего заключения Мария Спиридонова в негодовании писала Ленину: «Как это было возможно для вас, как не пришло вам в голову, Владимир Ильич, с вашей большой интеллигентностью и вашей личной беспристрастностью не дать помилование Доре Каплан? Каким неоценимым могло быть милосердие в это время безумия и бешенства, когда не слышно ничего, кроме скрежета зубов». Маруся все еще смотрела на вождя большевиков через розовые очки. Кроме того, она позволяла себе резкие выражения полагая, что Ленин симпатизирует эсерам, к которым принадлежал его старший брат Александр, повешенный в 1884 году за покушение на императора

Александра III.

Но по многочисленным свидетельствам Ленин не разделял взгляды брата и даже не был к нему особенно привязан. А Мария уже не представляла опасности, вождь равнодушно пропустил ее протест мимо ушей.

И снова впечатления «стороннего наблюдателя», Зинаиды Гиппиус: «1 сентября 1918 года, суббота. (После Убийства Урицкого и покушения на Ленина). Большевики на это ответили тем, что арестовали 10 тысяч человек. Наполнили 38 тюрем и Шлиссельбург (в Петропавловке и в Кронштадте — верхом). Арестовывали под рядовку, не разбирая. С первого разу расстреляли 512, с официальным объявлением и со списком имен. Затем расстреляли еще 500 без объявления. Не претендуют расстреливать виноватых, нет, они так и говорят, что берут „заложников“. С тем, чтобы, убивая их косяками, устрашать количеством убиваемых. Объявили уже имена очередных пятисот, кого убьют вскоре. Дошло до того, что консулы нейтральных держав плюс германский консул, явились к большевикам с протестом „культурных стран“ против этих гиперболических убийств. Большевики, конечно, не повели и ухом. Только, благодаря уже совсем нечеловеческому приказу Петровского, террор перекинулся в провинцию, где сейчас и бушует. Нет ни одной, буквально семьи, где бы не было схваченных, увезенных, совсем пропавших. Красный Крест наш давно разогнан, к арестованным никто не допускается, но и пищи им не дается».

Это вовсе не антибольшевистские злобствования. В газете «Известия» от 6 февраля 1920 года член коллегии ВЧК М.И. Лацис указывал, что с весны 1918 по декабрь 1919 года были расстреляны 9641 человек, главным образом, за контрреволюционную деятельность. Сюда не входили сведения по Украине и отдельным губерниям.

Тех из левых эсеров, которые пошли на сотрудничество с большевиками — Андрея Колегаева, Марка Натансона, — все равно расстреляли, только позже, в 1937 году.

Столько сделавший для победы ленинцев Горький был потрясен и раздавлен волной «красного террора». Он не мог смириться, что все мечты о свободе обернутся массовым истребление народа, гибелью интеллигенции и методическим уничтожением большевиками своих политических оппонентов.

Хотя ранение Ленина казалось смертельным, выздоровел он очень быстро. 25 сентября 1918 года вождь уехал в Горки, и вернулся в Москву 14 октября, сразу возобновив политическую деятельность. Первое после покушения публичное выступление Ленина состоялось 22 октября. Скоро было проведено заседание

ревтрибунала по делу 6 июля. Из 14 человек, проходивших по процессу, присутствовали лишь М.А. Спиридонова и Ю. В. Саблин. Остальные, в том числе Камков, были «в бегах».

В 1918 году не было полноценных судов, не существовало кодифицированного законодательства. Частично применялось еще царское, однако, в основном, пользовались «революционным правосознанием». Суд приговорил 10 человек к заключению «в тюрьму с применением принудительных работ на три (3) года». 27 ноября Спиридоновой, принимая во внимание «особые заслуги перед революцией», срок тюремного заключения был сокращен до одного года. «На суде … я держалась столь дерзко и вызывающе, что зал (коммунисты) гудел от негодования, аж разорвал бы. Но я как думала, так и говорила. А тогда я была злая. Так же было и на царском суде, приговорившем меня к повешению, когда председатель суда, старый генерал, заткнул уши и замотал головой, не в силах был слушать слишком дерзкие речи. Но вся я такая и в жизни, и в политике, такой была и такой ухожу сейчас в могилу», — вспоминала значительно позже Мария Спиридонова.

Подруга Маруси, Александра Измаилович, участия в мятеже не принимала, но все равно была арестована. Довольно скоро ее освободили, и она уехала из Москвы в Минск. Илья Майоров после разгрома левоэсеровского мятежа в Москве, вернувшись в Казань, перешел на нелегальное положение. При этом он, рискуя свободой, участвовал в работе Четвертого съезда ПЛСР. По возвращении в Казань его арестовали и в начале ноября вывезли в Москву.

29 ноября Спиридонова была амнистирована Президиумом ВЦИК, и в начале декабря выпущена из тюрьмы. Сразу же неукротимая женщина включилась в политическую деятельность и на II Совете ПЛСР голосовала за резолюцию «Долой олигархию большевиков!» Теперь она уже считала возможным открыто и резко выступать не только против классовых врагов, но и бывших союзников в борьбе за власть.

Исключенная из состава Советов, партия левых эсеров раскололась. В сентябре 1918 года из нее вышли Партия народников-коммунистов и Партия революционных коммунистов. Они отмежевались от московских событий и высказались за сотрудничество с большевиками, но по-прежнему оставались сторонниками концепции аграрного социализма. На 4-м съезде ПЛСР (2–7 октября 1918, Москва) ответ за 6 июля держали Камков, Карелин и Прошьян, не пересмотревшие своих убеждений. Часть левых эсеров разделяла позиции ЦК партии, выступившего против Советов и большевиков, и перешла к активной контрреволюционной деятельности. Они готовили

стачки в Петрограде, поднимали волнения среди матросов Балтийского флота, участвовали в крестьянских мятежах. Александра Измаилович в издательстве ПЛСР «Революционный социализм» выпустила брошюру «Послеоктябрьские ошибки», в которой резко критиковала комбеды и красный террор.

Анархисты решительно разделились на сторонников и противников Советской власти еще в период заключения Брестского мира. Одни из них, признав необходимость мер, принимаемых большевиками для спасения революции, пошли по пути сотрудничества. Другие — готовились к борьбе, создавая отряды «черной гвардии». В прифронтовых городах Курске, Воронеже, Екатеринославле анархисты выступили с оружием в руках. В Москве участились налеты на богатые особняки. Весной 1918 года большевики провели крупные операции в Москве, Петрограде, Воронеже, Вологде, Самаре, Саратове, Смоленске, Тамбове и других городах по разоружению анархистов. Тем самым Советское правительство показало, что может говорить силой с представителями как правого, так и левого крыла анархистского фронта.

Осенью 1918 года логика классовой борьбы поставила анархистов перед дилеммой: принять большевистские реформы государственного строительства или встать на путь вооруженного сопротивления. Разгромив основные силы московского подполья, ВЦИК в 1919–1920 годах ликвидировал оставшиеся в других городах группы анархистов. Однако среди анархистов были руководители, которые с пониманием относились к Советской власти (А.А. Карасин, Я.А. Фурманов и др.). Эта группа «советских анархистов» стала активно помогать большевикам укрепляться.

Около двух месяцев Спиридонова снова была в гуще событий: выступала перед рабочими, редактировала партийный журнал «Знамя». Теперь левые эсеры стали относиться к большевикам так же, как сами большевики относились в 1917-м к Временному правительству и к демократическим социалистам. Они объявили себя совестью революции, неподкупной альтернативой режиму оппортунистов и сторонников компромисса. По мере уменьшения влияния большевиков в среде промышленных рабочих, левые эсеры становились для них все более опасными соперниками, ибо взывали к тем самым анархическим и разрушительным инстинктам российских масс, на которые большевики опирались, пока шли к власти, но, получив власть, стремились всячески подавить… По сути, «левые эсеры апеллировали к тем группам, которые помогли большевикам захватить власть в октябре и теперь почувствовали, что их предали».

Марусе суждено было пережить еще одну потерю. Прош

Прошьян осужденный и отправленный в ссылку, по дороге заболел тифом и умер.

Сознавала ли она, что время дискуссий миновало? Или рассчитывала на свой авторитет? Нет, Маруся понимала всю опасность своего положения. Близким она не раз говорила: «У меня есть предчувствие, что большевики готовят какую-то особенную гадость. Объявят, как Чаадаева, сумасшедшим, посадят в психиатрическую клинику — вообще что-нибудь в этом роде».

Действительно, ВЧК действовала все более резко. Вскоре после возвращения Дзержинского Свердлов попал в негласную опалу. Его отсылали из Москвы то в одну, то в другую командировку, пока испанка или загадочное столкновение с рабочими в Орле не свело его в могилу. Петерс тоже лишился места заместителя председателя ВЧК и получил назначение подальше от столицы. Не обременял себя какими-либо нормами права, Дзержинский требовал привилегии самостоятельно уничтожать врагов: «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», — настаивал Феликс Эдмундович. Нарком юстиции Штейнберг одиннадцать раз ставил на обсуждение вопрос о деятельности ВЧК. Суть конфликта большевиков и левых эсеров заключалась в стремлении последних ограничить репрессивную активность ВЧК, что наталкивалось на сопротивление В.И. Ленина. Вождь мирового пролетариата хотел иметь «собственного Фукье-Тенвиля», такого же безжалостного, как генеральный прокурор времен французской революции, который отправил на эшафот французскую королеву, издевался над ней во время ее судебного процесса, ежедневно посылал на казнь самых знаменитых и высокопоставленных людей Франции. На одном из заседаний СНК во время спора с Лениным о компетенции ВЧК И. Штейнберг вне себя воскликнул: «Зачем тогда нам вообще комиссариат юстиции? Давайте назовем его честно „комиссариат социального истребления“, и дело с концом!»

Не только не вполне надежные левые эсеры возмущались самовластием ЧК. Нарком юстиции Николай Крыленко много позже отмечал: «ВЧК страшен беспощадностью своей репрессии и полной непроницаемостью для чьего бы то ни было взгляда». В 1925 году Крыленко обратился в политбюро: чекисты превышают данные им полномочия, не передают дела арестованных в суд, а выносят приговоры внесудебным путем — через особое совещание. Он предложил передать органы госбезопасности в наркомат юстиции, чтобы чекисты были под контролем юристов.

21 февраля 1918 года Совнарком утвердил декрет «Социалистическое Отечество в опасности!» Он грозил

расстрелом как внесудебной мерой наказания «неприятельским агентам, германским шпионам, контрреволюционным агитаторам, спекулянтам, громилам, хулиганам». «Железный Феликс» следовал принципу: политическая целесообразность важнее норм права.

На свободе Маруся пробыла недолго. 18 февраля 1919 года ее вновь арестовали. В этот раз никакого снисхождения не было. Из письма А. Коллонтай, хлопотавшей за Спиридонову Дзержинскому, Свердлову и Каменеву, известно, что ее держали в ужасных условиях — в караульном помещении Кремлевской казармы, в холоде, в махорочном дыму, шуме и гаме; уборная была общая с солдатами. Каменев признавал, что условия возмутительные, но помочь не брался.

Находясь в заключении, Спиридонова не раз пыталась связаться с «волей», с товарищами по партии. Она писала письма и через освобождаемых из-под ареста левых эсеров или своих, как ей казалось, распропагандированных охранников, направляла их по известным ей конспиративным адресам. Письма эти, как правило, попадали в ВЧК, где после тщательного анализа часть из них отправлялась по указанным Спиридоновой адресам, а другие использовались против нее при ведении следствия. В письмах этих, находящихся при следственных делах, излагаются ее взгляды на политику советской власти и партии большевиков, а также рассматривались вопросы о положении рабочего класса, крестьянства, о нарушениях прав человека в Советской России и обсуждались другие острые моменты того времени. В «Открытом письме ЦК партии большевиков» она обвинила своих противников в уничтожении власти Советов, власти трудящихся, осудила «красный террор»: «Вы скоро окажетесь в руках вашей чрезвычайки, вы, пожалуй, уже в ее руках. Туда вам и дорога», назвала политику Ленина, Свердлова, Троцкого «подлинной контрреволюцией».

В начале 1919 года из тюрьмы в Киеве, где она содержалась после покушения на генерала Эйхорна, была освобождена Ирина Каховская. Узнав по прибытии в Москву подробности преследований левых эсеров, она написала открытое письмо председателю Верховного Революционного трибунала Карлу Данишевскому: «Мне лично пришлось клятвенно убеждать германских солдат, указывавших мне на ужасы большевистского режима, в неправде всего того, что печатали о вас в их немецких газетах и что, как я теперь лично убедилась, является бледным отголоском того ужаса, который вы творите в действительности. Приехав в Москву, я застала почти всю Московскую организацию в тюрьме: остатки ее с трудом собирали силы. Все доходившие до

нас из буржуазных и монархических газет вести о разгроме крестьянских восстаний, о вашей чудовищной аграрной политике, о Петроградских событиях (расстрел матросов, вышедших на мирную демонстрацию под левоэсеровскими лозунгами), о вашем политическом и моральном разврате и палачестве — я и мои товарищи по работе отметали с презрением как злобную клевету врагов против наиболее могущественной в России, истинно социалистической партии <…>. Ненавистью к вам залита сейчас уже вся Украина: там темнота народа отождествила вас с евреями, и за ваши чудовищные дела, за неистовства ваших чрезвычаек расплачивается ни в чем не повинное еврейское население <…>. Получив возможность отправить письмо М.А. Спиридоновой, я написала ей о своих сомнениях как ответственному представителю партии и моему личному другу. Письмо попало в ваши руки <…>. Я убедилась в том, <…> что спасти революцию может лишь уничтожение вашей диктатуры и передача власти в руки Советов, свободно избранных трудящимися <…> …После самого критического и тщательного анализа работы Партии Левых с.-р. я убедилась, что все, что вы пишите и говорите о ней, сплошная клевета <…>. Я лично считаю за честь бороться в ее рядах и нести ответственность за все ее выступления. Письмо это будет опубликовано в нашей печати».

Это заявление Каховской еще раз доказало, что партия левых эсеров опасна; большевикам следовало принимать чрезвычайные меры.

Первый арест Ирины чекистами в середине мая 1919 года, однако, оказался недолгим, продлившись около двух месяцев: ее освободили вследствие вмешательства Ленина, после того как руководство большевиков узнало об ее намерении организовать покушение на Деникина. В тюрьме она не теряла время зря: именно тут Каховской были написаны достаточно известные мемуары об убийстве Эйхгорна и о подготовке покушения на командующего Добровольческой армией.

В феврале-марте 1919 года выпущенная было на свободу Мария Спиридонова по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована вместе с почти всей левоэсеровской верхушкой и почти двумястами партийными активистами. Чекистами было ликвидировано до 45 местных партийных организаций левых эсеров (в Пскове, Туле, Казани, Брянске, Орле, Гомеле, Астрахани и др.).

24 февраля состоялся суд Московского ревтрибунала, обвинивший Спиридонову в «контрреволюционной агитации и клевете на Советскую власть». Характерно, что на суде «не было

сказано со стороны обвинителей ни слова о каком-либо заговоре, но делался упор на то, что на московских рабочих митингах Спиридонова говорила по 3 часа, а им, представителям правительственной партии, давали говорить только по 10–15 минут».

Выступавшие отмечали, что «по общему отзыву свидетелей Мария Спиридонова в своих выступлениях на митингах позволяла себе нападать на Советскую власть, называя ее контрреволюционной, а представителей ее — Зиновьего и Троцкого — палачами…». Наиболее авторитетным свидетелем стал Николай Бухарин, утверждавший, что «все речи Спиридоновой поражали своей логической несообразностью, были сплошным истерическим криком и свидетельствовали о ее полной неуравновешенности». В письмах, переданных на волю, Маруся ругала Н. И. Бухарина, считая его «доносчиком», искажавшим ее высказывания на митингах: «Я действительно была „эмоциональна“», я кричала «сплошным криком». Ведь это хулиганство, грабеж народа и его святых революционных прав … Немудрено быть «эмоциональным», говоря о тысячах расстрелянных крестьян.

Трибунал принял во внимание «диагноз» Бухарина и других свидетелей и постановил «изолировать Спиридонову от политической и общественной деятельности на 8 месяцев посредством заключения ее в санаторий, с представлением ей возможности здорового, физического и умственного труда».

Таким образом, по причине полного отсутствия какого-либо серьезного обвинительного материала суд приговорил Спиридонову к «изоляции».

Обвинения в истеричности и «полной неуравновешенности» указывали направление мыслей большевистской верхушки — Спиридонову было решено признать помешанной. Мысль упрятать неудобную революционерку в психушку пришла в голову злопамятному Дзержинскому. Он приказал начальнику секретного отдела ВЧК: «…снестись с Обухом и Семашко (то есть с московским комитетом здравоохранения и Наркомздравом) для помещения Спиридоновой в психиатрический дом с тем условием, чтобы оттуда ее не украли или не сбежала. Охрану и наблюдение надо бы сорганизовать достаточную, но в замаскированном виде. Когда наметите конкретный план, доложите мне».

А Марусе действительно 2 апреля удалось бежать из-под стражи. Перейдя на нелегальное положение, Спиридонова вернулась к партийной работе и возглавила меньшинство ЦК, выступавшее за активное противодействие политике РКП(б).

В начале 1919 года партия левых эсеров окончательно ушла в подполье. Резко уменьшилось количество ее местных организаций и численность партии в целом. В мае 1920 года Дзержинский с удовлетворением констатировал, что эта партия «положительно разгромлена ЧК» и «для нас неопасна». Правда, на этот раз шеф тайной политической полиции поспешил с выводами — ПЛСР было суждено погибнуть не ранее конца 1922 года, хотя, обескровленная арестами и раздираемая внутренними противоречиями, партия образца 1920 года являлась лишь бледной тенью того мощного 150-тысячного отряда решительных бойцов, каким она была в 1918 году.

В начале 1919 года в Минске вновь арестовали, но вскоре выпустили Александру Измаилович. В конце этого же года — новый арест. Из внутренней тюрьмы ВЧК бывшую каторжанку отвезли в хорошо знакомую ей со времен самодержавия Бутырку. И еще одно дежавю — во время акции протеста помощник коменданта тюрьмы Попкович стрелял в Александру из револьвера. И как некогда царский полицмейстер Норов — промахнулся.

В октябре 1920 года Советское правительство легализовало левоэсеровское большинство. Меньшинство же продолжало антисоветскую деятельность. Сращивание двух первых советских партий, стоявших у истоков созданного ими Советского государства — большевиков и левых эсеров, так и не состоялось.

На свободе Спиридонова провела чуть больше полугода. В октябре 1920-го она была задержана чекистами, что вовсе не свидетельствовало об их профессионализме. В это время она была тяжело больна. На болезнь легких и цингу наложились дизентерия и брюшной тиф. В руки чекистов женщина попала совершенно беспомощной и даже вряд ли осознающей происходящее. Задержан был и дежуривший в это время у постели больной Б. Камков. Некоторое время Маруся провела в лазарете ВЧК, а затем по причине «крайней неуравновешенности» ее согласно заключению врачей, перевели в Пречистенскую психиатрическую больницу. Сделали это, вероломно подсыпав Спиридоновой снотворное. Предвидя резонанс, который вызовет подобная внесудебная акция у все еще существующей несоветской общественности, чекисты решили соблюсти внешние приличия. Они привлекли к обследованию известного всей Москве психиатра профессора П.Б. Ганнушкина. Его диагноз гласил: «Истерический психоз, состояние тяжелое, угрожающее жизни».

Спиридонова стала первой инакомыслящей, подвергшейся воздействию советской карательной психиатрии. В отчаянье Маруся ответила единственным оставшимся у нее способом —

объявила голодовку, длившуюся 14 дней. Рассматривался вопрос о насильственном кормлении. В кошмарах, в бреду она кричала: «жандармы, казаки!» Сотрудники ЧК сливались в ее сознании с ее мучителями царского времени. Для ухода за подругой под честное слово освободили Александру Измаилович. Саня заботилась о больной, защищала Марусю от принудительного кормления и заявляла, что в случае применения насилия обе они покончат с собой.

Международный женский конгресс, который проводился в то время в Москве, обратился к Троцкому с просьбой разрешить больной Спиридоновой выезд за границу, однако большевики отказали, мотивируя это тем, что эсерка опасна для Советской власти.

В феврале 1919-го был арестован, затем переведен под домашний арест недавний нарком юстиции в Совете народных комиссаров РСФСР Исаак Захарович Штейнберг. Время от выхода из правительства и до отъезда за границу он не терял зря: полемизировал с большевиками от имени немарксистских социалистов и народников, излагал свое понимание социалистической революции (как «великой человеческой страсти, поднимающей рядового человека до уровня исторического героя»). Часть левых эсеров в 1920 году решила отказаться от борьбы с советской властью и призвала своих единомышленников вместе с большевиками сражаться против белого генерала Петра Врангеля и польской армии маршала Юзефа Пилсудского. Лидером этой группы стал Штейнберг, получивший право создать Центральное организационное бюро партии левых эсеров. 16 сентября 1921 года он добился перевода Спиридоновой и Измаилович на подмосковную дачу под свое и И.Ю. Баккала, секретаря Центрального бюро партии эсеров, поручительство — под негласный надзор органов.

К этому времени крестьян на Тамбовщине, как и по всей России, лишили всяких политических и экономических прав, запретили торговать хлебом и стали забирать его силой. Широкий размах деятельности продотрядов вызывал у местного крестьянского населения взрыв недовольства. Население ответило коммунистам активным вооруженным сопротивлением. В 1918 году в восстаниях и партизанском движении против большевиков, продотрядов и комбедов приняло участие до 40 тыс. человек. Положение властей осложнялось частыми переходами красноармейцев (зачастую с оружием в руках) на сторону партизан.

В 1920 году Тамбовщину поразила засуха, и хлеба было собрано всего 12 млн пудов. Между тем продразверстка не была

уменьшена, составив 11,5 млн пудов. Крестьяне взбунтовались. Восстание достигло максимального размаха к февралю 1921 года, когда численность повстанцев достигла 50 тыс. человек.

11 июня 1921 года Полномочной комиссией ВЦИК был издан приказ № 171 «О начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей». Шесть пунктов приказа предусматривали расстрел, седьмой — предписывал исполнять предыдущие пункты «сурово и беспощадно». Против бунтовщиков, скрывшихся в лесах, командующий Михаил Тухачевский приказал применить отравляющие вещества (хлор марки Е56): «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось».

Боевые действия на Тамбовщине продолжались до лета 1922 года и постепенно сошли на нет. 16 июля 1922 года М.Н. Тухачевский доложил ЦК РКП(б): «Мятеж ликвидирован, Советская власть восстановлена повсеместно».

После подавления восстания тамбовских крестьян члены эсеровского ЦК и Центрального организационного бюро узнали о расстреле ревтрибуналом арестованных членов тамбовского комитета эсеровской партии. Эсеры заявили, что в ответ на физическое уничтожение членов партии социал-революционеров они оставляют за собой право развернуть террористическую деятельность. Видные чекисты требовали ответить эсерам немедленным уничтожением всей верхушки их партии и взятием заложников. То есть большевики были готовы к тому, чтобы воскресить и скоро, по большому счету, окончательно воскресили институт заложничества.

Практика репрессий стала значительно более жесткой и изощренной. К 1921–1922 годам их осуществлением против социалистов и анархистов занималось 6 из 10 центральных подразделений ОГПУ, в основном, унаследовавших структуру ВЧК.

Однако методы будущих политических процессов 30-х годов, где подсудимых подвергали длительному физическому и психологическому воздействию, делая их послушными марионетками, были невозможны, с одной стороны, потому, что в условиях гласного (точнее, полугласного) процесса, сам факт подобного насилия стал бы известен всему миру. С другой стороны, сама задача сделать «групповую марионетку», пригодную для использования на суде, из этих конкретных подсудимых эсеров, в силу их морально-психологических качеств и готовности к смерти, была попросту нереализуемой в 1922

году.

Кроме московского процесса ЦК ПСР, состоявшегося в июле-августе 1922 года, в декабре в Баку прошел суд Верховного трибунала по делу местных эсеров, обвиненных в поджоге нефтяных промыслов. Из переписки о ходе следствия совершенно очевидно, что все это дело с начала и до конца сфальсифицировано: следователи АзГПУ во главе с Л.П. Берия выбивали показания из обвиняемых в течение полугода. Несмотря на это, Политбюро ЦК РКП, извещенное С.М. Кировым за два дня до окончания процесса, «не возражало» против вынесения пяти смертных приговоров.

До судилища над эсерами 1922 года были процессы над Киевским, Ростовским, Донским комитетами меньшевиков. Их сажали в концлагерь с формулировкой «за контрреволюционную деятельность.»

В это время Ленин считал политически разумным не убивать Спиридонову. Во-первых, по причине шаткости советской власти на фоне кронштадтского мятежа и крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Во-вторых, потому что больная туберкулезом, еще не пришедшая в себя после тифа 37-летняя Мария Спиридонова могла умереть вполне самостоятельно. В-третьих, она оставалась необыкновенно популярной, и эту популярность можно было при случае использовать. С другой стороны, уничтожить незаметно знаменитую революционерку, героиню, боровшуюся с царизмом, было трудно. Ее естественная смерть была бы гораздо предпочтительнее. Словом, что убить ее, что оставить на свободе — оказывалось одинаково проблемно для власти.

Ленин писал соратникам: «Меньшевиков и эсеров мы будем бережно держать в тюрьме».

Еле живую Марусю отпустили под обязательство, что она никогда более не будет заниматься политической деятельностью. Вместе с Измаилович она отправилась в подмосковную деревню. Обстановка, в которой им пришлось в течение двух лет жить в частном доме в Малаховке под контролем ВЧК, была более чем спартанской. Измаилович даже обратилась летом 1922 года в Красный Крест с просьбой перевести Спиридонову в Таганскую тюрьму на казенное содержание. Однопартийны организовали широкую международную кампанию в защиту своего лидера. Ленин получил письмо от Клары Цеткин с просьбой отпустить больную женщину для лечения за границу. Она писала: «М. Спиридонова вследствие тифа полностью сломлена физически и духовно и поэтому политически недееспособна и неопасна. Мое сердце тоже говорит в защиту ее как несгибаемого борца против

царизма… Разные иностранные делегаты просили меня замолвить слово за Марию Спиридонову. Я надеюсь, что ваше решение по Спиридоновой будет таким же милосердным, как и политически разумным. Остаюсь верной убеждениям, крепко жму руку Вам и товарищу Крупской. Клара Цеткин». Однако ей снова ответили, что Спиридонова «представляет опасность для Советской власти».

Действительно, по данным ГПУ, обе непримиримые революционерки продолжали руководить нелегальной частью партии эсеров. Но их ряды редели. В 1923 году Борис Камков был сослан в Челябинск, затем в Тверь, Воронеж: отсидел 2 года в тюрьме по делу мифической «Трудовой крестьянской партии». За ним, как декабристка, последовала его жена и впоследствии разделила его участь. Из всех лидеров левых эсеров во время репрессий 1920-1930-х годов спастись удалось лишь наркому юстиции в первом послеоктябрьском правительстве Исааку Штейнбергу, уехавшему за границу. Остальные многократно арестовывались, долгие годы находились в ссылке, а во время «Большого террора» были расстреляны.

Внесудебные полномочия, позволяющие чекистам применять тюремное заключение, были даны им в 1922 году, когда ВЧК уже была переименована в ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР). И в декабре 1924 года подруг-революционерок снова встретила Бутырка.

Эсеровское подполье просуществовало до 1927 года, хотя Центральное организационное бюро, работавшее в подполье, было арестовано в 1925 году.

В это время в Европе была предпринята масштабная кампания, инициированная левыми эсерами, за освобождение знаменитых революционерок. В Париже был создан специальный Комитет Спиридоновой-Каховской, В следственном деле Каховской подшиты письма от немецких рабочих, направленные в советское полпредство в Берлине. Судя по всему, эта кампания была начата Всеобщим рабочим союзом в августе 1925 года. Заявления с требованием освобождения Спиридоновой и Каховской посылались местными организациями этого союза в Саксонии и заводскими организациями из Дрездена и Бреслау. В издательстве немецких анархо-синдикалистов «Югенд Дойчландс» была выпущена серия почтовых открыток под названием «Жертвы большевизма» с фотографиями Спиридоновой, Каховской и Измайлович на трех языках — немецком, английском и французском, которые распространялись на митингах. Однако все оказалось впустую, за исключением пересылки в СССР через жену Максима Горького, Екатерину

Пешкову, вырученных средств для оказания бедствующим женщинам материальной помощи.

На митинге 1924 года в Берлине известная анархистка Эмма Гольдман («Красная Эмма») назвала Спиридонову «одной из самых мужественных и благородных женщин, которых знало революционное движение». В Германии были выпущены открытки с ее фотографией. А в Париже даже появился комитет, поставивший себе целью добиться переезда Спиридоновой во Францию.

Жизнь в ссылках

Имеются очень скудные сведения, скорее, — упоминания, о том, что вдохновленная международным сочувствием Спиридонова попыталась бежать за границу. В этом факте ее биографии много неясного. Известно, что в ВЧК поступил донос о подготовке побега, и 11 января 1922 года у нее в Малаховке был произведен обыск. В качестве предупредительной меры арестовали ее поручителя И.З. Штейнберга. Якобы именно за эту попытку она была приговорена к трем годам ссылки, которую вместе с Измайлович и Майоровым отбывала до февраля 1925 года в калужском совхозе-колонии.

Уже в первые годы советской власти большевики начали эксперименты по созданию принципиально новых, неизвестных буржуазному государству, типов пенитенциарных заведений. В системе мест заключения были созданы переходные исправительные дома, трудовые сельскохозяйственные колонии и реформатории, как учреждения воспитательно-карательные. Туда могли быть направлены лица, приговоренные на срок не свыше одного года и не принадлежащие к категории профессиональных преступников и злостных рецидивистов. Все заключенные в трудовых колониях должны были трудиться, но в течение дня пользовались относительной свободой передвижения, их могли посылать без надзора по различным поручениям за пределы колонии, свидания предоставлялись непосредственно.

Об этом периоде жизни Марии Спиридоновой известно очень мало, но какой-то случай произвола вынудил ссыльных с 9 по 21 января 1925 года объявить голодовку. После этого женщинам определили местом ссылки Самарканд, а Майоров был сослан в Пржевальск.

В Самарканде к Марусе и Сане присоединилась также сосланная Ирина Каховская.

Самарканд в то время разделялся на местную и европейскую (русскую) части. Европейская часть — «Новый Самарканд» — был отделен от старой, азиатской, самым большим и красивым из всех 25 улиц города бульваром имени Абамова. «Бульвар протяженностью в 490 сажен и шириной в 60 сажен», имел 3 аллеи, обсаженные кленами, тополями, карагачами, акациями и айлантами, и пересекался двумя проездами. По обеим сторонам улиц в два ряда росли разные породы деревьев, а между ними бежали арыки. Из них весной и летом по два раза в день поливальщики специальными лопатами с загнутыми краями поливали улицы, чтобы прибить среднеазиатскую пыль и

смягчить южный зной. За чистотой улиц тщательно следили: два раза в год чистили арыки и придорожные канавы, два раза в неделю все улицы обязательно подметали. Не соблюдающих чистоту домовладельцев штрафовали. Питьевую воду доставляли в бочках из Филатовских ключей, так как колодцев было мало. Улицы Самарканда в ночное время освещали 350 керосиновых фонарей. Первая электрическая лампочка в Самарканде зажглась еще в 1893 году, когда на реке Сиаб было построено водяное железное колесо, которое приводило в действие динамо-машину. В начале 1890-х годов в русской части города начали прокладывать тротуары из кирпичного щебня с песком, но работа шла медленно и была завершена только к 1899 году. В городе были построены здания европейского вида для банков, аптек и других организаций. В 1920–1930 годы новый город был существенно расширен с северной и западной стороны, и в расширенных местах возникли новые районы уже только с советской архитектурой.

Маруся работала в одном из сельскохозяйственных учреждений, трудясь по 13–14 часов в сутки за скромный оклад, прибавлявшийся к пособию от ОГПУ (6 руб. 25 коп.), выдаваемому политическим ссыльным. В ней проснулась страсть к писательскому труду и обнаружились незаурядные способности. В относительно демократичные 20-е годы она написала книгу о Нерчинской каторге, которая была напечатана в журнале «Каторга и ссылка» и вышла отдельным изданием. Александра Измайлович тоже опубликовала свои воспоминания в этом историко-революционном вестнике, издаваемом в Москве с 1921 по 1935 годы.

К этому времени сильно изменился состав правящей верхушки страны. 21 января 1924 года умер, не назначив преемника, Ленин. Началась борьба за власть над Россией между Троцким и Сталиным. Перед смертью вождя Сталин ограничил доступ к нему сторонников, окружил его вниманием, постоянно навещая больного в Горках. Троцкий не был в Горках ни разу, но считал свое лидерство в партии делом решенным, не допуская и мысли, что Сталин — эта «выдающаяся посредственность» — может его обойти. Но тот ловко разыграл партию. Вначале переманил на свою сторону большинство членов Политбюро, напуганных диктаторскими замашками Троцкого. Затем, когда Ильич умер, Сталин сделал все, чтобы его соперник не попал на похороны, а сам предстал в глазах народа главным наследником вождя. Л.Д. Троцкий, Г.Е, Зиновьев и Л.Б. Каменев сблокировались для борьбы против И. Джугашвили, но это было сделано с большим опозданием, так как позиции Сталина и его

сторонников Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского стали весьма сильны. Так называемая «объединенная оппозиция» в конце 1927 года потерпела поражение. Почуяв неладное, Троцкий попросил отправить его в Германию «простым солдатом революции». Сталинское политбюро отказало, а в январе 1925 года сместило его с поста наркома, сделав председателем маловажного Электротехнического комитета. В 1928 году Сталин сослал Троцкого в Алма-Ату и через год депортировал из СССР. В 1940 году Троцкий был убит в Мексике агентом советских спецслужб. Все видные представители антисталинского блока были исключены из партии, а впоследствии уничтожены.

«К тому времени, — вспоминала И.К. Каховская, никто из нас четверых не считал возможным борьбу пробив линии большевиков; ни с какой оппозицией мы не солидаризовались идеологически, а тем более практически и с величайшим удивлением и волнением читали показания зиновьевцев, не веря своим глазам».

Неизвестно, имела ли Маруся какое-либо мнение о событиях, происходящих в Москве, но политической деятельностью она больше не занималась. Фактически она «разоружилась». «С 1922 г. я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923-24 гг. это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся», — объясняла она впоследствии. В письмах к друзьям она описывала местную природу и условия жизни, в свободные часы читала в оригинале французских классиков.

Подругам было не скучно вместе, они вспоминали яркие события своего прошлого. Особенно любили слушать рассказ Ирины Каховской о киевском покушении на генерала Германа фон Эйхгорна, командующего группой армий «Киев», которая оккупировала южные районы Белоруссии, России и Украину. Он должен был обеспечить поставку зерна и продовольствия для изможденной в годы Первой мировой войны кайзеровской Германии. Эйхгорн, по воспоминаниям П. Скоропадского, — «был уважаемый дед в полном понимании этого слова, умный, очень образованный, с широким кругозором, доброжелательный, недаром же он внук философа Шеллинга. Ему не были присущи спесивость и заносчивость, которые иногда встречались среди немецкого офицерства».

Ирина вместе с возлюбленным, 24-х летним матросом Борисом Донским организовала теракт против Эйхгорна. 30 июля 1918 года в центре Киева раздался оглушительный взрыв, Эйхгорн был убит. Об этом эпизоде написал в «Белой гвардии»

Михаил Булгаков: «Среди бела дня, на Николаевской улице… убили не кого иного, как главнокомандующего германской армией на Украине, фельдмаршала Эйхгорна, неприкосновенного и гордого генерала, страшного в своем могуществе, заместителя самого императора Вильгельма!». Спастись бегством террорист не смог и не захотел. Донского схватили и после страшных пыток 10 августа повесили.

Ирина попала в засаду возле дачи, где террористы устроили свою базу. Решением военно-полевого суда почти через месяц после казни Донского — в середине сентября 1918 года — ее приговорили к смерти через повешенье. Но по германским законам казнь женщины могла свершиться только после утверждения приговора кайзером. По разным причинам его согласие задерживалось. Голоса в защиту террористки стали раздаваться с разных сторон: в Москве Спиридонова опубликовала статью «Спасайте Ирину Каховскую!», на Украине ее освобождения требовали повстанцы во главе с Нестором Махно. В дело освобождения Каховской вмешался ЦК левых эсеров, непосредственно обратившийся к немецкой организации «Союз Спартака». Ответ был такой: террористка оставит тюрьму, когда из Киева уйдет последний немецкий солдат. Но и после этого Каховская находилась в заключении. Лишь благодаря настоятельному ходатайству высокопоставленного чиновника Центральной Рады она вышла на свободу в январе 1919 года.

Увидев, как попирают большевики идеалы революции и бросив им свое «Открытое письмо», в начале августа Ирина выехала обратно в Киев во главе группы боевиков вместе со своим помощником, талантливым астрономом, во время Первой мировой войны превратившимся из студентов Московского университета в прапорщика на австро-венгерском фронте, Михаилом Жуковым. После нескольких переездов из одного города в другой, боевики выследили маршрут передвижения главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина по Ростову-на-Дону и предполагали атаковать его автомобиль. Каховская вспоминала о том, как они наметили план действий: «Если первым снарядом будет лишь испорчена машина — вторым удастся поразить пассажиров». Осуществить эту операцию не удалось, поскольку боевиков внезапно свалил тиф. Каким-то чудом, после мытарств по съемным квартирам без медицинской помощи, им удалось выжить и дождаться занятия Ростова в январе 1920 года Красной армией. Каховская с Жуковым сразу приступили к восстановлению местной левоэсеровской организации, проведя несколько митингов и выпустив программную листовку. Работу эту пришлось свернуть,

когда большевики запретили деятельность эсеров. После этого они выехали в Харьков, а оттуда в Москву. По дороге Каховская заболела возвратным тифом и из-за тяжелых осложнений полгода провела в больнице на станции Ховрино, где за ней, как верный рыцарь, ухаживал живший по нелегальным документам Михаил Жуков.

И вот теперь, несмотря на героическое прошлое, советская власть отправила героиню на край земли почти что умирать с голоду. В ссылку к Ирине снова приехала мать — Августа Федоровна. Здесь она и скончалась в начале осени 1926 года.

Житейские трудности не оставляли времени на печаль и сожаления. Разнообразя унылую советскую жизнь мирными занятиями, подруги старались не замечать постоянной слежки. Между тем, Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ОГПУ.

По окончании ссылки, срок которой заканчивался в 1926 году, власти предложили ей поменять место жительства, однако Спиридонова отказалась и оставалась в Самарканде еще два года. Положение осложнилось после того, как ее уволили с работы — фактически, пришлось голодать, питаясь только фруктами.

Вскоре Марию вместе с Каховской и Измайлович перевели в Ташкент. Каховская зарабатывала на жизнь техническими переводами с английского, давала частные уроки. Но они приносили небольшой доход, так как учительница совестилась брать деньги с учеников.

ОГПУ ни на минуту не оставляло ссыльных без внимания. В своем знаменитом письме в секретный отдел НКВД от ноября 1937 года Мария Спиридонова писала об этом надзоре: «В Самарканде и Ташкенте, особенно в Самарканде, он велся на улице настолько демонстративно, что я стала в городе популярным человеком. За мной ходило четверо молодцов в галифе, сидели на пороге банка и окружали дом чуть не полвзводом. В доме был специальный надзор, на службе тоже. В ссылке у нас было 2 осведомителя, как мы разгадали позднее. Они ко мне ходили и знали про нас все. У меня была еще специальная осведомительница, которая мне позднее с воплями и рыданиями покаялась в этом, но я знала, кто она, гораздо раньше ее покаяния и сознательно не изгоняла ее. Все годы моей ссылки надзор за мной, а значит и за Майоровым, Измайлович и Каховской, т. к. мы жили все 12 лет ссылки вместе, иногда только делясь на разные квартиры, был весьма тщательный. Похожий на него был еще только за Гоцем, как мы слышали».

Ссылка не сгладила противоречий между сторонниками разных убеждений. Для материнской, основной партии

социалистов-революционеров левые эсеры являлись ренегатами. В ссылке, как ранее в тюрьме, руководство ортодоксальных эсеров с Марией Спиридоновой, с Майоровым и прочими видными левыми эсерами не здоровалось, отношения не поддерживали, игнорировали их. Но и сама Мария отзывалась о правых не слишком лестно: «Я ни за что бы не сменила большевиков на них, правых эсеров, т. к. они сюртучники и фрачники, болтуны и трепачи языком, ухитрились из своих рук упустить страну и народ, когда он шел к ним с закрытыми глазами, с потрясающим доверием и с огромной зарядкой творческого энтузиазма, по выходе из каторги в 1917 году, я сразу стала раскалывать партию ср., отношения сразу же стали резко враждебными и меня улюлюкали и тюкали здорово. И я их всех ненавидела и не только не разговаривала, но даже и не кланялась с ними, почему никого и не знала из них».

Впрочем, действия большевиков ссыльные тоже не одобряли. «Мы предлагали обложить налогом богатых крестьян — их уничтожают! Мы предлагали внести ограничения и изменения в нэп — его отменяют! Мы предлагали индустриализацию — ее осуществляют бешеными, „сверхиндустриализаторскими“ темпами, о которых мы не осмеливались и мечтать, и это приносит стране неисчислимые бедствия».

Осенью 1929 года болезнь легких у Спиридоновой опять обострилась, врачи настоятельно советовали ей поменять климат. Немногочисленные сохранившие положение левые эсеры, следившие за судьбой Маруси, потребовали перевода ее в Москву. Такое разрешение было получено, и в начале 1930 года Спиридонова и ее верная подруга Измаилович появились в столице. Московские доктора рекомендовали Марусе не мешкая ехать в Крым. В Ялтинском туберкулезном институте она пробыла вместе с Саней до конца года. Бывшие каторжанки жили там как частные лица и выплачивали за содержание довольно крупную сумму. Когда денег осталось совсем мало, Измаилович решила вернуться в Ташкент, Спиридонова же осталась в Ялте, где сильно нуждалась и экономила каждую копейку…

Новая волна гонений на бывших социалистов в начале 30-х годов обрушилась в основном на меньшевиков, но досталось и эсерам. Прекратили существование все научные, культурные и общественные организации, имевшие к тогдашним социалистам хотя бы косвенное отношение: Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина (1934), Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев с его 50 филиалами и издательством (1935), Политический Красный Крест (1937) и др. Еще раньше — в 1920-е годы — было

покончено с частными и кооперативными, издательствами, выпускавшими литературу по истории социалистического и анархического движения («Задруга», «Колос», «Голос труда» и др.).

В эти же годы большевистская охранка стала повсеместно «обнаруживать» и ликвидировать якобы «глубоко законспирированные» центры эсеровского и меньшевистского «подполья».

«Травоядные» меньшевики оказались в одних застенках и в тех же ссылках, что и эсеры, которые боролись с оружием в руках. Но даже меньшевистский теоретик и один из лидеров партии Юлий Мартов писал о подлом отношении победивших к своим побежденным соперникам: «только большевики способны посадить на скамью подсудимых партию, которую они дважды свергли, сначала как членов Временного правительства, а затем как партию, которая победила в Учредительном собрании».

Доносы, между тем, накапливались. Спиридонову отозвали в Москву, арестовали по обвинению в сношениях с заграничными левоэсеровскими группировками и посадили в тюрьму. 3 января 1931 года Особое совещание коллегии ОГПУ приговорило ее по ст. 58 п. 11 УК РСФСР к трем годам ссылки. Этот срок, продленный потом еще на пять лет, Спиридоновой пришлось отбывать в Уфе. Здесь же оказались и ее подруги Измаилович и Каховская.

Географические познания Марии расширялись. Со свойственной ей любознательностью она знакомилась с новым местом своего обитания — Уфой. Город располагался на берегу реки Сутолоки, на Сергиевской и Усольской горах. Засутолочная часть Старой Уфы изначально отличалась беспорядочностью застройки, в которой отсутствовала какая-либо планировка. В итоге в хаотическом расположении домов, садов, улочек и переулков могли разобраться только коренные обитатели этих мест. Подруги в хорошую погоду много гуляли, смеясь над своими блужданиями в этих лабиринтах.

Женщины пользовались относительной свободой. Каховская первое время работала воспитательницей в детской трудкоммуне, занимаясь беспризорниками. Но вскоре последовал официальный запрет со стороны ОГПУ на ее работу с детьми, на которых она якобы могла оказать нежелательное влияние. Марусе удалось устроиться на работу экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы Госбанка. Позднее на следствии она описывала свои впечатления о новом месте ссылки: «Уфа — город обывателей, старорежимный и белый. Он, конечно, замаскировался и притулился, но велика еще до сих пор его

бескультурность и одичалость. С обывателями говорить не любила и боялась их скомпрометировать. Коммунистов скомпрометировать не боялась, и они были гораздо живее и интереснее. Но на своих соседей — сотрудников по отделу, где сидели уже в небольшой компании в последние три года, я смотрела как на вольных и невольных соглядатаев».

Теперь Мария Спиридонов не представляла уже никакой политической угрозы. Опасным было лишь ее имя, основательно забытое в стране, но часто упоминаемое в социалистических кругах за рубежом.

По сути, на ее скромное жалованье и существовали трое подруг.

Ссылка, бедность, но для Маруси это было неплохое время, период возрождения: она обрела любовь. Ее мужем стал товарищ по партии Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, с которым у Спиридоновой раньше бывали разногласия, но в целом они понимали и уважали друг друга.

Илья Андреевич Майоров родился 15 июля 1890 года в деревне Гордеевка (или Тихий Плес) Свияжского уезда Казанской губернии. Происходил он из семьи зажиточных крестьян, которые имели возможность отправить сына в Казанский Государственный университет. Там он обучался на на естественном факультете, и в период 1906–1907 годов по глубокому убеждению вступил в партию эсеров. За участие в революционном движении власти исключили его из университета и сослали в Енисейскую губернию — на Ангару. Майоров бежал из ссылки, перейдя на нелегальное положение. Позже он сумел экстерном окончить юридический факультет.

Круг интересов Майорова, как и многих крестьянских самородков, словно желавших охватить все знания, недополученные предками, был широк: от энтомологии до истории, включая наполеоновские преобразования. Изрядное владение французским языком позволяло ему в подлиннике знакомиться с философскими и юридическими новациями своего времени. Он пробовал перо в исторических набросках, перемежая русский текст большими вставками на французском. Что касается партийных убеждений, то Майоров являлся сторонником «социализации земли», слагающейся из трех необходимых условий: уничтожения частной собственности на землю, замены ее трудовым землепользованием и распределением земли на уравнительных началах по потребительно-трудовой норме. Самым важным моментом «в развитии сельского хозяйства и, пожалуй, всей Русской революции» Майоров считал «экспроприацию всех нетрудовых земледельческих хозяйств».

Когда партия левых эсеров переживала свой «звездный час», Илья Андреевич получил пост заместителя наркома земледелия и вместе с наркомом А. Колегаевым, тоже левым эсером, был автором текста «Основного закона о социализации земли».

Здесь, в Уфе он работал экономистом-плановиком сбытовой консервной базы.

Маруся вновь почувствовала себя молодой и энергичной. Неуемный характер сделал ее главой маленькой коммуны состоящей из 17-летнего Льва, сына Майорова от другой женщины, старика-отца Андрея Яковлевича, инвалида русско-турецкой войны, и двух подруг по каторге — Сани и Ирины.

Одно перечисление членов семьи Майорова говорит, что женская рука была необходима. Сам Илья не тяготел к семейным хлопотам, не мог обиходить своих старого и малого. Маруся и ее товарки взяли на себя все заботы по организации относительно удобного быта.

Сначала все было очень душевно, весело, напоминало интересную захватывающую игру.

Лев Ильич Майоров[13] в книге воспоминаний рассказывал: «…С весны и до поздней осени каждый выходной все они отправлялись за город, часто с ночевкой у костра. В праздничные дни, особенно 1-го Мая, приходили другие ссыльные, было чаепитие, иногда пели песни. Из песен запомнились: „Колодники“, „Беснуйтесь, тираны“, „Славное море“ и другие, в которых упоминались тюрьмы, неволя и революция. Пели и русские народные песни. Когда в город прибывали новые ссыльные (особенно их много было из Ленинграда в 1935 году), то некоторые из них иногда приходили знакомиться».

Можно сказать, что существование ссыльных не намного отличалось от жизни всей массы советского народа: бедно, тесно, трудно, но интересно. Конечно, городские культурные центры были предпочтительнее для проживания просвещенных интеллигентных женщин, нежели провинциальная Уфа. Но и здесь можно было найти интересных собеседников и неотупляющие занятия.

Илья Майоров … в свободное летнее время занимался ловлей жуков и устройством коллекций. Он начал этим увлекаться в Средней Азии, и к периоду жизни в Уфе у него уже было шесть ящиков с жуками, уложенными в коробки с ватой. Он мечтал привести коллекции в должное состояние, составить сводное описание на двух языках и затем передать в Казанский университет, где когда-то учился он и будет, как он мечтал, учиться его сын.

Но иногда нарастала усталость от коммунальной жизни, Саня

и Ирина отселялись и некоторое время жили отдельно, но на их дружбу это не влияло. Потом опять съезжались — скучали друг без друга, да и у «совслужащей» Маруси не хватало сил обслуживать троих мужчин. Она была очень слабого здоровья и сильно уставала. У дедушки Майорова болела изувеченная нога, Илью изнурял туберкулез. Постепенно «у меня с Майоровым стало много по-разному, но обоим была лень и неохота хоть когда об этом договориться, т. к. вся эта область умственной жизни перестала быть актуальной. Мы жили всегда будто в общей камере и никогда не имели возможности отдельных личных бесед, и он как-то черкнул мне записку, что у нас намечается как будто бы крупное политическое разложение» — откровенно рассказывала Спиридонова на следствии.

К членам «коммуны» как к людям опытным и доброжелательным нередко обращались за советом и помощью в сложных житейских ситуациях. Как-то приятель, ссыльный электромонтер, беспартийный поляк Антон Маковский расстроенно рассказал «четверке», что его вызывали в НКВД «по очень странному и неприятному делу». Он делал проводку в новом Доме Правительства Башкирии и просил, чтобы администрация приняла его работу. Однако этого не сделали. Вдруг одна из люстр в кабинете следователя упала. Маковского с другими рабочими повезли осматривать проводку. Все люстры оказались на пробках, вмазанных в потолок, что противоречило правилам и грозило опасностью серьезно ушибить при падении находящихся в комнатах людей. Маковский был в отчаянии, боялся, что его привлекут за халатность и умолял в случае чего поддержать жену и детей. Его успокоили, не подозревая, как описанное Маковским рядовое происшествие отзовется на их дальнейшей судьбе.

Ссыльные старались держаться вместе, составлялись группы по интересам, с разбором заводились новые знакомства, Проживавший в Уфе молодой социалист-революционер Леонид Драверт, осужденный в 1925 году в Нижнем Новгороде за написание листовки, сдружился с «четверкой» Марии Спиридоновой. Он был сыном известного народника, естествоиспытателя П.Л. Драверта, геолога и минералога-метеоритоведа, председателя Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, организовавшего первую советскую экспедицию для изучения Тунгусского метеорита.

Муж Спиридоновой Майоров хорошо знал Павла Драверта по совместной работе в Казани. Четверка стала поддерживать его сына Леонида, страдающего серьезным нервным заболеванием. Его болезнь подтверждалась документально, а в Тюмени в

декабре 1922 года его привлекали к суду за убийство. В Уфе молодой человек работал экономистом Башкирской конторы «Заготскот», потом женился на высланной с Украины участнице сионистского движения Хаве Аптекарь. Крестными родителями их младшего сына стали Майоров и Каховская. Впоследствии Ирина Константиновна казнила себя за беспечность: ее не насторожило, что «ссыльному левому эсеру Драверту Леониду неожиданно предоставили в центре города прекрасную многокомнатную квартиру со всей обстановкой и хозяйственными аксессуарами». Как вспоминала Каховская, «за несколько дней до нашего ареста Драверт пригласил к себе всех ссыльных — без различия фракций — на день рождения сына, которому исполнилось два года. Мы пробыли там с полчаса (Майоров, Измайлович и я). Драверт во время нашего визита был мрачен, молчал и жаловался на головную боль». Видимо, он уже знал о планируемом аресте своих знакомых.

Пока отошедшие от политической борьбы ссыльные собирали жучков, пели революционные песни, ходили в гости и кое-как поддерживали скудное существование, в советской стране происходили большие перемены.

Последние муки

Большевики построили, наконец, свой «город солнца» — государство с отсутствием гражданских и политических свобод, свободы слова и реальных выборов в органы власти. Главным способом проведения каких-либо социальных преобразований оставался террор. Активизировалась шпиономания, поиск внутренних врагов, первыми кандидатами в которые намечались «бывшие люди».

Давно почил «Железный Феликс», превративший свое ведомство в инструмент тотального террора. При нем чекисты доказывая свою полезность, сами проявляли инициативу, придумывали врагов и фальсифицировали дела. Жестокость и беспощадность оправдывались и поощрялись. За либерализм могли сурово наказать, за излишнее рвение слегка пожурить. Учителя превзошел Генрих Ягода — одна из самых зловещих фигур в советской истории. Дальний родственник Я. Свердлова (их отцы были двоюродными братьями, сам он женился на племяннице Свердлова Иде Авербах), в прошлом участник Нижегородской группы анархистов-коммунистов, Ягода присоединился к большевикам только в 1917 году. В следующем году он устроился в Петроградскую ЧК и в 1931–1932 годах сделал головокружительную карьеру в органах безопасности, заменив на посту главы НКВД В.Р, Менжинского. Но на смену ему с 1936 года пришел человек не менее страшный — Николай Ежов, садист, «кровавый карлик» — его рост равнялся 152 см, — по собственным словам, «почистивший» всего лишь 14 тысяч человек. Но только по официальным данным при нем было вынесено 681 692 смертных приговора.

30 июля 1937 года был подписан секретный приказ НКВД № 00447, которым объявлялась «кулацкая операция». В рамках этого мероприятия арестовывали крестьян, священников, бывших дворян, а также людей, так или иначе заподозренных в связях с белым движением или оппозиционными политическими партиями. Эсеры записывались приказом во враждебные элементы едва ли не в первую очередь, причем со значительной вероятностью попасть в так называемую «первую категорию» лиц, к которым должен быть применен расстрел. Почти параллельно с этим проводились «национальные» операции — по заранее составленным спискам арестовывали немцев, поляков, латышей и многих других иностранцев и граждан СССР. С арестами нескольких крупных военачальников начались чистки в армии. Тысячи ЧСИР — «членов семей изменников Родины» — попали в

лагеря по обвинению в связях с врагами народа.

День 30 июля считается днем начала Большого террора — периода политических репрессий, во время которого в 1937–1938 годах в СССР было арестовано не менее 1,7 миллиона человек: «врагов народа», «контрреволюционеров», «вредителей», а также их родных и близких. Более 700 тысяч из них были казнены. Следствие по делам зачастую велось с активным применением пыток — физическим насилием, угрозами семьям обвиняемых, «пыткой сном» (запрет спать днем и постоянные ночные допросы), — и доля «признавшихся» была близка к 100 процентам. Признательные показания оставались важнейшим аргументом в пользу виновности человека — так же, как и показания уже арестованных или расстрелянных знакомых и коллег. Что касается доносов, то многие из них писались под колоссальным психологическим давлением — уже на стадии следствия люди оговаривали своих близких. Очень часто перед ними стоял выбор между возможностью (чаще всего иллюзорной) личного выживания и необходимостью подписать бумагу против другого человека.

Приказом наркома внутренних дел Н. Ежова «Об оперативной работе по социалистам-революционерам» от 13 ноября 1936 года начальники управлений НКВД краев, областей и республик подробно информировались об «активизации» подрывной деятельности бывших эсеров (как правых, так и левых), направленной на воссоздание их партии, и организацию широкого повстанческого движения.

Ежов поставил задачу выявления всех эсеровских групп и одиночек-террористов. Особое внимание следовало уделить ссыльным эсерам как наиболее опасным организаторам антисоветских акций. Нарком откровенно рекомендовал внедрять в эсеровскую среду опытных агентов с целью опорочить ссыльных.

Начались аресты бывших эсеров по всей стране.

9 февраля 1937 года в разгар арестов, появился еще один циркуляр НКВД об усилении оперативной работы по «эсеровской линии». Его появлению предшествовало подробное спецсообщение Ежова на имя Сталина от 1 февраля. Нарком докладывал, что «в результате агентурной и следственной работы удалось вскрыть и приступить к ликвидации широко разветвленного подполья, руководимого ссыльными членами ЦК партии левых и правых эсеров». Ежов утверждал, что «для руководства нелегальной работой в областях были созданы областные (или краевые) бюро эсеров преимущественно из видных в прошлом деятелей эсеровской партии» и перечислял руководителей «нелегальных эсеровских организаций», в числе

которых были Камков Б.Д., Спиридонова М.А., Майоров И.А., Самохвалов М.Д., Каховская И.К. и Измаилович А.А.

В ночь с 7 на 8 февраля 1937 года левоэсеровскую «четверку» и всех других уфимских ссыльных арестовали. Им было предъявлено обвинение в создании «эсеровской террористической и диверсионно-вредительской организации, ставившей задачу объединения всех антисоветских сил для борьбы с Советской властью путем вредительства и индивидуального террора в отношении руководителей партии и правительства». Сфабрикованное дело исключительную роль отводило, прежде всего, Марии Спиридоновой.

Началось следствие, ошеломляющее, неслыханное и неправдоподобное, и длилось оно одиннадцать месяцев.

Не чувствуя за собой никакой вины, открытая и прямая женщина, профессиональная революционерка, полжизни проведшая в тюрьмах и ссылках, обращаясь к руководству коммунистической партии, надеялась объяснить случившееся недоразумение, раскрыть «товарищам» глаза на их ошибку. Она писала из уфимской тюрьмы: «Если бы сейчас я за собой знала подпольную борьбу против Соввласти, я бы говорила о ней с былой дерзостью… Поэтому сейчас-то я так унижена и смертельно оскорблена предъявляемыми обвинениями, что я давно разоружилась и борьбы не вела». Ее удивляло и возмущало грубое обращение с арестованными молодых следователей.

Еще питавшая иллюзии относительно соблюдения прав и справедливости Мария написала жалобу на действия работников следствия первому секретарю Башкирского обкома партии Я.Б. Быкину. Тот отправился за объяснениями в местное управление НКВД, где ему приказали не лезть не в свое дело. Разъяснения были настолько доходчивы, что выступая на вечернем заседании 25 февраля 1937 года Быкин, в частности, сказал: «С тех пор, как Спиридонова была прислана к нам в ссылку, с первого момента, это, кажется, с 1931 года (т. Ягода точно помнит), и до последних дней она все время работала, и не как сумасшедшая, а как злейший политический враг, и в дальнейшем доказано будет, что она вела и ведет подпольную контрреволюционную работу вместе с Бухариным и его людьми… и, как другие ссыльные, имела возможность блокироваться с Троцким и Бухариным против нас… До Уфы и в Уфе Спиридонова группируется вместе с другими членами ЦК эсеров, вместе едут группой. Этим мы дали им возможность, чтобы они все время работали, все время имели в действии свое бюро ЦК эсеров, блокировались и объединялись со всеми другими врагами рабочего класса для того, чтобы активно бороться против нашей партии, против Соввласти».

Несмотря на свое угодничество, Я.Б. Быкин чуть позже был обвинен во вражеской деятельности и приговорен к высшей мере наказания.

Неожиданное развитие получили история с люстрами в доме правительства Башкирии. Антон Маковский вынужден был дать ложные показания, послужившие первым камнем в фундаменте возводимой постройки обвинения. Его шантажировали издевательством над ребенком. По требованию следователя Маковский подписал, по-видимому, заранее составленный текст протокола. В нем фигурировали руководящая «четверка» «контрреволюционной» организации и имена других ссыльных. «По личному поручению Спиридоновой я, Маковский, подготовлял и должен был осуществить террористический акт против председателя Башсовнаркома Булашева». Для этого электрик якобы предложил заменить легкий светильник люстрой. «Люстра в 5–6 килограмм, подвешенная вместо люцета, через некоторое время своей тяжестью обязательно выдернет крюк, упадет прямо на голову Булашева, который силой удара и весом люстры должен быть обязательно убит». Вечером 4 февраля люстра действительно сорвалась, но удержалась на проводе. «В данном случае Булашеву помог только случай».

Имелись и другие, столь же «ужасные» обвинения.

И. Каховская рассказывала: в 1935 году в Уфе неожиданно появился «некий гражданин из Архангельской ссылки», который «сказал, что является другом Б.Д. Камкова, прислан в Уфу заканчивать трехлетний срок ссылки, так как архангельский климат ему вреден. Он заявился к нам и сказал, что хотел познакомиться со Спиридоновой. Одновременно пришла открытка от Камкова, где тот сообщал, что направлен в Уфу очень подозрительный человек, с которым архангельские ссыльные не хотели иметь дела; что если он к нам явится, то и нам он не советует вести с ним знакомство. Этот человек посетил нас раза три, не застав Спиридоновой, которая избегала встречи с ним, и исчез. Мы приписали его визиты простому любопытству: он, очевидно, хотел „посмотреть“ на известную Спиридонову. Впоследствии он давал о нас какие-то порочащие показания».

Этим «подозрительным человеком» был Симон Самойлович Виталии, в 1920 году член Полтавского губкома левых эсеров, в рассматриваемое время — скорее всего, секретный сотрудник ОГПУ, надзиравший в роли ссыльного в Архангельске за Борисом Камковым. Во время следствия Виталии показал, будто бы привез Спиридоновой в Уфу письмо от Камкова, в котором шла речь об активизации партийной работы. Сама Спиридонова заявила в этой связи: «Виталии лжет, показывая, что привез мне письмо».

Леонид Драверт, страдавший тяжелой формой неврастении, показал, что «эсеровская четверка» во главе со Спиридоновой подготавливала покушение на руководителей Башкирской АССР. Уфимская организация эсеров, по Драверту, должна была организовать теракты в отношении секретаря обкома ВКП(б) Быкина, председателя СНК Башкирской АССР Булашева и председателя Башкирского ЦИК Тагирова, причем в исполнительницы теракта против последнего из них почему-то была намечена сильно постаревшая (как отмечалось в частной переписке левых эсеров), 59-летняя Измаилович.

17 июня 1937 года между Дравертом и Спиридоновой была устроена очная ставка, на которой он показал, что М.А. Спиридонова в Уфе якобы занималась активной антисоветской деятельностью и, в частности, давала установки на организацию Башкирского областного комитета партии левых эсеров. Спиридонова на это в протоколе очной ставки записала: «Я отрицаю эти показания Драверта».

Обвинителем выступил и считавшийся в среде ссыльных глубоко порядочным и интеллигентным Игорь Александрович Коротнев. Он заявил, что еще в Семипалатинске получил устные инструкции от А.Р. Гоца об организации левоэсерского подполья. Переезжая в Уфу, он якобы заручился «рекомендательным письмом» ссыльного левого эсера Т.Р. Азарченко к Спиридоновой для того, чтобы выполнить поручение Гоца, сделав Спиридоновой и Майорову предложение об объединении. Они, естественно, такое предложение с энтузиазмом приняли.

В уфимской тюрьме с Марией обращались жестоко и цинично. 3 ноября 1937 года, после девятимесячного заключения, Спиридонова написала открытое письмо в секретный отдел НКВД о творимых беззакониях.

«Когда удавалось узнать у меня какое-нибудь особо чувствительное или „нетерпеливое“ место в психологии, на него нажимали втрое, вчетверо. Так, например, после некоторых трудных происшествий со мной в царском застенке в начале 1906 г. у меня остался пунктик непримиримого отношения к личному обыску. Надо отдать справедливость и тюремно-царскому режиму и советской тюрьме: до этого своего ареста я после тех (1906 г.) событий все годы долголетних заключений была неприкосновенна, и мое личное достоинство в особо больных точках не задевалось никогда. В царское время всегда я чувствовала над собой незримую и несказанную, но очень ощутимую защиту народа, в советское время верхушка власти, старые большевики, со включением ЛЕНИНА, щадили меня и, изолируя меня в процессе борьбы, всегда весьма крепко наряду с

этим принимали меры, чтобы ни тени измывательства не было мне причинено. 1937 год принес именно в этом отношении полную перемену и поэтому бывали дни, когда меня обыскивали по 10 раз в один день. Обыскивали, когда я шла на оправку и с оправки, на прогулку и с прогулки, на допрос и с допроса. Ни разу ничего не находили на мне, да и не для этого обыскивали. Чтобы избавиться от щупанья, которое практиковалось одной надзирательницей и приводило меня в бешенство, я орала во все горло, вырывалась и сопротивлялась, а надзиратель зажимал мне потной рукой рот, другой рукой притискивал к надзирательнице, которая щупала меня и мои трусы; чтобы избавиться от этого безобразия и ряда других, мне пришлось голодать, так как иначе просто не представлялось возможности какого-либо даже самого жалкого существования. От этой голодовки я чуть не умерла. Так как та надзирательница тупая и поэтому жесткая и к тому же соответственно почти ежедневно инструктируемая моим следователем была мне особо неприятна при встречах, ее специально приставили ко мне, и она добросовестно и безотдышно отравляла мне жизнь и день и ночь. Ночью иногда больше чем днем. Способы отравлять жизнь в условиях полной подчиненности заключенного его стражнику могут быть разнообразны и неисчислимы».

Мария теряла силы и остатки здоровья. «Эти долгие мучительные ночи, с чем их сравнить?! Они раздирают, рвут сердце на части, — писала революционерка. — Раздутые, нестерпимо нывшие бревнообразные ноги черно-лилового цвета не умещались и в больших ботинках…»

Все было направлено на то, чтобы заставить Спиридонову признаться в «антиправительственном заговоре», морально уничтожить ее. Крайне тяжелые условия пребывания в тюрьме привели к возобновлению цинги. Однако следователь Михайлов обвинил Марию Александровну в притворстве.

«Михайлов — маленький человек. Смесь унтера Пришибеева с Хлестаковым. Большой очень трус, что я проверила не раз. Очень не развит, поражающе не начитан, сужен и сведен своим пятнадцатилетним профессионализмом (ему кажется только 33 года) к чрезвычайному примитивизму в оценке людей и подходе к ним. Весьма исполнителен, не пьет, не курит, изумительно работоспособен, энергичен, перед начальством почтителен и „на вытяжку“, одним словом „усердие все превозмогает“, но со мной у него вышло определенно глупо и неудачно. Карпович умнее, но тоже действует по шаблону. Если бы только они оба так мерзко не ругались, мне это сплошное бдение только бы нравилось, как испытание моих душевных сил, в 52 года, выдерживаемое без

запинки в мыслях и поступках, что хоть немного утешало меня в моих горестях, а самый процесс бдения будил во мне оба раза азарт и озорство».

Действительно, в по-настоящему трагических обстоятельствах, имея еще более страшную перспективу, она не «не прогнулась под изменчивый мир», не предалась отчаянью и жалобам, а нашла в себе силы оставаться до конца честной, непредвзято оценивать прошлое, смело прозревать будущее и даже иронизировать.

Ночные допросы продолжались. Через месяц цинга стала развиваться столь ощутимо, что Спиридонова не могла уже выдерживать 6-8-часовые ночные допросы, теряла последние силы, находясь в холодной, сырой, с асфальтированным полом, следственной камере, доходила до обморочного состояния. Ей казалось, «будто не было 31 года разрыва во времени. Меня стало кошмарить по ночам, как кошмарило первый десяток лет после 1906 года, и я иногда в следственной камере, усталая от вечного бессония (днем мой специальный постовой никогда не давал мне не только заснуть, но даже на минутку лечь и вытянуться), задремывая и очнувшись путала, что передо мной АВРААМОВ или МИХАЙЛОВ, казачий офицер или теперешний следователь, и горечь от одной возможности такой ошибки была для меня куда больнее ожога нагайкой».

Наряду с физическими пытками следователь подвергал Марию изощренным нравственным издевательствам. С иезуитским сочувствием он поведал несчастной женщине, что ее муж Майоров скопил приличную сумму, скрывая от семьи деньги, получаемые за приработки, в то время как его жена во всем себе отказывала и ломала голову, как бы всех накормить.

Заключенная отлично понимала цель следователей. Они хотели «морально раздавить СПИРИДОНОВУ, поставить ее на колени, заставить ее просить у нас, молить у нас прощения, ползать, да, ползать в ногах и покончить с ней раз навсегда». «Советская власть выжмет от вас показания, выдавит их из вас, вытрясет их из вас». Как больно было слушать это от имени Советской власти. Но, гордо заявляла Спиридонова, «в такой позорной комедии я не участник и в таком балагане не лицедей».

Действительно, происходила какая-то страшная комедия. После ареста Спиридоновой в число «разоблаченных врагов народа» попали лица, занимавшие ведущие участки работы Башконторы. Многие из них были приговорены к высшей мере наказания. Башкирское правительство, по версии следствия — объект кровожадных намерений «заговорщиков», — было арестовано и ликвидировано как вражеский элемент. Тогда, по

логике обвинителей, левых эсеров следовало не наказать, а наградить. Но проницательные чекисты «выявили» глубинную цель заговорщиков. Об этом фарсе имеются воспоминания Ирины Каховской, единственного оставшегося в живых члена «уфимской четверки». «И вот я услышала, что я лично имела задание организовать убийство Ворошилова, посылала эмиссаров в Москву и хвалила их за хорошую работу. (Дело подготовки убийства шло успешно, и я была очень довольна.) Иногда говорили: „Ворошилов“, иногда же: „Сталин“, а когда я попросила сказать мне точнее, на кого же, в конце концов, я покушалась: на башкир, Ворошилова или Сталина, — следователь закричал: „Вам ведь все равно кого убивать, лишь бы убивать, убивать; ведь вы — террористы!“».

К этому времени несговорчивые фигуранты второго и третьего партийного ранга были приперты к стенке и изобличены «свидетельствами» запутанных товарищей и провокаторов, а некоторые уже понесли «заслуженную кару». Но несгибаемые Спиридонова и Каховская продолжали свою упорную безнадежную борьбу с системой.

Безнадежную, но не безрезультатную. «Наверху» сочли показания мелких партийных сошек недостаточными. Следствию в Уфе было приказано заполучить обвиняющие показания кого-то из фигур первой величины. Именно такой фигурой оказался Илья Майоров, входивший в ЦК левых эсеров с момента основания партии.

Опубликованный протокол первого допроса свидетельствует о стойком поведении Майорова в духе традиций отказа революционеров давать показания. Однако позднее в протоколе черным по белому записано признание им существования «Всесоюзного центра» и участия в подготовке теракта против Сталина.

Каховская поражалась: «И вот мне дали прочесть напечатанное на тоненькой бумаге письмо Майорова к Спиридоновой, где он убеждает ее „сознаться в своей контрреволюционной деятельности“. А позднее мне показали несколько отрывков из его показаний — чудовищно лживое нагромождение всяких небылиц. Ничто в них — ни обороты речи, ни смысл их — не вязались с тем, что и как мог сказать Майоров, стойкий и честный человек, прошедший через тяжелые испытания еще при царизме. Это был стиль показаний Маковского или Драверта, но подписано было хорошо известной мне рукой Майорова. Когда я впоследствии с содроганием вспоминала это „письмо“ и пыталась представить себе муки, которые могли вынудить Майорова давать ложные сведения, …я остановилась на

двух возможностях: это был либо гипноз, примененный к обезволенному бессонницей человеку, либо пытка страхом крыс, которая широко практиковалась в карцерах при всех политических режимах. Как ни странно, но вот такой чисто патологический страх перед мышами и крысами был у Майорова, и даже в домашних условиях он при виде крысы дико вскрикивал и терял сознание. Все наши товарищи хорошо это знали. „А ведь ваш Майоров боится крыс!“ — сказала мне однажды сексотка со смехом и замялась, поняв, что сболтнула лишнее. Но чем бы ни объяснялось это необъяснимое для меня явление, оно случилось».

Тем временем комиссар госбезопасности 3-го ранга Б.А. Бак, человек еще «чекистского маршала» Г. Ягоды, рапортовал: «Следствием установлено, что член ЦК ПЛСР Камков Б.Д., отбывая ссылку в гор. Архангельске, установив контрреволюционные связи с эсеровским подпольем, совместно с другими обвиняемыми по делу в гор. Архангельске, создал контрреволюционную эсеровскую организацию, организовал Северный областной комитет к-р. эсеровской организации» и координировал преступные действия с «Всесоюзным центром» Спиридоновой. Можно только догадываться, каким образом были получены показания Бориса Камкова. Вместе с ним была арестована его жена. Их судьба решилась одинаково трагически. Камков выступил одним из свидетелей обвинения на процессе Н.И. Бухарина, А. И. Рыкова и др., еще почти полгода находился в страшной неизвестности в тюрьме, а 29 августа 1938 года был осужден и в тот же день расстрелян.

Истина никого не интересовала. Не имело значения что Генрих Ягода под руководством которого был начат разгром «Северной контрреволюционной эсеровской организации» в Архангельске, в 1938 году сам очутился на скамье подсудимых и, как и Бухарин и многие другие из его жертв, был приговорен к расстрелу. Количество арестов фиксировалось, по их числу отчитывались оперативники, и следователи соревновались между собой по цифрам рассмотренных дел. Сам ход следствия в 1937–1938 годах оправдания не подразумевал: у обвиняемого не было права ни на адвоката, ни на пересмотр дела. Очень часто приговоры приводились в исполнение в один день с решением суда или «тройки» — внесудебного органа для вынесения приговоров.

Появилась и еще одна новация. Левый эсер М. Гендельман утверждал: «За время царизма нельзя указать ни одного политического процесса, чтобы охранка или жандармерия так преследовали семьи обвиняемых по политическим процессам, так производили у них обыски, как были произведены у нас. Никогда

это в истории революции не имело места и только наш процесс при Советской власти должен обогатить историю революции этим новым методом по отношению к подсудимым». Маруся тоже, как ни далека она была от своей семьи, столкнулась с «оптимизацией правосудия». «МИХАЙЛОВ сказал мне, что он посадил моих сестер в Тамбове, когда мой-то террор на воде вилами писан. Одной уже 70 лет. Одна больна раком, и у нее выщелучено операциями четверть мускульной поверхности. Когда я сажусь, ни одна не приезжала ко мне на свидание. И вот они сейчас должны за меня отвечать. Тем же угрожают МАЙОРОВУ».

Можно вспомнить, что и исполнение смертного приговора всем подсудимым на процессе 1922 года было отложено с формулировкой, что приговор будет приведен в исполнение, как только их товарищи на воле попытаются предпринять какие-либо действия против советской власти. То есть осужденных фактически превратили в заложников.

Вскоре Спиридонову этапировали в Москву. Чем был обусловлен этот перевод — переменами в руководстве Башкирии или активизацией подготовки процесса по делу «Антисоветского правотроцкистского блока»? Неизвестно. Но режим содержания немолодой женщины, вместе с Лениным творившей революцию, не смягчился. Мария без жалоб, но с горечью отмечала «ковырянье в заднем проходе и влагалище (что делалось теперь со мной 2 раза в Бутырке)», хотя еще ранее просила не нарушать «ее личное достоинство».

После многомесячного изнуряющего следствия «уфимской четверке» была определена роль руководителей мифического «Всесоюзного центра» левых и правых эсеров. В основу обвинения легли сначала показания активно сотрудничавшего со следствием Драверта, а затем сломленных Майорова и Камкова. Спиридоновой предъявили обвинение в создании московской боевой группы террористов, подготавливающих «по заданию ЦК эсеров и заграничной делегации террористические акты против тт. Сталина, Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе 1 мая 1936 г. на Красной площади, путем метания бомб».

Показания людей, которых Мария любила и уважала, которым привыкла верить, нанесли ей глубокую душевную травму. «Я считаю низким падением показания на меня Б.Д. КАМКОВА об участии моем в Центре и еще более низким падением такое же показание И.А. МАЙОРОВА, друга моего любимого и мужа. Есть ли такой центр, дал ли свое согласие на вступление в него КАМКОВ, я не берусь ни утверждать ни отрицать. Склонна думать, что его нет вовсе, и также склонна думать, что КАМКОВ на себя наговаривает, видя, что иного

выхода из петли нет. Оба они, и МАЙОРОВ и КАМКОВ, могут быть оппортунистами большой руки. Я тоже могу быть оппортунисткой в интересах дела (мы об этом разговаривали с Лениным из-за Брестского мира), но в личном поведении отрицаю этот метод категорически.

Если мне политич. физиономия КАМКОВА за 16 лет разлуки недостаточно ясна и я все же до конца не знаю, кто сейчас он, может быть, и вправду объединился с прав, ср., то за МАЙОРОВА я отвечаю на 100 %, ни в каком центре он не участник, также, как и я. Он дал ложное показание».

В ноябре 1937 года после 9-месячного заключения Спиридонова, написала в 4-й (секретный) отдел ГУГБ объемное «открытое письмо». В нем она наивно пыталась объяснить, что «дело эсеров» — грубая поделка, фабрикация, фарс. Наверно, составление этого письма стало отдушиной в ее мрачном тюремном существовании. Писать ей не мешали — надеялись получить «собственноручное признание» и новые компрометирующие материалы. Но чекисты были разочарованы. В письме Мария коснулась истории партии левых эсеров, дала характеристики отдельным ее членам, рассказала о своем отношении к советской власти, Конституции 1936 года, к проблеме применения смертной казни.

Прежде всего, она объясняла всю абсурдность обвинения, поскольку уже не существовало никакой партии левых эсеров. «Вне работы с массами и для них, вне связи с массами наше существование оказалось немыслимо, и мы растаяли. На партсъезде в апреле 1918 года у нас было зафиксировано при поверхностном подсчете 73 тыс. членов, было на самом деле больше, а теперь м.б. насчитается 50 человек Отсутствие какой-либо сговоренности друг с другом по вопросам программ и тактики. За это время исторические условия настолько изменились, что переоценка ценностей императивно нужна. Ничего этого не делалось, а без этого не могло и не может быть речи о каком-либо восстановлении партии и организационной работы».

Бесхитростная и откровенная женщина исповедовалась перед своими палачами как перед равными. Но мог ли оценить ее искренность и полет мысли нарком Ежов, «образцовый пролетарий», человек, по его собственному выражению, с «незаконченным низшим образованием», даже попади оно ему в руки?

А Спиридонова пыталась объяснить, какую грубую ошибку делают чекисты, подозревая бывших эсеров в терроре: «Соввласть так жестоко и я бы сказала нерасчетливо к человеческой жизни,

расправляется на террор, что нужно иметь много аморализма, чтобы пойти на террор сейчас. При царе пропадал только сам террорист и кто-нибудь случайно влипший. Ни предков, ни потомков не трогали (…). За КИРОВА было расстреляно количество людей, опубликованное на двух огромных газетных листах „Известий“, за покушение на Ленина было расстреляно чрезвычайниками 15 тыс. человек, мне говорили это коммунисты и чекисты. Какую же веру в правоту своей тактики и в себя, доходящую до мании величия, надо бы иметь, чтобы решиться за смерть одного, двух ответработников или вождей платить столькими человеческими жизнями. Кто я, чтобы взять на себя право распоряжаться жизнью сотен людей, ведь живут-то один раз на свете. Одного этого момента достаточно, чтобы раз навсегда отказаться от подобного метода, это уже был бы не террор, а подлая авантюра и провокация…»

Маруся искала в сталинских «преобразованиях» нечто социалистическое, и многое даже находила. Очень деликатно, не впадая в низкопоклонство, она заявляла о своей полной лояльности: «А между прочим, я больший друг Советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я. Ваша политика войны и мира приемлется мною полностью (так из всех кого знаю из леваков). Согласна со всем поступательным темпом и строем, перечислять не стоит». Преднамеренно или нет, вождь некогда мощной партии левых эсеров давала понять, что, сложись обстоятельства по-иному, она могла бы сейчас быть на месте нынешнего руководства страны и вершить судьбу России. Хотя бы на этом основании она была вправе рассчитывать на уважение.

Спиридонова еще надеялась, что ее советы и мнения могут быть учтены и использованы. «Я не согласна только с тем, что в н/строе осталась смертная казнь (…). Можно и должно убивать в гражданской войне при защите прав революции и трудящихся, но только тогда, когда нет в запасе под рукой других средств защиты революции. Когда же имеются и такие могучие, как у вас, средства защиты, смертная казнь становится вредным институтом, развращающим неисчислимо тех, кто применяет этот институт (…). И еще я бы скорректировала ваш тюремный режим и вашу пенитенциарную систему. В социалистической стране должно быть иначе. Надо больше гуманности определенно».

Несмотря на ее исповедальную искренность, военная коллегия Верховного суда СССР признала что Спиридонова «до дня ареста входила в состав объединенного эсеровского центра и в целях развертывания широкой контрреволюционной

террористической деятельности организовывала террористические и вредительские группы в Уфе, Горьком, Тобольске, Куйбышеве и других городах…».

Можно ли сейчас понять, как, каким образом и почему было принято решение о физическом уничтожении практически всех ссыльных, находившихся в тюрьмах меньшевиков и эсеров, разнообразных социалистов и всех, кто имел какое-то касательство к политической деятельности в дореволюционной и послереволюционной России?

По словам Каховской, вся процедура «разбирательства» и вынесения приговора заняла около семи минут: «Прокурор Горячев скороговоркой прочел обвинительный акт, где было написано, что я готовила покушение на Ворошилова, поднимала крестьянские восстания и еще что-то. Я сказала, что все это ложь. Вывели на минутку, ввели обратно. Прочли приговор: 10 лет тюремного заключения и 5 поражения в правах».

После недолгого пребывания в Ярославской и Владимирской тюрьмах Ирину Каховскую этапировали в Краслаг, где в течение семи лет она была занята на общих работах: лесозаготовках и в сельском хозяйстве. Освободили ее в феврале 1947 года, отправили жить в затерянный в тайге городок Канск Красноярского края. Здесь Каховская в последний раз была арестована в начале января 1948 года. Содержали ее в тюрьме Красноярска, затем в 1949 году возвратили в Канск в качестве ссыльной.

В 1954 году Каховская была освобождена из ссылки, переехала в Малоярославец, где жила очень скромно. Здесь она перевела на русский язык «Маленького принца»; перевод был опубликован посмертно. В 1957 году революционерку реабилитировали по делу 1937 года. Умерла она в 1960 году от рака печени. За ее простоту, искренность, за подкупающую веру в торжество правды и здравого смысла, которая передавалась ее слушателям, к ней относились с глубоким уважением.

В отличие от получившей 10 лет тюрьмы Каховской, подавляющая часть уфимских ссыльных была уничтожена еще год назад. В начале января отнесенные к 1-й категории обвиняемые по этому процессу были приговорены к расстрелу и казнены в тот же день.

7 января 1938 года Военная коллегия Верховного суда судила Спиридонову Как указано в одной из реабилитационных справок, она «виновной в предъявленном обвинении» себя не признала, «категорически отрицала показания Драверта, Маковского, Коротнева и Майорова». Однако «изобличение» показаниями еще ряда лиц позволило присудить 53-летней революционерке по

статье 58 (пп. 7, 8, 11) УК РСФСР 25 лет заключения. Своего приговора полностью оглохшая Маруся не расслышала.

8 января та же коллегия объявила Майорова и Измаилович по тем же статьям «врагами народа» и осудила на одинаковые сроки — 25 лет тюремного заключения.

Каховская в последний раз видела Марусю в 1939 году при переводе из Ярославля во Владимир: «Она шла по коридору столыпинского вагона, седая, худая и держалась за стенку. Увидев меня за решеткой другого купе, она крикнула свой приговор и, показав на уши, сказала: „Ничего не слышу“. Это была тень прежней Марии Спиридоновой, страшно постаревшая, едва державшаяся на ногах, но с ясным и спокойным лицом».

Почему руководство НКВД решило пойти на сохранение жизни «четверке» Марии Спиридоновой и еще нескольким главным руководителям эсеров, до сих пор остается загадкой. Не поддается объяснению и то обстоятельство, что обвиненные по надуманным обвинениям были расстреляны, а Гоца и Тимофеева — лидеров не придуманных, лидеров и врагов режима «самых доподлинных и безусловных» приговорили к тюремным срокам. Судя по публиковавшимся в последние годы докладным запискам Ежова Сталину, многочисленные дела Всесоюзного эсеровского центра и «уфимское дело», в частности, находились под пристальным контролем не только Лубянки, но и Кремля. Может быть потому, что Маруся из внутренней тюрьмы НКВД обращалась с заявлением чуть ли не к Николаю Ежову о заброске террористической группы во главе с ней в Германию для покушения на Гитлера?

Отбывать свой последний в жизни срок Марии Спиридоновой предстояло в Орловской тюрьме вместе с Измаилович и Майоровым.

Известно, что 60-летняя Александра Измайлович в мае 1940 года обратилась к заместителю наркома НКВД. Она пыталась убедить зама Лаврентия Берии, что 90 процентов ее сокамерников — «честные советские люди, оклеветанные шкурниками либо контрреволюционерами». Бывалая каторжанка, сравнивая содержание в царских и советских тюрьмах, делала комплимент советскому тюремному режиму, назвав его по большинству пунктов лучшим. Например, по питанию: «в 1939 году в Ярославской тюрьме давали макароны с маслом и творог с сахаром. Но воздуха и света в переполненных камерах при большевиках стало гораздо меньше». Излишне говорить, что никакой положительной реакции на это письмо не последовало.

Но Спиридонова больше ни одним словом не обратилась к своим палачам, сохранив последнюю гордость: молчания.

Марусю уже вычеркнули из списков живых, заклеймив уничижительными словами: «Ее крайняя экспансивность, нервность, склонность к преувеличениям сильно вредили ей и ее политической деятельности».

В сущности, страна отказалась от пути, намеченного эсерами, отвергла теорию социализации земледелия. Эта теория составляла национальную особенность эсеровского демократического социализма и являлась вкладом в развитие мировой социалистической мысли. «Крестьянство — не только материал для истории, не только пережиток известного строя, подлежащий глубочайшей социологической трансформации, и даже уничтожению, но класс будущего, жизнеспособный и устойчивый исторически, класс, несущий миру и новый строй, и новую правду», — писала Мария Спиридонова.

Если ли бы эсеры победили в крестьянской стране, какой была Россия, можно было избежать тех масштабных бедствий, которые пришлись на первую половину XX века. Не произошло бы подмены «социализации» земли «национализацией», не возникли бы комитеты бедноты, не было бы борьбы с середняками в деревне, коллективизации с раскулачиванием, продразверстки и спецпереселений. Не случилось бы первого при Советской власти массового голода в 1921–1922 годах, когда умерло от четырех до пяти миллионов человек. Не пришлось бы насильно изымать церковные ценности и взрывать храмы. Наверно, не было бы региональных и локальных проблем с продовольствием, периодически возникавших среди отдельных слоев населения, и голода 1923–1931 годов. Если бы не ошибочная крестьянская политика, скорее всего, не произошло бы второго Голодомора — массового голода в СССР, разразившегося в 1932/33 годах в период коллективизации и унесшего около 7 млн человек.

Природа большевизма исключала понятие свободы. Если ли бы эсеры не были уничтожены, их политика, безусловно, включала бы модернизацию — промышленную, научно-техническую, военную, социально-культурную, потому что без этого существование государства в Новое Время невозможно. Внутренняя политика, скорее всего, предусматривала бы создание полуторопартийной системы, более-менее авторитарной, но не столь жесткой, как при большевиках, с умеренной оппозицией. Могла бы на самом деле возникнуть демократическая республика с неотъемлемыми правами человека и гражданина: свободой совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего и равного избирательного права без различия пола, религии и национальности, при условии прямой системы выборов и

закрытой подачи голосов.

Не было бы практики принятия единоличных решений и уничтожения всех инакомыслящих.

Возможно, гражданская война была бы кратковременной, поскольку эсерам удалось бы объединить и вооружить миллионы крестьян, одновременно заручившись поддержкой стран Антанты (без поддержки этих стран, бывших основными спонсорами белых, последние не смогли бы вести активные военные действия). Могла бы возникнуть своеобразная форма сельского капитализма, выросшего снизу и опекаемого государством. Выведение земли из товарооборота, поддержка крестьянских кооперативов и, главное, передача крестьянам бесплатно земель помещиков и государства надолго создали бы эсерам гигантскую популярность в народе.

Не исключено, что удалось бы избежать и Второй мировой войны и сохранить миллионы человеческих жизней…

Но это уже из области альтернативной истории.

Сейчас мало кто знает, что послереволюционное развитие России могло иметь совсем иной вектор, и для многих имя Марии Спиридоновой — звук пустой. На полном забвении и строился весь расчет.

Однако во время Великой отечественной войны о «мстительнице за поруганное крестьянство» Спиридоновой вспомнили.

Через три с половиной года ее заключения, незадолго до того, как в Орел ворвались немецкие танки, Военная коллегия Верховного суда СССР изменила приговор, назначив лидеру партии левых эсеров Марии Александровне Спиридоновой высшую меру наказания. Этому предшествовал приказ, отданный Сталиным Лаврентию Берии: уничтожить «наиболее опасных врагов», сидевших в тюрьмах. Берия представил вождю список. Он же придумал обоснование — расстрелять «наиболее озлобленную часть содержащихся в местах заключения государственных преступников, которые готовят побеги для возобновления подрывной работы». Сталин в тот же день подписал секретное постановление Государственного комитета обороны: «Применить высшую меру наказания — расстрел к ста семидесяти заключенным, разновременно осужденным за террор, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу».

Произошло это 8 сентября 1941 года.

А 11 сентября в Медведевском лесу приговор был приведен в исполнение.

И только в 1990-м году лидер партии левых социалистов-революционеров, вместе с большевиками осуществившей в

России октябрьский переворот 1917 года, Мария Александровна Спиридонова была реабилитирована частично, а в 1992-м — полностью.

ЛАРИСА РЕЙСНЕР (1885–1926)

Предисловие

Знаменитый французский философ, социолог, автор термина «феминизм» Шарль Фурье утверждал, что степень прогрессивности общества следует измерять отношением к женщине.

В российском обществе устаревшие понятия о женщинах, как о существах низшего порядка, постепенно вытеснялись из общественного сознания. Женщины все чаще выходили на арену политической и экономической жизни страны. Во времена терроризма женщины потребовали себе права бросать бомбы наравне с мужчинами, и им оно было предоставлено. С такой же щедростью правительство наградило их возможностью принудительного труда в сибирской ссылке, и даже правом быть повешенными. Женщины с готовностью отдавали свои силы, свою кровь за идею. Отвага женщин, их непреклонность и методы борьбы, которые они избирали, говорили о том, что они ясно видели цель и были не менее бесстрашны и бескомпромиссны, чем мужчины.

Роль женщин, которые самым непосредственным образом повлияли на ход российской истории в переворотах 1917 года, до сих пор недооценена. Женщины быстро политизировались и принимали активное участие в объединениях разного политического толка. В отличие от мужчин женщины могли выдерживать длительные страдания, у них отважные сердца, они редко падают духом.

Многие из них, необразованные работницы или крестьянки, прошли по дорогам истории «без имени». Именно поэтому о них мало что известно. Простые люди не писали биографии, отдавая эту привилегию представительницам политических элит.

Из многочисленных женщин, участвовавших в российских революциях, в народной памяти сохранились немногие — по большей части лишь те, кто в ней сгорел. И почти все они принадлежали к правящим классам. Именно против них, в сущности, и была направлена революция.

Многие из этих аристократок и интеллигенток с готовностью приняли наступающие перемены. Нет числа образованным и интеллигентным женщинам, которые своими способностями и дарованиями работали на благо прогресса и социального освобождения тех, кто на протяжении веков считался наиболее зависимым и лишенным самостоятельного места в обществе. Женщины-либералки боролись за равные избирательные права; женщины-большевички готовили октябрьский переворот вместе с

мужчинами.

К участию в русской революции женщин подтолкнули своими призывами сами большевики. Они считали, что социалистическое движение — самый верный путь к достижению равноправия. Примером политической и общественной активности русских женщин может служить жизнь и творчество яркой писательницы и журналистки Ларисы Михайловны Рейснер.

Детство

Широко известна мысль, что совокупность характеристик личности во всем многообразии ее взаимодействий с окружающим миром закладывается в семье. Сначала семья вообще является для ребенка единственным местом, где он получает первый опыт социального взаимодействия, определяет установку и направленность личности, содержание и характер ее деятельности, стиль жизни, манеру поведения, круг знакомых. Влияние стиля родительского поведения на социальное развитие детей является общепризнанным. Поэтому жизнеописание человека, как правило начинается с рассказа о его родителях.

Отец героини повествования, Михаил Андреевич Рейснер, человек образованный и просвещенный, имел слабость считать себя со стороны отца потомком древнего аристократического рода — баронов фон Рейснер, соратников и друзей великих полководцев, князей и императоров. Доказательством служил хранившийся в семье старинный кубок с баронским гербом. Это предположение от частого употребления приобрело статус истины, и вся семья искренне считала своего главу носителем голубой крови, потомственным дворянином. Он не отказывался и от родства с учеными, прелатами, меценатами, носившими ту же фамилию.

Не менее впечатляющим было и его предполагаемое происхождение с материнской стороны от Александра Васильевича Храповицкого (1749–1801), приватного статс-секретаря Екатерины II, долгие годы делившего с великой императрицей ее государственные заботы. Правда, законного потомства сановник не имел, но оставил множество внебрачных детей, один из которых вполне мог стать предком главы фамилии Рейснер.

Впрочем, злопыхатели утверждали, что отцом Михаила Рейснера был крещеный еврей, чьи корни уходили в одно из многочисленных польских местечек.

Так или иначе, отец Ларисы, оказавший огромное влияние на формирование личности героини, отличался гонором и тщеславием. Юность он провел в метаниях. Сначала истово мечтал посвятить себя религии, затем охладел и разуверился; учился в художественной школе и достиг немалых успехов; занимался научными исследованиями и тоже преуспел. Однако неожиданно поступил вольноопределяющимся в армию, в артиллерию. Вскоре признанный совершенно не годным к военной службе вследствие слабости здоровья, он навсегда

перевернул эту страницу своей жизни и задумался о служении обществу на гражданской стезе.

Как это всегда бывает, доходные места в обеих русских столицах были прочно заняты, и соискателю ничего не оставалось, как отправиться к родне в провинциальный Люблин кандидатом на должность в окружной суд. Там в 1893 году он женился на 19-летней сиротке, дочери чиновника Пахомова — Екатерине Александровне, которая приходилась ему дальней родственницей. Из одной библиографической справки в другую кочует выражение: «мать Ларисы Рейснер, урожденная Хитрово…», хотя документально установлено, что она — урожденная Пахомова. По семейному преданию девушка получила образование в Смольном институте, а до того сироту воспитывал благодетель Жунковский, который нашел ее трехлетней девочкой в Польше. У невесты не было ничего, кроме личных достоинств и туманных претензий на дальнее родство с известным родом Хитрово. Но она была прелестна, романтична, увлекалась изящной словесностью и тоже бредила собственным высоким происхождением.

1895 год принес в мир невзрачную девочку, названную красивым древнегреческим именем Лариса. Оно могло происходить от греческого слова «ларус» — «сладкая», «приятная», от названия древнего малоазиатского города Ларисса. Такое же имя носила внучка Посейдона, бога морей и океанов — «Лярус», «Чайка». Именно прекрасной мятущейся чайкой будет всю жизнь ощущать себя наша героиня, пренебрегая вторым, менее приятным значением этого слова, — «прожорливая».

Лариса родилась в ночь на второе мая, но впоследствии всегда утверждала, что ее рождение произошло на сутки раньше, в Вальпургиеву ночь, в праздник ведьм. Эгоцентризм и самомнение заставляли девушку ощущать в себе некое инфернальное начало. И после ее смерти исследователи будут путаться в датах, сомневаться, спорить: первое мая? второе? А по новому стилю — 14? 13?..

В это время в Петербурге в семье священника Ф.А. Петрова и его невенчанной жены Антонины Васильевны, дочери генерал-майора артиллерии В.М. Ильина, подрастал появившийся на свет в 1892 году мальчик Федор. Родители не могли узаконить свой союз, поскольку отец как вдовый священнослужитель не имел права венчаться вторично. Но, видно, Антонина Ильина пошла на незаконное в глазах окружающих сожительство сознательно, по большой любви. Со стороны отца предки ничем не прославились, так как свыше 200 лет служили священниками в Петропавловской

церкви села Кейкино Петербургской губернии. По рассказам происходили они из рода дворян Тимирязевых, впоследствии получили фамилию Осторожновых и лишь потом были переименованы в Петровых, по имени одного из святых, которым посвящен Кейкинский храм. Ильины, предки со стороны матери, были потомственными военными и возводили, обосновано или нет — неизвестно, свою родословную к Галицким князьям. При всем том Антонина служила продавщицей в винной лавке — факт, который особенно подчеркивался впоследствии ее двумя сыновьями: трудящаяся женщина! «Предпочитаю направлять свою личную и общественную деятельность таким образом, чтобы она сама и ее результаты, а не доблестные деяния родоначальников служили предметом счастливого самоудовлетворения и упоительной гордости», — позже заявлял Федор, взявший псевдоним Раскольников по имени героя Достоевского, колебателя всяческих основ. Рано в нем проявились литературные способности, рано он почувствовал вкус к журналистике и совсем юным искал себя на журналистском поприще.

Семья Рейснеров проживала в Либаве, отчаянно нуждалась и жила мечтой о переезде в Петербург или хотя бы в Варшаву. Служа преподавателем законоведения в Ново-Александринском институте сельского хозяйства и лесоводства с содержанием в тысячу рублей в год, отец семейства упорно готовил магистерскую диссертацию, защита которой открыла бы ему двери в какой-нибудь столичный университет. И его труды были вознаграждены: молодой кандидат был направлен Министерством просвещения на открываемый юридический факультет Томского университета на должность экстраординарного профессор по кафедре политической экономии и статистики и награжден орденом Святой Анны 3-й степени.

Однако перенесенные жизненные неудобства выработали в Михаиле Андреевиче некую желчность, критиканство и мятежные мысли, которые он торопился немедленно донести до окружающих. В приказе министра просвещения Рейснер расценивался как лектор, «злоупотребляющий кафедрой для произнесения речей, которые побуждают относиться с неуважением и враждой к установленному в России законному порядку вещей». Запахло увольнением. Михаил Андреевич, чувствуя шаткость своего положения, подал прошение о направлении его для научной работы в Германию. Руководство Томского университета, не желая скандала, отправило его с мая 1901 года по 1 сентября 1902 года вместе с семьей в заграничную командировку в Гейдельберг якобы для изучения истории

христианских государств в психологическом и социологическом аспектах. Впоследствии, чтобы показать свою лояльность действующему советскому режиму, в автобиографии Рейснер утверждал, что научная командировка была предоставлена «из желания избавиться от вольнодумного профессора и ослабить его влияние на студенчество».

В Гейдельберге научным наставником Рейснера стал известный немецкий юрист, профессор государственного права Гейдельбергского университета Георг Еллинек, один из наиболее видных представителей немецкой юридической науки, основоположник немецкой социологии права. Под влиянием наставника у Михаила Андреевича выработалась еще большая приверженность к социально-психологическому правопониманию и увлечение социологией права.

В то время в семье было уже двое детей: в январе 1899 года появился на свет сын Игорь.

Рейснеры жили беззаботно и открыто, пользуясь всеми благами европейской цивилизации. Дети росли в атмосфере любви, заботы и сознания собственной исключительности. Интеллигентные и претенциозные родители создавали в семье особую обстановку, подчеркивая свою избранность, отличность от заурядных обывателей. И не только глава семьи «медленный, приторно любезный, немного рыхлый и чересчур спокойный Михаил Андреевич» задавал подобный тон: супруга с энтузиазмом его поддерживала. Как впоследствии вспоминал воспитанник Рейснеров, Вадим Андреев, «настоящим руководителем, главной пружиной, двигавшей весь семейный механизм, была „острая неукротимая Екатерина Александровна Рейснер. Все ее маленькое тело было насыщено волей, ее ум, острый ум математика, сохранял во всех разговорах женскую гибкость и чисто женское, интуитивное понимание слабых сторон противника. Она постоянно, даже за столом, в семье, доказывала, убеждала, волновалась, жила всем своим существом“».

Лариса всегда вспоминала это чудесное время со светлой печалью. Увы! Оно быстро кончилось. Родина встретила Рейснеров равнодушно. Более того, начались служебные неприятности. «Профессиональная деятельность Михаила Андреевича, — рассказывал знакомый семьи С.С. Шульц, — всегда шла со скандалами. Он не умел влиться в коллектив, был очень честолюбив».

1902 год стал для М.А. Рейснера переломным. С этого времени начался один из самых сложных периодов его жизни, как он сам отмечает, «период последовательного полевения, сближения со студенчеством и отчуждения от профессуры»,

крайнего обострения отношений с учебным начальством Раздраженный вечными склоками, возникающими вокруг деятельного злоязычного Рейснера, ректор Томского университета добился увольнения этого «заносчивого либерала, заигрывающего с анархически настроенными отдельными студентами». Крах карьеры был ужасен, он наносил жестокий удар по самолюбию и жизненным планам. Однако в то время для образованного русского человека всегда оставался достойный выход — эмиграция. Тем более что были так свежи воспоминания о приятнейшей жизни в Гейдельберге. К тому же Михаил Андреевич перед отъездом в Берлин получил приглашение Н.К. Михайловского сотрудничать с журналом «Русское богатство», который редактировал В.Г. Короленко. Статьи о жизни в Германии М. Рейснер подписывал чаще всего псевдонимом М. Реус, и практически только эта деятельность давала семье средства к существованию.

Общительный Рейснер немедленно завел знакомства с немецкими интеллектуалами и социалистами: Августом Бебелем и Карлом Либкнехтом (1871–1919). В 1904 году по обращению К. Либкнехта он как специалист по русскому праву предоставил заключения для суда в связи с обвинением немецких социал-демократов в государственном преступлении против русского царя.

А. Бебель представлял собой тип выдающегося деятеля международного рабочего движения, верного последователя идей К. Маркса. В то время он уже прославился знаменитой книгой «Женщина и социализм», в которой с прогрессивных позиций рассматривал взаимоотношениях мужчины и женщины, рассуждал о браке и семье, о воспитании детей. Он пророчил, что в социалистическом обществе «женщина подымется на высоту полного совершенства, о котором у нас еще нет никакого правильного представления, так как до сих пор в истории развития человечества не было такого состояния». Можно представить, какой горячий отклик находили идеи Бебеля у просвещенных супругов Рейснер.

К. Либкнехт, крестник К. Маркса и Ф. Энгельса, известный своей мученической смертью, близко сошелся с Рейснерами. Особенно теплые отношения связывали его с Екатериной Александровной. Дело в том, что потеряв жену, погибшую во время операции, он женился на уроженке Ростова-на-Дону Софье Борисовне Рысс, приехавшей на стажировку в Германию. Женщины сблизились, семьи Рейснеров и Либкнехтов много времени проводили вместе. «На всю жизнь запомнила Лариса, как она ходила в гости к старой «тетушке Либкнехт». О дымящемся

кофейнике, который появлялся на столе во время этих посещений, о сладком пироге, которым потчевала ее «тетушка», она рассказывала, как будто это было вчера. Эти воспоминания послужили основой той теплой привязанности, которую Лариса Рейснер питала к Германии. Дети рабочих из Целендорфа, с которыми она ходила в школу, рассказы работницы Терезы Бенц, помогавшей ее матери по хозяйству, — все это жило в воспоминаниях Ларисы», — впоследствии рассказывал в воспоминаниях о ней Карл Радек[14].

Годом позже Рейснер организовал в Европе кампанию в связи с событиями 9 января и арестом Горького. В том же году он вступил в большевистскую партию и участвовал в знаменитой Таммерфорсской конференции РСДРПб), где познакомился с Лениным. Впрочем, никаких значимых последствий это знакомство не имело.

В берлинское время 7-8-летняя Лара начинает понимать сложность жизни: не хватает денег, тяжело болеет мама. Она рассказывает об их с братом взрослении: они «были выкормлены легким и разрушительным гением анализа, царившего в семье. Они знали жизнь в десять лет, умели оценивать без ошибки все отчаянные схватки и наводнения, бросавшие их шаткое гнездо с места на место. Они привыкли видеть отца и мать в позе вечной обороны, в постоянном одиночестве, вызванном непримиримостью критериев, приложенных к жизни». Но «их шаткое гнездо» жизнь забрасывала в вовсе не плохие места. Сочувствие к неглупому энергичному Рейснеру проявил Максим Максимович Ковалевский (1851–1916). Юрист, социолог, историк, читавший лекции в Оксфорде и Стокгольме, он жил за границей, после того как его отстранили от преподавания в Московском университете. Ковалевский пригласил Михаила Андреевича для работы в своей школе в Париж.

Лара, самостоятельная, бойкая девочка, училась во французской школе, свободно говорила на немецком и французском языках, хорошо ориентировалась в незнакомых местах, Частые отлучки отца и недомогание матери делали ее «маленькой хозяйкой» дома Рейснеров. На фотографиях того времени она выглядит очень хорошенькой и решительной.

Но вот опять идейные разногласия Михаила Андреевича с его покровителем Ковалевским — и Рейснеры вынуждены переехать в Берлин. Новая школа, новые порядки. Домашние были угнетены неприкаянностью, нарастала ностальгия, родина виделась такой милой и желанной. Вечерами семья ходила на Bannhof (вокзал), чтобы хотя бы взглядом проводить поезда, отходящие в Россию.

И вот — о, счастье! Как результат первой русской революции

в мае 1907 года объявлена амнистия политическим эмигрантам. Михаилу Рейснеру согласно его прошению разрешено чтение лекций в Петербургском университете. Он зачислен приват-доцентом[15] на кафедру истории, философии и права.

Пока не было городской квартиры, Рейснеры снимали дачу на Черной речке. Здесь взрослеющей Ларе — «всей в движении, в поисках и противоречиях» — предстояло познакомиться со многими незаурядными людьми, отпечаток личности которых навсегда наложится на ее характер, взгляды и склонности.

Это, прежде всего, Леонид Андреев (1871–1919), пожалуй, самый известный, скандальный писатель в стране. Он с восторгом приветствовал первую русскую революцию, пытался ей активно содействовать: работал в большевистской газете «Борьба», участвовал в секретном совещании финской Красной Гвардии. В феврале 1905 года за предоставление квартиры для заседаний ЦК РСДРП царские власти заключили его в одиночную камеру. Благодаря залогу, внесенному Саввой Морозовым, ему удалось выйти на свободу. От преследований властей Андрееву приходилось скрываться за границей, в Германии. Там в 1906 году он пережил одну из самых страшных трагедий своей жизни — смерть при рождении сына любимой супруги Александры Михайловны Велигорской («дамы Шуры», как величал ее М. Горький), внучатой племянницы Тараса Шевченко, которую он «так долго ждал, о которой так много, много мечтал и так горько плакал в своем безысходном одиночестве…». Следствием переживания стали пессимизм и безысходность, отразившиеся в произведениях 1906–1908 годов, особенно в «Иуде Искариоте».

По словам его сначала самого душевно близкого друга, а затем самого непримиримого врага М. Горького «он был таков, каким хотел и умел быть — человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины».

Леонида Андреева можно считать предвестником французских экзистенциалистов Габриэля Маркеса, Альбера Камю, Сартра и других, чье творчество он предвосхитил.

На подростка — Лару сильное впечатление произвел литературный язык Андреева, напористый и экспрессивный, с подчеркнутым символизмом, с резкостью контрастов. Притягивали не только литературная слава и драматическая судьба Л. Андреева, но и его мужская привлекательность: красивое лицо с пристальным взглядом темных глаз, и «необычный строй возбужденной речи».

Л. Андреев приобщил Ларису к изящной словесности — и его влияние долго ощущалось в ее литературном творчестве. Может

быть, девочка испытывала к этому талантливому сильному мужчине юношескую влюбленность — кто знает? И писателю, безусловно, было приятно общение с красивым, забавным своей амбициозностью, юным существом, но не более.

В апреле 1906 года Андреев переехал жить в Финляндию. Ее северная природа, ее скалистые берега были сродни его мрачной натуре. Здесь он, по утверждению Горького, вел себя политически активно, выступал на митингах, печатал в газетах Гельсингфоса резкие отзывы о политике монархистов, но настроение у него было подавленное. Все-таки в это время он попытался заново устроить свою жизнь. 20 апреля 1908 года Андреев женился на Анне Ильиничне Карновской, своем секретаре, хотя больше ему нравилась ее сестра Анатолия.

Вся семья переехала в деревню Ваммельсуу недалеко от Петербурга, в знаменитый «дом на Черной речке», построенный по рисункам Андреева.

Уже на излете своей яркой жизни Лариса собиралась писать воспоминания о Леониде Андрееве, намечала издание альманахов «Моя первая любовь» и «Мой любимый писатель» с привлечением лучших беллетристов в честь поразившего ее воображение необыкновенного человека и самобытного писателя.

Не меньшее, но иначе окрашенное впечатление произвело на Ларису знакомство с Владимиром Михайловичем Бехтеревым, представителем древнего вятского рода, ученым заронивший в пытливый ум девочки интерес к тайнам мозга. Он основал первый в мире научный центр по комплексному изучению человека и научной разработке психологии, психиатрии, неврологии и других «человековедческих» дисциплин, организованный как исследовательское и высшее учебное заведение, ныне носящий его имя. В 1908 году в Петербурге начал работу основанный Бехтеревым Психоневрологический институт. В нем были открыты педагогический, юридический и медицинский факультеты. В 1916 году эти факультеты были преобразованы в частный Петроградский университет при Психоневрологическом институте. Позже Лариса будет заниматься в его институте вопросами бессмертия.

Раннее общение с незаурядными людьми отравило Ларису, воспитало в ней повышенные требования к людям и, может быть, интеллектуальный снобизм. Никогда не опустится она до общения с ординарными серыми личностями, всегда будет стремиться ввысь, к сияющему идеалу человеческого совершенства.

Подготовка к большой жизни

Леонид Андреев пригласил Рейснеров пожить некоторое время у него в финской деревне Ваммельсуу. Правда, через некоторое время он предложил им съехать — «выгнал», потому что они «злые». Но временные пристанища в любом случае не решали проблемы. Наконец, благодаря энергии и связям Михаила Андреевича, у семьи появилось постоянное жилище. В Петербурге, на Большой Зелениной, в доме герцога Лейхтенбергского, Рейснеры осели надолго: с 1907-го по 1918-й годы. Здесь имелись телефон, водопровод и ванная комната. Этот дом, украшенный уникальными мозаичными панно — раздутые ветром паруса, бегущие облака и на горизонте дымки из труб далеких кораблей — считается одним из лучших зданий в стиле декоративного модерна.

Бытие определяет сознание. Модерновый особняк и ранее недоступные удобства тоже послужили формированию сложного и причудливого характера Ларисы.

Балтийское море, тугие паруса, тяжелые волны, чайки, страсть к дальним странам, опасным странствиям определяли жизнь многих петербуржцев.

Федор, в то время еще Ильин, в 1900 году был отдан родителями в реальное училище (приют) принца П.Г. Ольденбургского: здесь давали бесплатное образование, которое, тем не менее, позволяло в дальнейшем учиться в университете. Здесь мальчик провел восемь лет жизни, бывая дома только по субботам. В 1907 году он лишился отца — из-за оговора прислуги, бездоказательно обвинившей его в изнасиловании, тот покончил с собой, вскрыв бритвой сонную артерию. «Помимо отца мой дед Александр Федорович и мой дядя Николай Александрович Петровы также покончили жизнь самоубийством, как передают, из-за женщин» — откровенничал Раскольников.

Эти свидетельства будут вспоминать после его загадочной гибели.

Федор окончил курс с наградой в «этом кошмарном училище, где еще не перевелись бурсацкие нравы, где за плохие успехи учеников ставили перед всем классом на колени, а поп Лисицын публично драл за уши…», и поступил на экономическое отделение Политехнического института, которое окончил в 1913 году. В сентябре того же года Федор стал слушателем Императорского Археологического института. Кроме того, он с увлечением занимался любимой им библиографией у профессора С. Венгерова. Счастливая внешность позволяла ему одновременно

работать статистом сразу в трех театрах: Александрийском, Михайловском и Комиссаржевской. Эти разноплановые увлечения не помешали вступлению в большевистскую партию (1910) и нелегальной революционной деятельности. Но истинным его призванием стала журналистика. В 1911 году Федор — сотрудник оппозиционной газеты «Звезда», в 1912 году — первым секретарь газеты «Правда». За антигосударственную деятельность он был арестован и осужден к административной высылке, впрочем, уже в начале 1913 года освобожден по амнистии. Неизвестно, что привлекало его больше: пресловутая борьба за социальную справедливость или острые волнующие приключения.

А гимназистка Лара Рейснер мучительно «искала себя». «Еще в гимназии, пребывание в которой было настоящей мукой для талантливой, живой девочки, она пишет драму «Атлантида», напечатанную в 1913 году издательством «Шиповник», — передавал рассказы подруги Радек. Редактором в альманахе «Шиповник» являлся Леонид Андреев — видимо, к этому времени отношения писателя и Рейснеров восстановились. «Эта драма, не выдержанная по форме, показывает уже направление мыслей Ларисы. Она изображает человека, который хочет своей смертью спасти общество от гибели… Девочка, написавшая эту драму, долгими ночами, сидя на постели, думала о человечестве и его страданиях. Это тем более интересно, что Лариса находилась в то время под непосредственным влиянием Леонида Андреева», известного «писателя-индивидуалиста, который был не только ее учителем в литературе, но и влиял на ее духовное развитие. Но он не мог отклонить ее от избранного ею пути».

Семья ликовала — в ней появился еще один гений. Журнальное издание пьесы «Атлантида» превратилось в событие, под знаком которого прошла вся зима.

Лара уже давно не была гадким утенком. Напротив, в ней проявилась редкая исключительная, породистая красота, которую она отлично осознавала. С 1913 года у Рейснеров жил старший сын Леонида Андреева Вадим. Семья отца постоянно проживала на Черной речке, а ему надо было ходить в 1 класс гимназии. Он очень тепло в своей повести «Детство» пишет о Рейснерах. Поселившись у них он сразу стал членом семьи, стал жить рейснеровскими интересами, их принятием и неприятием людей. Называя дом Рейснеров «четыреединым», Вадим Андреев особенно восторженно вспоминал Ларису: «Когда она проходила по улицам, казалось, что она несет свою красоту как факел и даже самые грубые предметы при ее приближении приобретают неожиданную нежность и мягкость. Я помню то ощущение гордости, которое охватывало меня, когда мы проходили с нею

узкими переулками Петербургской стороны — не было ни одного мужчины, который прошел бы мимо, не заметив ее, и каждый третий — статистика, точно мною установленная, — врывался в землю столбом и смотрел вслед, пока мы не исчезали в толпе. Однако на улице никто не осмеливался подойти к ней: гордость, сквозившая в каждом ее движении, в каждом повороте головы, защищала ее каменной, нерушимой стеной». К. Радек впоследствии писал о Ларисе: «Остзейская кровь ее отца удачно сочеталась в ней с польской кровью матери, наследие старой немецкой культуры ряда поколений строгих юристов — с пылкостью страстной Польши».

Учеба юной красавицы в престижной Бадаевской гимназии была омрачена «Бурцевской историей». Известный разоблачитель полицейских агентов, человек с довольно пестрой биографией Владимир Львович Бурцев с 1906 года, «используя контакты с информаторами-чиновниками политической полиции», стал специализироваться «на разоблачении провокаторов, внедренных охранкой в революционные партии, прежде всего в партию эсеров. Он опубликовал в своем сборнике «Былое» список под названием «Шпионы, предатели, провокаторы», среди которых были названы агенты охранки Е. Азеф, А. Гартинг, З. Гернгросс-Жученко и другие. В дальнейшем благодаря своим разоблачениям Бурцев приобрел широкую известность как в России, так и за рубежом. Владимир Львович публично объявил и о некоторых подозрительных связях Михаила Рейснера — уж не агент ли он охранки?

Рейснеров стали избегать, бывшие друзья не кланялись им на улице, почти никто не приходил в гости, что было почти катастрофой для семьи, не мыслящей себя без широкого круга интеллектуального общения. Более того, происходили скандалы на лекциях. Михаил Андреевич шумно оправдывался, собирал отзывы друзей, издал брошюру «К общественному мнению». Однако вопросы оставались. Например, диссертация профессора называлась довольно странно для вольнодумца: «О Божественном происхождении царской власти». Так что было трудно определить место Михаила Александровича в рабочем движении, назвать его убежденным революционером или завербованным провокатором. Дело так ничем и не кончилось, и осадок остался: «при царе писал доносы на революционеров, а теперь служит большевикам», — говорили уже после Октября.

«Подлая клевета Бурцева породила у Рейснеров недоверие к людям вообще. Настороженность была настолько болезненной, что Михаил Андреевич, когда его с кем-нибудь знакомили, прежде всего, спрашивал: А вы читали „Мой ответ Бурцеву?”, все

еще надеясь, что простой логикой можно уничтожить клевету». В 1911 году Л. Андреев предложил написать предисловие к первому тому своих сочинений Михаилу Андреевичу, что в определенной степени способствовало реабилитации последнего.

Но Ларисе пришлось сменить гимназию — гордая девочка не могла смириться с косыми взглядами и шепотками за спиной.

Досадная неприятность еще больше сблизила семью. И без того «горячая любовь друг к другу, а также высокомерное презрение к «чужим», бывшие движущей силой их жизни и самой яркой чертой, объединявшей всех членов семьи, в сущности, совсем различных», еще более усилились. Семья Рейснеров была подобна маленькому культурному очагу, литературному салону. Почти все современники отмечали, что «Рейснерам была свойственна игра на публику, стремление выделиться, прославиться… И свойство, часто встречавшееся среди тогдашней прогрессивной интеллигенции: забота обо всем человечестве при полном пренебрежении каждым человеком в отдельности. Все остальные — кроме немногих избранных — были призваны лишь быть зрителями тех спектаклей, которые Рейснеры ставили на сцене жизни».

Даже младший брат Лары, «Игорь, веснушчатый, острый, в мать, четырнадцатилетний мальчишка, был преисполнен гордостью: так, как он, никто не умел закинуть голову, одним взглядом уничтожить зарвавшегося одноклассника и выйти с достоинством из трудного положения. Игорь был стремителен, настойчив, всегда увлекающийся и беспокойный, казалось, он не мог ни на чем остановиться надолго… Рассказывал он легко, плавно, без труда находя все нужные слова, легко подчиняя ритму своих беспокойных рук длинные периоды, придаточные предложения, вводные слова, так что самая сложная фраза получалась у него круглой, завершенной, как будто готовой к печати».

На даче под Петербургом в июне 1910 года начала заполняться первая тетрадь стихов Ларисы Рейснер «Песни мои». Она писала увлеченно, отрешаясь на время творчества от всего. В голове теснились фантастические образы, рука непроизвольно тянулась к перу. Но совсем неверно представлять девочку бледным анемичным созданием, погруженным в книжный мир и кропающим слабые стишки. Любимые развлечения — лаун-теннис, дальние прогулки; зимой — фигурное катание на коньках, лыжи, танцы, все в окружении тучи поклонников, которым иногда, по настроению, перепадает пожатие крепкой горячей руки, страстный поцелуй. По воспоминаниям ее знакомого А. Лозинского, у нее было «хищное отношение к

жизни». Любимые слова «принцесса», «богиня», «царить», «царственность»…

Лариса окончила с золотой медалью женскую гимназию, поступила к В.М. Бехтереву в Психоневрологический институт, где служил отец, и одновременно стала посещать в университете в качестве вольнослушательницы цикл лекций по истории политических учений. Ей хотелось объять все вокруг, взять от жизни как можно больше, прогреметь все рано где — в поэзии ли, в политике, в этих наиболее модных сферах. «Бунтарский дух этой девушки возмужал на старых и трудных подлинниках, она судила мир, спрятавшись под суровую мантию Спинозы, и сквозь шлифованный камень его седой и целомудренной философии — писала Лариса на первой странице автобиографического романа «Рудин». Это имя тургеневского героя было особенно уважаемо в семье Рейснеров как символ борьбы за высокие идеалы человечности с пошлостью и несправедливостью.

Литературные течения

Рейснеры стремились занять соответствующее их богатым дарованиям место в литературных кругах. Крупнейшие петербургские издатели: А.С. Суворин, А.Ф. Маркс, М.О. Вольф в это время уступили Горькому с его издательством «Знание». Оно имело огромный престиж, ему были обязаны знаменитостью Леонид Андреев и другие современные писатели. Идея издавать коллективные «Сборники товарищества «Знание» оказалась плодотворной. Сборники выходили огромными тиражами и имели невероятный успех. Семья Рейснер считала себя вполне в силах составить всем этим издателям достойную конкуренцию.

Начало XX века оглушило поэтов и писателей предчувствием скорых перемен. Андрей Белый писал о «психической атмосфере рубежа веков». Символизм[16], зародившийся во Франции, именно в России реализовался как наиболее масштабное, значительное и оригинальное явление в культуре, внеся в это направление новое звучание, зачастую не имеющее ничего общего с французскими предшественниками. Пришло новое поколение символистов: Валерий Брюсов, Александр Блок, Константин Бальмонт, Максимильян Волошин, Эллис (Лев Кобылинский), Сергей Соловьев, Федор Сологуб…

Одним из самых известных литературных собраний Петербурга Серебряного века являлся религиозно-философский салон Мережковских (содружество Дмитирия Мережковского, Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Философова). Он находился в доме князя Мурузи в центре города на пересечении Литейной и Пантелеймоновской (сейчас Пестеля) улиц. Георгий Чулков вспоминал, что квартира Мережковских стала «своего рода психологическим магнитом, куда тянулись философствующие лирики и лирические философы». Здесь часто бывали общественные и религиозные деятели, и художники, и издатели, — все, кто не был равнодушен к культуре и вечным вопросам жизни и смерти. Главным магнитом салона была хозяйка, «декадентская мадонна» Зинаида Гиппиус, которую считали величайшей женщиной своего времени. Очень умная, богато одаренная и глубоко чувствующая, поэтесса обожала эпатировать общество: одеваться по-мужски, язвить остро и метко. Поэтому любили ее не все. Особенно отличилось известное семейство историков и писателей Соловьевых. Ольга Михайловна высказывалась лаконично: «Змея». Ее сын Сергей оказался более многословен:

Святая дева с ликом бляди
Бела, как сказочный Пегас,
К церковной шествует ограде
И в новый храм приводит нас.

Хитра как грек, и зла, как турка,
Ведет нас к Вечному Отцу
И градом сыплет штукатурка
По Зинаидину лицу.

Мужской стиль контрастировал с ее хрупкой фигурой, длинными рыжими волосами, за которыми поэтесса тщательно ухаживала, а также ее манерой обильно краситься. Один из ее верных поклонников Аким Волынский рассказывал: «Культ красоты никогда не покидал ее ни в идеях, ни в жизни. Вечером, опустивши массивные шторы, она любила иногда распускать поток своих золотых сильфидных волос. Она брала черепаховый гребень и проводила им по волосам, вызывая искорки магнетического света. Было в этом зрелище что-то предвечно упоительное».

Зинаида Николаевна занимала в литературе передовые позиции: при ее содействии состоялся литературный дебют Александра Блока, она вывела в люди начинающего Осипа Мандельштама, ей принадлежит первая рецензия на стихи тогда еще никому не известного Сергея Есенина.

Событием культурной жизни обеих столиц явилось возвращение в Россию из Германии в марте 1904 года наиболее влиятельного и культурнейшего из символистов, «русского европейца» Вячеслава Иванова. После выхода в свет первой книги стихов Иванова — «Кормчие звезды», ставшей новой главой в развитии русского символизма и с восторгом принятой критиками, он был безоговорочно признан лидером символистов. В 1905 году поэт поселился в Петербурге. Его квартира на шестом этаже дома на углу Таврической и Тверской улиц, известная как Башня, стала идейным центром, лабораторией» поэтов. «Башня» Вяч. Ив. Иванова играла роль, подобную «Дому Мурузи». На журфиксы по средам сюда съезжались все творческие силы Серебряного века: поэты, мыслители, художники. Андрей Белый в мемуарах с долей зависти писал о популярности Иванова: «Иванов сказал!» — «Был Иванов!» — «Иванов сидел». Словом: Иванов, Иванов, Иванов, Иванов! Как он умен, как мудрен, как напорист, как витиеват, как широк, как младенчески добр, как рассеян, какая лиса!»

«Лебедем надменным» вторгся в литературное общество «Серебряного века» Николай Гумилев — некрасивый, но необыкновенно обаятельный. Он посещал «башню» Вячеслава Иванова, где имел успех и после чего, по его собственному выражению «окончательно пошел в ход». Поэт познакомился с В.Э. Мейерхольдом, С.К. Маковским, М.А. Волошиным, который пригласил его к себе в Коктебель, Знакомство с Волошиным закончилось дуэлью из-за женщины, вернее, из-за ее мистификации. Загадочная испанка Черубина де Габриак, заочно влюблявшая в себя поэтов и издателей, оказалась хроменькой русской поэтессой Е.И. Дмитриевой, которая вместе с Волошиным мистифицировала всех из мести Гумилеву. Он якобы обещал на ней жениться, но не сдержал слова и вспоминал о романе с Елизаветой в очень грубых выражениях. Волошин вступился за честь возлюбленной и дал оскорбителю пощечину. Дуэль состоялась на Черной речке, там же, где стрелялись Пушкин с Дантесом. Но времена изменились: жертв не было.

В это время в Петербурге начали издаваться стихи Анны Ахматовой, которые очень скоро приобрели широкую популярность. Анне, в ее бытность Аней Горенко, Гумилев три раза делал предложение, но получал отказ. Они снова встретились в литературных салонах Петербурга и вскоре объявили о своей помолвке. Венчание состоялось в Киеве, где жила Анна, в апреле 1910 года. Все, кто знал эту пару, были уверены в недолговечности их союза.

На одном из вечеров в «Башне» Вячеслава Иванова произошел скандал: большинство восторгалось стихами Анны, но Гумилев сделал критическое замечание, на что услышал от своей жены «Все равно мои стихи лучше твоих!». Это стало началом большой ссоры, подпитываемой славословиями в адрес Анны со стороны «башенного» общества.

К этому времени супруги дали друг другу свободу в любви. Но связь Анны с Модильяни, с которым сам Гумилев ее и познакомил во время их путешествия во Францию, и к которому она уехала на деньги Гумилева, была для него мучительна. А Анна, узнав об отношениях Николая с В.А. Неведомской, устроила скандал и уехала к родным в Киев. Рождение сына Льва, казалось, примирило «Гумильва и Гумильвицу», но после отъезда Гумилева в Африку Анна нашла письмо от красивой и одаренной актрисы О.Н. Высотской о рождении у нее ребенка от Николая. Отсутствующий Гумилев не мог себя защитить.

Все перипетии этих сложных романтически-поэтических взаимоотношений широко обсуждались в творческой среде.

Рейснеры со своими литературными потугами были слишком

мелкотравчаты и для салона Мережковских, и для Башни, и могли только со стороны наблюдать перипетии этих волнующих событий.

Впрочем, они заняли собственную нишу в творческих кругах.

Лариса вошла в мир петроградской богемы, стала постоянной участницей поэтических вечеров и завсегдатаем нескольких ресторанов, где происходили встречи творческой молодежи. К этому времени относится ее дружба с Михаилом Леонидовичем Лозинским (1886–1955), «взрослым» мужчиной, поэтом и переводчиком, редактором журнала Аполлон. «Очаровательный, изумительный, единственный Лозинский, большой, широкоплечий, дородный. Не толстый, нет, а доброкачественно дородный. Большелицый, большелобый, с очень ясными большими глазами и светлой кожей. Какой-то весь насквозь добротный, на иностранный лад, вроде василеостровского немца. Фабрикант, делец, банкир. Очень порядочный и буржуазный. И безусловно, богатый» — писала о нем Ирина Одоевцева.

Сын известного юриста и страстного коллекционера книг Л.Я. Лозинского, он прослушал курс лекций в Берлинском университете и получил два диплома Петербургского университета — юриста (1909) и филолога (1911). Как много общих воспоминаний! Как много сходства во взглядах! Лозинский приходился дальним родственником А. Блоку, был участником «Цеха поэтов». Дружеские отношения связывали его с О. Мандельштамом, А. Толстым, Н. Гумилевым. Красавица Лариса познакомилась через нового друга со многими «властителями умов» и ощутила себя равной среди равных.

Действительно, она писала изощренную многословную прозу и иногда «творила» декадентские стихи. Поэтическое наследие Ларисы Рейснер составило двухтомник, выпущенный после ее смерти. Особенные восторги вызывало стихотворение, которое приводится почти во всех ее биографиях:

Палитру золотит густой, прозрачный лак.
Но утолить не может новой жажды:
Мечты бегут, не повторяясь дважды.
И бешено рука сжимается в кулак.

Апрельское тепло не смея расточать,
Изможденный день идет на убыль,
А на стене все так же мертвый Врубель,
Ломает ужаса застывшую печать…

В.А. Злобин, критик и публицист, в написанном в эмиграции рассказе «Ларисса» поведал о своих встречах с нею и ее отцом, коснулся и истории возникновения литературного журнала «Богема». «Издавать журнал — настоящий, — было и в те времена в России делом не легким. Но все как-то устроилось довольно быстро, что теперь мне кажется несколько подозрительным. Михаил Андреевич Рейснер стал президентом Российской академии наук при большевиках не случайно. Думаю, что его связь с коммунистической партией была крепкая, давняя, хотя прямых доказательств этому у меня нет. Так что возможно, что «Богема» издавалась на большевистские деньги. С третьего номера среди сотрудников началось «брожение» и нелады, в которых я разбирался плохо, но был неизменно на стороне Лариссы. В конце концов мы с нею вышли из состава редакции, передав журнал главе «оппозиции», поэту Алексею. Лозине-Лозинскому (1886–1916). Вести журнал он был совершенно неспособен, и через два-три номера — не помню точно — издание прекратилось».

Отец ввел свою очаровательную дочь в круг профессиональных литераторов, где она привлекла внимание многих не столько яркой индивидуальностью, сколько юностью и красотой «У меня голова, психика, область абстрактной мысли, объективного познания и личных субъективных переживаний не отделены друг от друга непроницаемыми перегородками. То, что переживает одна часть мозга и нервов, переживается всем организмом. Для меня умственная жизнь не есть трудный и мучительный экзамен, который я сдаю ради интеллигентского аттестата зрелости», — писала она А. Лозина-Лозинскому, одному из своих горячих поклонников. Этот оригинальный незаурядный поэт, писавший под псевдонимом «Любяр», потеряв ногу, несколько раз пытался покончить с собой. Он прожил всего 29 лет.

Георгий Иванов вспоминал: «…я получил повестку общества "Медный всадник" на заседание памяти поэта Любяра. На этот раз самоубийца-неудачник своего добился». Собравшаяся молодежь скоро забыла о поводе, по которому собралась, начались разговоры, шутки, какой-то случайный молодой человек спел, аккомпанируя себе на рояле, куплеты… Вечер превратился в фарс. Лариса расплакалась, топала ногами и обвиняла присутствующих в черствости и бестактности, кричала, что пришла на вечер памяти поэта, а ее угощают пошлостью. И далее: «Вечер был безобразный, что и говорить. Но… мне казалось, что, может быть, именно такими поминками был бы доволен этот несчастный человек».

Ларисе довелось жить в героическую эпоху: старое отчаянно боролось за жизнь, мучительно нарождалось новое. Петербург сотрясали выступления сторонников различных партий. Все вокруг стали политиками. Гениальные мысли теснили голову, их остро хотелось поведать городу и миру. В этом отец с дочерью были солидарны. В результате появился новый журнал «Рудин».

К. Радек после смерти подруги придает стремлению Рейснеров к самовыражению идеологический смысл: «Они закладывают последнее, чтобы получить средства на издание журнала «Рудин», начать борьбу с предателями международной солидарности. Только политическим одиночеством семьи Рейснер, отлично известным охранке, объясняется возможность появления подобного журнала. Иначе достаточно было бы беспощадно злых карикатур на Плеханова, Бурцева и Струве, чтобы его прикрыли. Борьбу с цензурой и с материальными затруднениями вела девятнадцатилетняя Лариса, и она же вела в журнале идейную борьбу блестяще отточенными стихами и острыми саркастическими заметками». Сатирически-оппозиционный журнал был довольно тонок, имел мягкий переплет и большой формат, на обложке — виньетка с профилем тургеневского героя.

А. Блок невысоко оценивал журнал «Рудин»: «До тошноты плюющийся злобой и грязный, но острый… Журнальчик очень показателен для своего времени: разложившийся сам, он кричит так громко, как только может, всем остальным, что и они разложились». В нем Лариса выступала под псевдонимом «Л. Храповицкий» — претензии на родство с сановником не были забыты, а баронский титул уже использовался Михаилом Андреевичем.

Семейный «мушкетерский квартет» выступал дружно, каждому находилось дело. Даже мать, «маленькая, худенькая и презлющая женщина, Екатерина Александровна», внезапно открыла в себе литературный талант.

Свой журнал иметь приятно.
Пишет папа, пишет дочь,
Мама написать не прочь,
И одно лишь непонятно —
Почему читатель прочь?

— иронизировал поэт и критик Ю.Н. Либединский. (Познакомившись через несколько лет с вернувшейся в Россию из Афганистана Ларисой и попав под очарование ее красоты, Либединский наверняка сожалел о своем острословии).

Лариса напечатала в «Рудине» 9 литературно-критических статей и рецензий, что в таком юном возрасте само по себе являлось довольно необычным. Наряду с критическими заметками было опубликовано 10 ее стихотворений: «Сонет», «Памяти Камилла Демулена», «К Медному всаднику» и др., которыми все родные и знакомые искренне восхищались.

Привлечены были молодые дарования: О. Мандельштам, Вл. Злобин, С. Кремков, Вс. Рождественский, Л. Никулин и другие. Из писателей старшего поколения однажды выступил Б. Садовский, был приглашен, но не участвовал А.С. Грин. Журнал изобиловал политическими карикатурами, автором которых выступал студент Академии художеств Е.И. Праведников. Его стиль отличала наряду с незаурядным талантом чудовищная злость.

Создание творческого коллектива во многом определялось присутствием Ларисы: Сергей Кремков и Всеволод Рождественский всю жизнь оставались ее верными поклонниками, восторженно отзывался о Ларисе в мемуарах Лев Никулин…

«Стройная, высокая, в скромном сером костюме английского покроя, в светлой блузке с галстуком, повязанным по-мужски, — так со сдержанным восхищением описывал ее поэт Всеволод Рождественский. — Плотные темноволосые косы тугим венчиком лежали вокруг ее головы. В правильных, словно точеных, чертах ее лица было что-то нерусское и надменно-холодноватое, а в глазах острое и чуть насмешливое».

Складывается впечатление, что родители совершенно сознательно использовали привлекательность дочери для создания себе положения в литературном бомонде. Так, Владимир Злобин вспоминал: «В Лариссе /так у автора/ мне нравилось все: как она играет в теннис и как на коньках катается. Нравились и ее стихи, которым я и многие мои приятели-поэты жгуче завидовали. Молодому и совсем еще неопытному студенту-первокурснику, каким я тогда был, казалась она чудом непостижимым. Впрочем, кто из знавших Лариссу Рейснер не был ею увлечен хотя бы мимолетно?»

Не имеющий четкой политической программы, адресованный довольно узкому кругу интеллигенции, «Рудин» не оправдал возложенных на него надежд и не нашел своего читателя.

В мае 1916 года журнал прекратился на 8-м номере, просуществовав всего полгода.

Судя по воспоминаниям Вл. Злобина, папа и мама Рейснер дали ему понять, что пора делать предложение. Молодой человек в плане интеллектуального развития подходил их очаровательной дочери, к тому же происходил из богатой и просвещенной купеческой семьи. Однако Лариса предложения не приняла,

прямо заявив претенденту, что его не любит. Приняв отказ с некоторым облегчением, Злобин остался «другом» и в этом качестве сопровождал ее вместе с еще одним молодым человеком в путешествии на лодке вниз по Волге. Здесь ему открылись новые качества красавицы. «Во время плаванья, длившегося около недели, я, между прочим, заметил, что Ларисса не то что к природе нечувствительна, но как-то вне ее. Она и восхищалась ею и многое замечала, но воспринимала ее как нечто постороннее, неживое…».

Однако Лариса смогла красиво описать природу в письмах родителям: «Милые котики, пишу из Костромы, куда приехали после трех дней путешествия. Описать всего этого невозможно. Но на дно моего я легли черные ночи с блуждающими просветами, журчащие воды под веслами, непрерывные, то желтые, как шафран, берега, то высокие заросли и эти бесконечно умиротворенные, белоснежные церковки, над которыми встают радуги… Володя говорит, что мы сейчас как после бала: так свободно устали, так легки и спокойны. Вот что дала Волга».

Однако силы природы пугали девушку. Во время грозы она «губы стиснула, дрожит, вся ссохлась, потемнела, но главное, стала совершенно похожа на свою неприятную, злую мать. Точь-в-точь Екатерина Александровна, напуганная грозой», — замечал Злобин.

Вскоре он познакомился с Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус и выкинул из головы красивую Лариссу со всеми ее «сложностями» — он навсегда связал свою жизнь и судьбу с этими необыкновенными людьми.

Но какое-то необременительное общение продолжалось. Как-то Злобин провожал ее на трамвае. «Ларисса не рыдала, но говорила страстно, без конца о «роковых ложных шагах», о каких-то рушащихся на нее «огненных стенах». Я молчу. Мне не только скучно, но и стыдно. Какая упорная!» Совершенно излечившийся от увлечения, Злобин был неприятно удивлен, когда Лариса позвонила ему, чтобы пригласить помочь выбрать материал на платье для их бракосочетания.

Это ложное положение вынудило Владимира объясниться: «Это письмо, может быть, причинит Вам боль, но я, все-таки, должен написать, так как не могу скрыть от Вас правду, после того, как она стала ясной для меня, Мне кажется, что то чувство, которое я испытываю к Вам теперь — не может называться любовью, и потому мне пока тяжелы личные отношения. Я глубоко верю в Ваше дело и в дело Вашего журнала и готов всей душой работать в этом направлении, что и докажу в будущем. Для этого я решил уйти — как от Зинаиды Гиппиус, так и из

нашего кружка. Я глубоко перед вами виноват. Если Вы можете — простите».

Но уйти от Мережковских ему не удалось никогда — вся его жизнь была посвящена заботе об этой звездной паре. И в эмиграцию Владимир Злобин, бессменный секретарь Гиппиус, последовал за ними, и самое знаменитое его прозаическое произведение посвящено несравненной Зинаиде.

Рейснеровский журнал просуществовал недолго. «Эта борьба с предателями международной солидарности — повествовал Радек, — неминуемо должна была кончиться. Как всякая война, она требовала денег, а денег не было. Когда уже нечего стало закладывать, журнал прекратил свое существование. Лариса начинает сотрудничать в «Летописи», в единственном в то время легальном интернационалистическом журнале».

Война и переворот

В это время две группы держав соперничали в борьбе за экономическое и политическое влияние в мире. Противостояние переросло в Первую мировую войну.

Среди эзотериков существует мнение, что в 1914 году произошло завершение очередного космического цикла и на смену эре Рыб (ассоциируемой с христианством) пришла бурная эпоха Водолея, в которой будут господствовать доктрины, представляющие синтез различных вероучений и современных научных достижений. Древние знания появятся снова, раскрывая людям тайну творения.

Символом наступления новой эры в истории человечества, слияния верований и национальных идей явилась первая мировая война. Действительно, тема интернационализма была исключительно популярна в начале 20-го века. Вся Европа пришла в движение.

Война разразилась совершенно неожиданно и к полному недоумению миллионов европейских обывателей — нет числа свидетельствам об этом. Основной версией объяснения катастрофы, прочно закрепившейся в истории, стала роковая цепочка событий, развивавшихся по принципу «падающего домино».

В Москве и в Петербурге взрыв патриотического воодушевления был необычайный. Никогда еще в России, по крайней мере с 1812 года, не было такого согласия и единодушия между людьми.

Чуть ли не каждый день происходили совещания в разных группах интеллигенции. Все были совершенно уверены в близкой победе, все ожидали перехода к настоящему конституционному правлению и создания ответственного перед Думой правительства.

26 июля 1914 года шесть меньшевистских и пять большевистских депутатов Государственной думы осудили начавшуюся Первую мировую войну как империалистическую, захватническую с обеих сторон. Однако вскоре среди меньшевиков появилось «оборонческое» течение (Плеханов, Потресов и другие), сторонники которого признавали войну со стороны России оборонительной, а проигрыш войны полагали не только национальной трагедией, но и ударом по всему русскому рабочему движению. Плеханов призывал голосовать в Думе за военные кредиты. Но большее число меньшевиков призывало к скорейшему заключению всеобщего демократического мира без

аннексий и контрибуций, как пролога к европейской революции и выдвигая лозунг «Ни побед, ни поражений», став таким образом на путь «скрытого пораженчества». Такую позицию называли «интернационалистической», а ее приверженцев — «интернационалистами». При этом меньшевики-интернационалисты, в отличие от большевиков-ленинцев, не призывали «превратить мировую войну в войну гражданскую».

С началом мировой войны репрессии правительства в отношении проводивших пораженческую политику большевиков усилились: в июле 1914 года была закрыта «Правда», в ноябре того же года были сосланы в Сибирь члены фракции большевиков в Государственной думе. Закрывались и нелегальные организации.

Война разделила общество на две половины: ее сторонников и противников. Одни разделяли патриотический восторг, другие пребывали в унынии и растерянности. Дух патриотизма царил во многих семьях, но Рейснеры считали войну катастрофой. Известное русофильство Андреева привело его в стан патриотов. Он возненавидел Европу за то, что она может позволить себе быть сытой и спокойной, когда в России льется кровь. Глубоко ощущавший сопричастность с Россией, писатель еще раз, теперь уже окончательно, порвал с семьей Рейснер.

Женщины Российской империи самым активным образом занимались благотворительной помощью. Многие записывались в сестры милосердия, даже не будучи профессионально подготовленными. Они проходили специальные краткосрочные курсы. Очень много девушек и молодых женщин из разных сословий участвовали в этом движении — начиная от членов императорской семьи до представительниц самых простых профессий. Были специальные делегации Российского общества Красного Креста, которые посещали лагеря военнопленных, наблюдали за их содержанием, причем не только на территории России, но и за границей. Выезжали в Германию, Австро-Венгрию, что даже в условиях войны было осуществимо при посредничестве международного Красного Креста. Ехали через третьи страны, в основном через Швецию и Данию.

Но подобный род деятельности даже не рассматривался прекрасной Ларой.

Позже Лариса вспоминала это время «Страшные были дни. Торговцы солдатскими сапогами достраивали уже на Островах дворцы, похожие на греческие храмы или обсерватории… На месте срытых дворянских гнезд росли домины с лестницами, … о которых вся страна знала, сколько они стоили шинелей, портков и сапог, украденных с кровавых полей. Кирпичи для этих

построек резались из сырого человеческого мяса, и война дышала над петербургской гарью новеньких автомобилей и трупной вонью, которую ежедневно приносили с оттаявших Мазурских озер, от Карпат и из Галиции ликующие страницы продажных газет».

Девушка сознавала и предчувствовала, что все неминуемо должно измениться.

1915 год стал переломным и в жизни Федора Ильина (Раскольникова). Еще в 1912 году, за работу в большевистской газете «Правда» он был арестован и после пяти месяцев тюрьмы приговорен к ссылке. Но его мать, подняв «генеральские» связи, сумела оставить сына в столице для лечения. Федор на полгода был устроен в Психоневрологический институт. Здесь он познакомился с Семеном Рошалем, который вел активную большевистскую пропаганду среди студентов. Между молодыми людьми завязалась крепчайшая дружба, какая бывает только в молодости. Брат Федора, Александр, тоже большевик, был исключен из гимназии и уехал учиться в Швейцарию, за что и получил впоследствии псевдоним Ильин-Женевский.

Теперь Федор был призван на флот, но служить матросом не пошел. С детства унизительная и тяжелая служба нижних чинов в армии проходила перед его глазами. Хотя ему уже исполнилось 23 года, он поступил в Морской корпус в Отдельные гардемаринские классы, готовившие офицеров корабельной службы. Его однокашниками были в основном семнадцатилетние подростки. Сразу же всех первокурсников отправили в учебное плавание на Дальний Восток и в Японию. Что было дальше, неясно. В одних источниках утверждается, что 25 марта 1917 года Федор Ильин был выпущен в звании мичмана. В других — что после Февральской революции он бросил Морской корпус, окончив полностью лишь один курс, и тут же был отправлен к месту службы в Кронштадт.

В российском обществе поднялась волна патриотизма, в народе начали распространяться антинемецкие настроения. В Петербурге было разгромлено германское посольство, горели представительства немецких фирм. В Москве забросали камнями карету великой княгини Елизаветы Федоровны, старшей сестры императрицы, Гессен-Дармштадтской принцессы Александры Федоровны. Германофобские настроения были так сильны, что 18 августа столица Российской империи перестала называться Санкт-Петербургом и стала Петроградом.

Первая мировая война явилась поворотным моментом в истории российского государства. Из-за тотальной коррупции в верхах русские войска несли поражение по всем фронтам. На 300

выстрелов с австро-венгерской стороны приходился лишь один с российской. У русских солдат не хватало не только снарядов, но и ружей, патронов и даже canon Командование отдавало приказы «не тратить патронов понапрасну», «забирать патроны у раненых и убитых». Дошло до того, что из штаба Юго-Западного фронта разослали телеграмму о создании пехотных рот, вооруженных алебардами.

Отступление сказалось на внутриполитической ситуации в стране. Под давлением либеральных кругов Николай II отправил в отставку непопулярных министров. Однако и это уже не могло спасти ситуацию.

В Москве начались народные волнения, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, повешения Распутина. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в своих мемуарах утверждал, что были попытки «устранить, уничтожить» императрицу. Инициатором такой идеи он называл великую княгиню Марию Павловну, которая якобы внесла такое предложение в одной из приватных бесед.

Явные антигерманские выступления удалось подавить, но с огромным трудом. 13 февраля 1917 года Родзянко сообщает генералу В.И. Гурко, что, по его сведениям, «подготовлен переворот» и «совершит его чернь».

Февральская революция 1917 года была неизбежна, так как продолжали существовать все проблемы, которые остались нерешенными после первой революции 1905 года — тяжелое положение рабочих и крестьян, политическое бесправие, спад авторитета самодержавной власти и ее неспособность провести реформы. К этому прибавилось унижение от поражений на фронтах.

Неуправляемые и разношерстные революционные массы, не брезгуя убийствами и грабежами, погрузили город в хаос. 27 февраля солдаты заняли Таврический дворец. Петроград оказался полностью во власти восставших.

Настоящая трагедия разыгралась в Кронштадте, который захлестнула волна самосуда, вылившаяся в убийство более ста офицеров Балтийского флота, элиты российских вооруженных сил. Началось с того, что матросов-анархистов выгнали из захваченного ими особняка. Большевики решили заступиться за «обиженных» и устроили в центре Кронштадта многолюдную демонстрацию, куда Раскольников привел 10 тысяч матросов с оружием. Но сторонников правительства оказалось больше: после беспорядочной стрельбы демонстранты разошлись, а на другой день начались аресты. Ф. Раскольников вспоминал, как ночью 28

февраля 1917 года «воинские части одна за другой с оркестрами музыки стали выходить на улицу. Герой русско-японской войны адмирал Н.Р. Вирен был растерзан толпой. В тот же день погибли контр-адмирал А.Г. Бутаков и еще 35 офицеров. Избежавших расправы офицеров арестовали». Раскольников упоминает об издевательствах над ними: «В арестном помещении полуэкипажа находилось в заключении несколько офицеров, которых командир трудолюбиво обучал пению «Интернационала», похоронного марша и других революционных песен».

Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «В Кронштадте и Гельсингфорсе убито до 200 офицеров… Командующий Балтийским флотом адм. Непенин телеграфировал: "Балтийский флот, как боевая единица, не существует. Пришлите комиссаров Временного правительства. Поехали депутаты. Когда они выходили с вокзала, а Непенин шел к ним навстречу, — ему всадили в спину нож,[17]… прямо на глазах у депутатов правительства».

Но судьба отвернулась от революционеров. В июле 1917 года Федора вместе с его закадычным другом Семеном Рошалем посадили в «Кресты», где одновременно оказался и Троцкий. Оба молодых революционера стали его горячими поклонниками, что позже стоило Раскольникову карьеры, а в конечном счете, и жизни.

С 1905 года Россия последовательно шла по пути превращения в буржуазную республику. Происходило это при формальном сохранении монархии, но та становилась все более декоративной. М. Родзянко написал в Москву письмо Николаю II о положении в стране. 10 (23) февраля 1917 года он был принят императором на высочайшей аудиенции, которая прошла чрезвычайно холодно со стороны Императора. Родзянко Николай не доверял и, вероятно, считал, что тот нарочно сгущает краски. Но о том же телеграфировали из мятежного Петрограда брат Михаил и премьер, князь Голицын. Между тем, Родзянко считал необходимым сохранить монархию.

2 марта император Николай II вынужден был отречься от престола. Власть перешла к Временному правительству. Царская семья содержалась под домашним арестом в Царском селе. Петроградский Совет потребовал суда над бывшим царем и 8 марта даже принял постановление о заключении его в Петропавловскую крепость, но Временное правительство отказалось его выполнить.

На фронте начались знаменитые братания с неприятелем. Благодаря амнистии, объявленной Временным правительством, большевики вышли из подполья. Из ссылки и политического

изгнания вернулись десятки революционеров, которые уже вынашивали планы нового государственного переворота. В воинских частях принялись избирать солдатские комитеты, которые стали зачастую отменять приказы командиров.

Назначенный в марте 1917 года военным министром Александр Керенский объезжал войска на фронте и выступал с пламенными речами. На июнь 1917 года было намечено широкомасштабное наступление.

Однако главный политический вопрос о власти оставался нерешенным. В стране образовалось двоевластие, которое еще больше раскололо российское общество. За Февральским последовал Октябрьский переворот под лозунгом «Вся власть советам!»

И Февральскую революцию, и большевистский переворот семья Рейснер приняла восторженно. Так же приветствовал ее кумир Ларисы Леонид Андреев. Однако в отличие от экзальтированных Рейснеров его эйфория убывала по мере того, как большевики укрепляли свои позиции. Уже в сентябре 1917 года он писал, что «завоеватель Ленин» ступает «по лужам крови». Противник любого насилия, он не смог смириться и с большевистской диктатурой. В октябре 1917 года писатель снова уехал в Финляндию, что стало фактически началом эмиграции.

Имя Федора Раскольникова давно ушло в тень его знаменитых соратников. Но в годы, когда решалась судьба новой власти, он был на острие главных событий. Раскольников прославился как один из организаторов неудавшегося большевистского мятежа 3–5 июля 1917 года. Для партии большевиков провал июльского выступления закончился репрессиями и запрещением; для Раскольникова — тюрьмой, в которой условия пребывания позволяли читать, писать и общаться с другими заключенными. Затем, сразу после октябрьского переворота в Петрограде он усмирял антибольшевистское восстание в Москве. Это по его приказу подчиненные ему красноармейцы палили из пушек по Кремлю, в упор расстреляли сдавшийся гарнизон. Это его бойцы еще несколько дней отлавливали и расстреливали на месте мальчишек-юнкеров по всей первопрестольной. Раскольников несет личную ответственность за расстрел множества офицеров царского флота, отказавшихся изменить присяге.

Такие «подвиги» не прошли мимо внимания вождей революции и способствовали его возвышению.

Параллельно революционным преобразованиям продолжалась жизнь богемы. Георгий Иванов, «Жорж опасный», самобытный поэт «Серебряного века», по словам А. Блока —

«один из самых талантливых среди молодых стихотворцев», в котором «было что-то особенное, не поддающееся определению, почти таинственное», не мог равнодушно пройти мимо такого яркого явления, как блистательная Лариса: «Была барышня Лариса Рейснер, писала стихи про маркизов. За барышней ухаживали, над стихами смеялись», — вспоминал Иванов. «Стихи ее мне чрезвычайно не нравятся, манера держаться — тоже. Она держится «по-московски»: в одно и то же время и «декаденткой», и синим чулком, и «товарищем», и потрясательницей сердец. На мой «петербургский» взгляд, все это достаточно безвкусно». Но и он пленен, покорен, очарован юной красотой девушки.

Во время учебы в Психоневрологическом институте у Бехтерева и занятий в литературном кружке Лариса познакомилась с незаурядным человеком, чья любовь к ней сохранилась на всю жизнь, — Вивианом Итиным. Его романтические устремления были выше революционных; политические амбиции отсутствовали. Он призывал Ларису, «принцессу революции»: «Будем выше…» Он писал стихи, на которых сказывалось косвенное влияние кумира культурного общества Николая Гумилева:

Ведь где-то есть еще поэзия,
Есть бесконечная весна,
И голубая Полинезия,
И голубая тишина.

Там никогда не слышно выстрелов,
Там небо нежное, как лен.
Я вместо страшных клеток выстроен
Дворец из пальмовых колонн.

Туда с тобой, мой друг единственный,
Уйдем в зеленый монастырь,
Где всюду океан таинственный,
И солнце, и ветра, и ширь.

Его намерения были предельно честны и благородны (и поэтому несколько скучны) — жениться на любимой девушке и посвятить жизнь любви к друг другу.

Он был среднего роста, тонкий, стройный, тщательно выбритый и гладко причесанный на английский манер. Тонкое, умное, всегда сосредоточенное лицо. Итин редко улыбался, но и

во время улыбки лицо его оставалось задумчиво-грустным… Впоследствии Лидия Сейфулина прозвала его «Спящим царевичем».

Цену жизни и смерти он потом узнал, пройдя в гражданскую войну всю Сибирь в составе Пятой армии Тухачевского.

Но Лариса в сознании своей красоты и исключительности не разменивалась на мелочи — она ждала или великой известности как какая-нибудь Теруань де Меринкур (исключая ее ужасный конец), или великой любви, встречи с необыкновенным героем, достойным ее совершенства.

Богема

За два года до войны Алексей Толстой, впоследствии «Красный Граф», с друзьями в поисках места, где можно было бы отпраздновать новый 1912 год, присмотрели подвал во дворе дома Жако на площади Искусств. Они стали собираться там все чаще, назвав подвал клубом «Бродячая собака». Название было придумано от возникшей ассоциации творческой интеллигенции с никому не нужной бесприютной бродячей собакой. Здесь антрепренер Борис Пронин открыл арт-подвал, или артистическое кафе «Бродячая собака», которое вскоре стало одним из центров культурной жизни Серебряного века.

Многие зажглись идеей клуба для богемы. Стены большей из двух комнат кафе расписал художник Сергей Судейкин. «Не вмещаясь на стенах, вползали на потолок изгибы фантастических цветов; все в причудливых позах арапчата перемешивались с белокожими дамами, детьми, птицами; нарочито-яркое смешение красного и зеленого производило на неподготовленного зрителя впечатление, ведущее к обмороку». Николай Кульбин расписал меньшую комнату в духе кубизма, раздробив плоскость стен разноцветными геометрическими формами, хаотически налезающими друг на друга. Другой художник — Мстислав Добужинский создал эмблему клуба — симпатичную ушастую собачонку, попирающую лапой трагическую маску. А прообразом пса послужила «маленькая и злобная дворняжка Мушка», которую Сергей Судейкин купил у бродяги за два серебряных рубля.

В «Собаке» устраивались театральные представления, лекции, поэтические и музыкальные вечера. Именно там впервые читались многие стихи и звучали музыкальные пьесы. «Основной предпосылкой ”собачьего” бытия было деление человечества на две неравные категории: на представителей искусства и на "фармацевтов”, под которыми подразумевались все остальные люди, чем бы они ни занимались и к какой бы профессии они ни принадлежали», — вспоминал поэт-футурист Бенедикт Лившиц. «В этот артистический подвал акмеисты и их друзья съезжались обыкновенно после полуночи, а расходились — только под утро». В своем известном мемуарном произведении «Петербургские зимы» Георгий Иванов живописал уклад жизни и нравы этого круга. Собирались «поздним вечером — после 12 и сидели всю ночь. Сводчатые комнаты становились к утру чуть волшебными, чуть «из Гофмана»: кто-то читает стихи… кто-то ссорится, кто-то объясняется в любви… расходились под утро, Гумилев с Ахматовой уезжали на утреннем поезде в Царское село… Вот

стиль жизнь был у людей… Отоспаться — и снова за стихи».

Ему вторил Бенедикт Лившиц: «Затянутая в черный шелк, с крупным овалом камеи у пояса, вплывала Ахматова, задерживаясь у входа, чтобы по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина вписать в «свиную» книгу свои последние стихи, по которым простодушные «фармацевты» строили догадки, щекотавшие их любопытство. В длинном сюртуке и черном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступал, пятясь между столиков, Гумилев, не то соблюдая таким образом придворный этикет, не то опасаясь «кинжального взора в спину».

Красивые талантливые раскрепощенные женщины создавали непередаваемую атмосферу В большой моде был образ «женщины-вамп». Тэффи (Надежда Лохвицкая), в рассказе «Демоническая женщина» списала этот образ с Паллады Богдановой-Бельской, самой известной куртизанки Петербурга начала XX века, своего рода достопримечательности клуба. «Демоническая женщина отличается от женщины обыкновенной, прежде всего, манерой одеваться. Она носит черный бархатный подрясник, цепочку на лбу, браслет на ноге, кольцо с дыркой «для цианистого калия, который ей непременно пришлют в следующий вторник», стилет за воротником, четки на локте и портрет Оскара Уайльда на левой подвязке. Носит она также и обыкновенные предметы дамского туалета, только не на том месте, где им быть полагается. Так, например, пояс демоническая женщина позволит себе надеть только на голову, серьгу на лоб или на шею, кольцо на большой палец, часы на ногу».

Паллада была в моде, пользовалась бешеным успехом. Ее поносили, ею восхищались, ей подражали.

Уродливый и бледный Гумилев
Любил низать пред нею жемчуг слов,
Субтильный Жорж Иванов — пить усладу
Евреинов — бросаться на костер.
Мужчина каждый делался остер,
Почуяв изощренную Палладу…

Игорь Северянин, 1910-е гг.

Была популярна прекрасная актриса Ольга Высотская, родившая от Гумилева сына Ореста. Блистала «Коломбина десятых годов», первая жена Судейкина, разносторонне талантливая Ольга Глебова; сверкала красотой и вторая жена художника, роскошная Вера Шеллинг, на которой он женился, не

потрудясь развестись с Ольгой. Вера Гартевельд, жена композитора Георгия Гартевельда, проводила много времени в «Бродячей собаке» и была «очарована собственной внешностью»: «я сама собой восхищалась, и часто меня охватывало желание встать из-за стола и посмотреться в зеркало, чтобы снова почувствовать удовольствие быть красивой». На диване у камина устраивалась Анна Ахматова. «В полутьме сидела она, покуривая тонкую папироску в длинном мундштуке, попивая кофе, всегда в окружении влюбленных мужчин и женщин с глазами, словно углем нарисованными…». Здесь бывали Мариетта Шагинян, Кузьмина-Караваева, Мария Моравская, М.А. Кузмин, В. Хлебников, И. Северянин и другие, чьи имена украсили и обогатили эпоху..

В эмиграции, мысленно возвращаясь в те чудесные времена, в «Собаку», Георгий Иванов писал

> В тринадцатом году, еще не понимая,
> Что будет с нами, что нас ждет —
> Шампанского бокалы подымая,
> Мы весело встречали — Новый Год.

Целых полтора года из трех отпущенных ей судьбой «Бродячая собака» была, как первоначально задумывалось, «только для себя, для своих, для друзей, для знакомых. Было замечательно и интимно». «Фармацевты» лишь изредка робко пробивались, чтобы поглазеть на «богему» и заплатить за их выпивку…

В этот замкнутый мир благодаря своей исключительной красоте и литературным притязаниям вошла и Лариса Рейснер.

Здесь, в главном кабаре Серебряного века в 1914 году она впервые увидела героя «романа всей своей жизни». Ее выбор пал на властителя умов молодежи, Николая Степановича Гумилева (1886–1921), человека необыкновенно одаренного, страстно влюбленного в Африку и экзотические путешествия. Лидер от природы, «рыцарь с открытым забралом», признанный поэт, глава акмеистов, герой войны, дамский баловень, изнеженный вниманием публики — он производил огромное впечатление.

Акмеисты[18] были не столько организованным течением, сколько группой талантливых и очень разных поэтов, которых объединяла личная дружба. Акмеисты, или — как их еще называли — «гиперборейцы» (по названию печатного рупора акмеизма, журнала и издательства «Гиперборей»), сразу выступили единой группой.

Осенью 1911 года в знаменитой «Башне», где собиралось

поэтическое общество и проходило чтение и обсуждение стихов, вспыхнул «бунт». Надежда Мандельштам так описывает этот случай: «"Блудный сын" Гумилева был прочитан в "Академии стиха", где княжил Вячеслав Иванов, окруженный почтительными учениками. Он подверг "Блудного сына" настоящему разгрому. Выступление было настолько грубое и резкое, что друзья Гумилева, несколько талантливых молодых поэтов, возмущенные оскорбительной критикой, демонстративно покинули "Академию" и организовали "Цех Поэтов". В 1913 году появились манифесты Гумилева и его соратника Сергея Городецкого, прославляющие «простоту и ясность» — с этого момента принято вести отсчет существованию акмеизма как оформившегося литературного течения. Но оно, объединившее исключительно одаренных поэтов — Гумилева, Ахматову, Мандельштама, — не смогло закрепиться в роли ведущего поэтического направления из-за резко изменившейся действительности».

Все большее распространение получал реализм, присущий революционной эпохе. Поэты-реалисты не прятались за слова и называли вещи своими именами:

По-французски друг и брат,
А у нас — изменник.
У французов бюрократ —
А у нас мошенник.
По-французски дилетант,
А у нас любитель.
По-французски интендант,
А у нас — грабитель.

Валентин Валентинов (1871–1929)

Второй «Цех поэтов, основанный летом 1916 году, возглавили два Георгия — Иванов и Адамович. Но и второй «Цех» просуществовал недолго, однако собрал под своей эгидой такие известные имена, как Н. Оцуп, Н. Чуковский, И. Одоевцева, Н. Берберова, Вс. Рождественский, Н. Олейников и других. Третий «Цех» был позже основан Гумилевым. Лидер акмеистов представал в своих стихах одной из ярчайших личностей жестокого времени революций и мировых войн.

Любимая ученица Гумилева Ирина Одоевцева вспоминала, каким впервые увидела его. «Так вот он какой, Гумилев! Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека. Все в нем особенное и особенно некрасивое. Продолговатая, словно вытянутая вверх голова, с непомерно высоким плоским

лбом. Волосы, стриженные под машинку, неопределенного цвета. Жидкие, будто молью траченные брови. Под тяжелыми веками совершенно плоские глаза. Пепельно-серый цвет лица. Узкие бледные губы. Улыбается он тоже совсем особенно. В улыбке его что-то жалкое и в то же время лукавое. Что-то азиатское… У него иконописное лицо — плоское, как на старинных иконах, и такой же двоящийся загадочный взгляд».

В 1914 году в жизни Николая Гумилева появилась новая страсть — Татьяна Адамович, сестра его приятеля, выпускница Смольного института, девушка бойкая, деятельная, волевая, подчинившая себе Гумилева и упорно толкавшая его на разрыв с Анной, болезненно переносившей появление новой соперницы. Энергичная Татьяна полностью завладела поэтом.

Но она не стала его последним увлечением.

Очаровательный Николай Гумилев пользовался бешеным успехом у женщин. Валерия Срезневская, знавшая его с юности, писала: «Он не был красив, — в этот ранний период он был несколько деревянным, высокомерным с виду и очень неуверенным в себе внутри… Роста высокого, худощав, с очень красивыми руками, несколько удлиненным бледным лицом… Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу… подтянулся и, благодаря своей превосходной длинноногой фигуре и широким плечам, был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире. А улыбка и несколько насмешливый, но милый и не дерзкий взгляд больших, пристальных, чуть косящих глаз нравился многим».

Роман всей жизни

О первой встрече Ларисы и Гумилева (где-то до 3 марта 1915 года, когда «Собаку закрыли) не осталось никаких свидетельств, кроме автобиографического романа самой Ларисы.

Ариадну (имя героини) пригласили читать. «…На ее лице выразилась вся боязнь начинающей девочки, не искушенной в тяжелой литературной свалке, и в руках так растерянно забелел смятый лист бумаги, в который еще раз заглянули, ничего не видя и не разбирая, ее мужественные глаза юноши-оруженосца, маленького рыцаря без страха и упрека, — Гафиз ощутил черное ликование… Видеть ее, эту незнакомку с непреклонным стройным профилем какой-нибудь Розалинды, с тонким станом, который старый Шекспир любил прятать в мужскую одежду — … ее, недосягаемую, и вдруг — на подмостках литературы, зависящей от прихоти критика, от безвкусия богемской черни, от одного взгляда его собственных воспетых глаз, давно отвыкших от бескорыстия… Это было громадное торжество, сразу уравнявшее его и Ариадну». «Гафиз… смотрел на Ариадну. Ее красота, вдруг возникшая среди знакомых лиц, в условном чаду этого литературного притона, причинила ему чисто физическую боль. Какая-то невозможная нежность, полная сладостного сожаления, — оттого, что она недосягаема. …Высоко над толпой сидел Гафиз и улыбался. И хуже нельзя было сделать: он одобрил ее как красивую девушку, но совершенно бездарную».

Увы, стихи ее действительно были вторичными, перегруженными красивостями, с тяжелым стилем. Зинаида Гиппиус равнодушно констатировала: «С претензиями; слабо».

Этот провал глубоко ранил Ларису. Никакие опасные и захватывающие события, никакие романтические увлечения не могли стереть тех зудящих царапин, которые оставило на ее самолюбии непризнание поэтическим сообществом ее поэтического творчества. Воспоминания об оскорблении позднее переплавились в строки автобиографического романа «Рудин». Она писала, как перед лицом «богемной черни», швыряя ей свои стихи, полные «смутной угрозы», Ариадна была готова к роковому поединку. Стихи, «пропитанные гарью», бросали вызов «бесчеловечному искусству» акмеизма с его «холодным» и «объективным совершенством».

Потом началась война.

Дух патриотизма переполнял семью Гумилевых. Николай сразу решил пойти в действующую армию «охотником», как назывались тогда добровольцы. Перед лицом бедствия произошло

примирение поэта с женой. Ахматова испытывала чувство гордости за мужа. В армии Гумилев постигал солдатскую науку выживать в тяжелых фронтовых условиях, ходил в разведку, вместе с армией наступал и отступал. На этом основании многие советские критики клеймили поэта как апологета империализма.

Их связь началась в октябре 1916 года. Николай и Лариса случайно встретились в «Приюте комедиантов». Он попросил разрешения проводить ее.

Петроград в это время не был спокойным местом. Война, длившаяся уже третий год, истощала ресурсы страны. Госпитали были переполнены, а булочные — пусты. Житейские трудности обостряли отношения.

Лариса вошла в жизнь Гумилева, когда опять испортились его отношения с женой. О силе любви Ларисы говорит ее снисходительность к монархическим убеждениям Гумилева: таких преступлений как «монархические» чувства русская либеральная интеллигенция не прощала. Решительно осуждавшая вместе с домочадцами войну, она восхищалась солдатом-патриотом Гумилевым. И религиозность поэта атеистка Рейснер тоже приняла.

А Гумилеву в этот последний год старого мироустройства необходимо было отвлечься от мыслей о неопределенном будущем, от семейных неурядиц, сочиняя прелестные стихи на случай, жонглируя изысканными словами и сравнениями. «Я не очень верю в переселение душ, но мне кажется, что в прежних своих переживаниях Вы всегда были похищаемой Еленой Спартанской, Анжеликой из «Неистового Роланда» и т. д. Так мне хочется Вас увезти. Я написал Вам сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю».

Лариса вела себя по всем канонам кокетства: отталкивая — приближала, отказывая — обещала. Уезжал он очарованным.

Я был у Вас совсем влюбленный,
Ушел, сжимаясь от тоски.
Ужасней шашки занесенной
Жест отстраняющей руки.

Но сохранил воспоминанье
О дивных и тревожных днях,
Мое пугливое мечтанье
О Ваших сладостных глазах.

Ужель опять я их увижу,

Замру от боли и любви,
И к ним, сияющим, приближу
Татарские глаза мои?!

Гумилев вернулся на фронт — это отложило кульминацию страсти, усилило надрывность лирических отношений и продлило их платоническую связь, оттянув тот момент, когда взаимное влечение друг к другу, удовлетворившись, утихнет. Из действующей армии он взывал: «Лери, Лери, надменная дева, Ты как прежде бежишь от меня». Переписка подпитывала поэтическое вдохновение, но он больше не желал довольствоваться прогулками и пресными рукопожатиями.

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

И вот, наконец, долгожданная встреча. Все было так возвышенно и прекрасно в письмах, но действительность оказалась пошлой и уродливой — поэт Гафиз привел свою Лери в дешевые «нумера» на Гороховой. Позже, желая показать, что унижение не только ее не унизило (смирение паче гордости!), но даже возвысило духовно, Лариса вспоминала: «Я так его любила, что пошла бы куда угодно». Это его она ждала, о нем напыщенно и безвкусно писала в эпигонской драме «Атлантида»: «Ты дивный, совершенный в гордости своей красоты, обнял меня и остановил дыхание моих уст, прекрасного пламенного рта, разве не знала я тогда вечности, в одно мгновение найденной и забытой…».

Он тоже в восторге от этой новой победы, она дала мощный импульс его творчеству:

…Я должен рассказать,
Я должен рассказать опять и снова,
Как сладко жить, как сладко побеждать
Моря и девушек, врагов и слово.

(Рыцарь счастья. 1917)

Лирические переживания занимали все мысли Ларисы.

Между тем, в стране намечались большие политические преобразования. Большевики, ратовавшие за создание

правительства, полностью состоящего из социалистов, а также за немедленный выход России из войны, стремились отнять власть у Керенского и передать съезду Советов. Съезд должен был быть созван в октябре 1917 года.

Керенский принял решение закрыть газеты большевиков, приказал арестовать большевистских лидеров, собирался отправить войска Петроградского гарнизона, который считался ненадежным, обратно на фронт. Военно-революционный комитет Советов, в котором большинство составляли ленинцы, готовился к захвату власти от имени будущего съезда.

«Керенский точно лишился всякого понимания, — писала в дневнике Зинаида Гиппиус. — Он под перекрестными влияниями. Поддается всем чуть не по-женски. Развратился и бытовым образом. Завел (живет — в Зимнем Дворце!) "придворные" порядки, что отзывается несчастным мещанством, parvenu.

Он никогда не был умен, но, кажется, и гениальная интуиция покинула его, когда прошли праздничные, медовые дни прекраснодушия и наступили суровые (ой, какие суровые!) будни. И опьянел он… не от власти, а от «успеха» в смысле шаляпинском. А тут еще, вероятно, и чувство, что «идет книзу». Он не видит людей. Положим, этого у него и раньше не было, а теперь он окончательно ослеп (теперь, когда ему надо выбирать людей!). Да, ведь еще 14 марта, когда Керенский был у нас впервые министром (юстиции тогда), в нем уже чувствовалась, абсолютно неуловимая, перемена. Что это было? Что-то… И это "что-то" разрослось… Керенский был тем, чем был в начале революции. И Керенский сейчас — малодушный и несознательный человек; а так как фактически он стоит наверху — то в падении России на дно кровавого рва повинен — он», — негодовала З. Гиппиус.

После июльских дней Временному правительству удалось подчинить себе Советы, которые послушно исполняли его волю. Острый конфликт между ними возник из-за вопроса о судьбе царской семьи. Временное правительство и Керенский намеревались выслать Николая II и его семью в Англию. Но Совет, идя навстречу стремлениям народных масс судить Николая II за его преступления против народа, воспрепятствовала отправке царской семьи за границу. Комиссары Петроградского Совета арестовали Николая в Могилеве, а в Царском селе под домашний арест взяты его жена и дети.

Положение Временного правительства становилось все более непрочным. В стране углублялась хозяйственная разруха: быстро росла инфляция, катастрофически падало производство, реальной становилась опасность надвигавшегося голода. В

деревнях начались массовые погромы помещичьих усадеб, захваты крестьянами не только помещичьих, но и церковных земель, поступали сведения об убийствах помещиков и даже церковнослужителей. Солдаты устали от войны. На фронте участились братания солдат обеих воюющих сторон. Фронт по существу разваливался. Резко возросло дезертирство, с позиций снимались целые воинские части: солдаты спешили домой, чтобы успеть к разделу помещичьих земель.

Февральская революция разрушила старые государственные структуры, но не смогла создать прочной и авторитетной власти. Временное правительство все более теряло контроль над положением в стране и уже не в состоянии было справиться с растущей разрухой, полным расстройством финансовой системы, развалом фронта. Министры Временного правительства, будучи высокообразованными интеллигентами, блестящими ораторами и публицистами, оказались неважными политиками и плохими администраторами, оторванными от реальной действительности и плохо знавшими ее.

Перемены были неизбежны.

В 11 часов вечера 7 ноября 1917 года был захвачен Зимний дворец, резиденция правительства Керенского.

Впоследствии возникли слухи, что Лариса Рейснер принимала в этих событиях непосредственное участие. Но вряд ли стоит верить легенде, что это она, в кожанке и с маузером на боку, дала команду стрелять по Зимнему из орудий крейсера «Аврора». Девушку в это время волновало совсем другое.

Сегодня все чаще высказывается мнение, что главным организатором Октябрьского переворота был Лев Троцкий. Человек творческий, чрезвычайно умный, он умудрялся управлять революционным хаосом и искал только власти. Большевики с «дореволюционным стажем» считали его новичком и выскочкой, что не помешало талантливому Льву «продавить» вооруженное восстание, второй завершающий день которого совпал с его 38 днем рождения. Даже его непримиримый враг Сталин вынужден был признать; «Умелой постановкой работы Военно-революционного комитета и привлечением Петроградского гарнизона на сторону революции мы обязаны прежде всего и главным образом товарищу Троцкому».

Зинаида Гиппиус вспоминала: «Обстрел был из тяжелых орудий, но не с «Авроры», которая уверяет, что стреляла холостыми, как сигнал, ибо, говорит, если б не холостыми, то Дворец превратился бы в развалины. Юнкера и женщины защищались от напирающих сзади солдатских банд, как могли (и перебили же их), пока министры не решили прекратить это

бесплодие кровавое. И все равно инсургенты проникли уже внутрь предательством. Когда же хлынули «революционные» (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмский полк и еще какие-то, — они прямо принялись за грабеж и разрушение, ломали, били кладовые, вытаскивали серебро; чего не могли унести — то уничтожали: давили дорогой фарфор, резали ковры, изрезали и проткнули портрет Серова, наконец, добрались до винного погреба…

Нет, слишком стыдно писать… Но надо все знать: женский батальон, израненный, затащили в Павловские казармы и там поголовно изнасиловали…[19] Все газеты оставшиеся, (3/4 запрещены), вплоть до «Нов. Жизни», отмежевываются от большевиков, хотя и в разных степенях».

Раскольников, как и Лариса, не принимал никакого участия в судьбоносных событиях, но по уважительной причине. Выступая с речью на митинге, он простудился и слег в постель. 26 октября его разбудило известие: ночью рабочие и кронштадтские матросы — без него! — взяли Зимний и арестовали Временное правительство.

Свержение Правительства не улучшило положения в городе. «В прошлом месяце при режиме Керенского было отмечено сокращение нормы выдачи хлеба — с 2 фунтов в день до 1 фунта, затем до половины фунта, четверти фунта, и, в последнюю неделю, нет хлеба вообще». Вера Булич, впоследствии литературный критик, представительница первой волны пореволюционной российской эмиграции в Финляндии, в то время — начинающая поэтесса вспоминала: «…Петербург при большевиках. Темные, угрюмые дни, бесконечные очереди, перебегающие из дома в дом — зловещим шепотом — слухи, хлеб, развешенный на почтовых весах с точностью до одного грамма (по 50 гр. на человека), ночами — дежурства на лестнице в темноте и тишине, неосвещенные улицы, шальные пули, сбивающие со стен штукатурку, настороженность, тревога, опустошенное ожидание». Ей вторит Нина Ивановна Гаген-Торн, советский этнограф, историк, фольклорист, писатель-мемуарист и поэтесса: «Город в те времена был пуст. Почти не дымили заводы. Небо стало прозрачным. Извозчики вывелись, а машины — не завелись еще. Только пролетали грузовики да изредка позванивали трамваи. На мостовых, между булыжниками, пробивалась трава. Стены домов были заклеены газетами, объявлениями и приказами Петрокоммуны. Пешеходы останавливались и читали все весьма внимательно. Особенно в очередях, выстраивающихся у немногих, не забитых досками магазинов — за продовольственными пайками. На забитые окна

наклеивали нарядные плакаты или афиши».

«Вооруженные ограбления и уличная преступность участились до такой степени, что едва можно ходить по улицам. Газеты только об этом и пишут. Не только правительство не может работать, но и муниципальные власти также. Городская милиция довольно дезорганизована, ничто не работает так, как должно …», — отмечал большой друг Советов, американский журналист Джон Рид.

Смерть Ларисы Рейснер и Джона Рида позже наступит в разное время, но от одной и той же причины.

Свержение Временного правительства не улучшило положения в городе. Современник записывал: «Сегодняшние цены: фунт хлеба — 400 р., масла — 2300 р., мяса — 610–650 р., соль — 380 р., коробка спичек — 80 р., свеча — 500 р., мука — 600 р. (мука и хлеб — черные, и почти суррогат), мышь — 20 р. Остальное соответственно. Сахару нет уже ни за какие тысячи (равно и керосина). На Николаевской улице вчера оказалась редкость: павшая лошадь. Люди, конечно, бросились к ней. Один из публики, наиболее энергичный, устроил очередь. И последним достались уже кишки только».

Но в то время все желания, надежды и стремления Ларисы были сосредоточены на мысли навсегда соединить свою жизнь с Николаем Гумилевым. Разговор о браке с ним она, безусловно, заводила. По крайней мере, когда Анна Ахматова объявила о том, что порывает с поэтом и выходит за Владимира Шилейко, Гумилев ответил, что в желающих выйти за него тоже недостатка нет, и, в частности, назвал Ларису Рейснер — красавицу, умницу и даже слегка поэтессу. Похоже, что Рейснеры были в курсе романа дочери и одобряли его — потомственный дворянин, известный литератор был достоин войти в их семью. Родители Ларисы мечтали вместе с ней подняться до уровня корифеев поэзии — тех, кого потом стали называть гениями Серебряного века. Лариса тоже мечтала о законном браке — она ведь была порядочная девушка, а теория российской эмансипе Александры Коллонтай о пресловутом «стакане воды», подкрепленная статьей «Дорогу крылатому Эросу!» и книгой «Любовь пчел трудовых», еще только задумывалась и оформлялась.

Лариса жила лишь своей огромной любовью, политические преобразования проходили мимо ее затуманенного чувством сознания. Но они с поэтом существовали словно в разных измерениях. Для него она была одной из многих прелестных молодых женщин. И Гумилев нисколько не кривил душой, говоря «Я Вас люблю»: в ту минуту, в тот период времени он действительно ее любил. Сначала она недолго питала его летучее

вдохновение, а потом, когда порыв прошел, перешла в разряд восхищенных поклонниц, замирающих над его стихами и с воодушевлением выполняющих деловые поручения. Несколько месяцев их роман продолжался только в письмах: «Я целые дни валялся в снегу, смотрел на звезды и, мысленно проводя между ними линии, рисовал себя Ваше лицо, смотрящее на меня с небес…». Гумилеву, монархисту и романтику, революция была противна, ультралевые взгляды Ларисы его раздражали. Но рвать отношения с любовницей он не собирался, чему свидетельством являются несколько сохранившихся писем-открыток, включая три великолепных стихотворных послания. Однако тон его писем резко изменился. Больше обращений к Лери, не будет — Гумилев продолжит разговоры с Ларисой Михайловной, образованной неглупой девушкой, несмотря на присущий ей неприятный пафос.

Но она-то была уверена, что происшедшее между ними связало их на всю жизнь, вновь переживала каждое сказанное слово, каждый жест, не подозревая, что для Николая, «магистра любовных дел», она была не более чем волнующий, вдохновлявший его Музу эпизод, и уже стала прошлым его души. Роковая ошибка большинства женщин — принимать как обещание вечной любви минутный, пусть даже искренний, порыв…

Находясь в окопах, он долго не отвечал на ее письма. Но поэту необходим собеседник, способный разделить его мироощущения и понимающий его чувства, требуется восхищение его талантом. И тогда, и позже, путешествуя по Швеции, Норвегии, Англии, Гумилев делился с Ларисой путевыми впечатлениями. Он выбирал из числа многочисленных адресатов тот, который сможет оценить оригинальность и свежесть его восприятия. Это уже не письма к возлюбленной. Одна его фраза ставит все на свои места: «Прислал бы Вам еще одно (письмо), да перо слишком плохо, трудно писать».

Николай надеялся на примирение с Анной Ахматовой и предпринял последнюю безуспешную попытку объясниться. Но ничто уже не могло их вновь соединить: весной 1918 супруги расстались. Казалось бы, теперь не существует препятствий, мешавших Ларисе и Николаю связать себя узами законного брака. Любовница, великодушно простившая Гумилеву измену несравненной ей с посредственной (по ее мнению) Маргаритой Тумповской, которой, тем не менее, поэт посвятил сборник своих стихов «Колчан», ожидала предложения. Вот сегодня, в крайнем случае — завтра, он явится просить составить его счастье. Вместо этого она узнала, что ее Гафиз женился на простенькой Анне Энгельгарт. Для Ларисы это стало катастрофой, от которой она не

выздоровела никогда, долго ощущая себя униженной и обесцененной.

Павел Лукницкий в своем дневнике 1920 года делает такую запись: «Л. Рейснер в разговорах с А.А. о Гумилеве сказала, что считала себя его невестой, что любила его, а он обманул ее. Говорила с ненавистью. Не верно ли предположение о том, что эта ненависть возникла после того, как она узнала о романе Н.С. с Анной Энгельгардт в 1916 году параллельно ее роману?». Лариса, рассчитывая на сочувствие, не нашла ничего лучшего, нежели обратиться к «бывшей» поэта Ахматовой. Не хотела ли она основать клуб женщин, оставленных поэтом?

Но самым жестоким ударом стало для Ларисы известие, что стихи, которые Гафиз читал «золотой прелести» Лери, он потом включил в сборник «К синей звезде» (1917), который целиком посвящен парижской возлюбленной Елене Дюбуше.

Красавица так и не поняла, что поэт не создан для любви к единственной женщине и мирной семейной жизни.

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

(Зима-весна 1918 г.)

Только смена впечатлений, странствия по экзотическим странам, новые знакомства с интересными ему людьми, новые занятия, умственная гимнастика и упражнения, совершенствующие крепость и ловкость тела привлекали поэта.

Если цель ясна, любые события могут стать ступенью к ее достижению.

Попав с незначительным ранением в госпиталь, Гумилев встретил там поэта-акмеиста М.А. Струве, считавшего его своим учителем и старшим другом. Михаил имел обширные связи в армейском руководстве.

Через него Гумилев получил направление на Салоникский фронт, который был создан после высадки в Салониках, на территории Греции, англо-французского экспедиционного корпуса для оказания помощи сербской армии и совместного отражения австро-германо-болгарского наступления на Сербию. Путь в Грецию проходил через Скандинавские страны, Лондон и Париж. Сколько новых замечательных людей встретилось поэту — О. Хаксли, Б. Рассел, В. Вульф, У. Йетс, Г. Честертон, Д. Стеллецкий и многие другие.

В Париже прапорщик Н. Гумилев поступил в распоряжение комиссара Временного правительства адвоката и эсера Евгения Ивановича Раппа. И снова он попадал в круг незаурядных творческих людей: Карл Бехгофер, знакомый ему по «Собаке…», самобытные художники М. Ларионов, Н. Гончарова, балетмейстер С. Дягилев…

В письме к другу М. Лозинскому Николай писал: «Я чувствую себя совершенно новым человеком, сильным, как был, и помолодевшим, по крайней мере, на пятнадцать лет. Написал уже десяток стихотворений и строчки бродят в голове». В том же тоне выдержано письмо к А. Ахматовой.

Новая жизнь, новое увлечение. Взлет вдохновения вызван увлечением таинственной и непреклонной Еленой Дюбуше, полуфранцуженкой, дочерью известного хирурга. «У нее были большие карие, чуть раскосые глаза, темные локоны оттеняли ровную матовость лица». Увы, она выходит замуж за богатого американца.

А поэта снова манит «муза дальних странствий»:

Ах, бежать бы, скрыться бы как вору,
В Африку, как прежде, как тогда,
Лечь под царственную сикамору
И не подниматься никогда.

Но о красивой претенциозной девочке Ларисе он уже окончательно забыл…

Выбор цели

«Совсем сломанной и ничего не стоящей я упала в самую стремнину Революции», — впоследствии писала Лариса. Она была не одинока. Целый рой столичных и провинциальных прелестниц, ранее утолявших свою жажду деятельности балами, салонами и благотворительностью, теперь почитали себя вершительницами судеб России. Они мелькали в разнообразных редакциях и Комитетах в качестве секретарей, делопроизводителей, машинисток и пр. Мнимое женское равноправие, свобода от предрассудков и моральных запретов были так привлекательны! Как ни незначительно было их участие в Великой Революции, многие из них позже были в пыль перемолоты безжалостными жерновами новой политической машины.

Красота, эпигонское стихотворчество, журналистские потуги, — все это не могло не выделить Ларису из пестрой массы эмансипированных и в разной степени одаренных женщин, ринувшихся в политику после ниспровержения строя. Среди этих «пишбарышень» девушка «с правильными чертами лица, напоминавшая Мадонну Рафаэля, но по-питерски изящно одетая» оказалась для мужчин центром притяжения. «Два-три человека были вокруг нее постоянно, а иногда кружилось около 4–5, любуясь красивым молодым лицом, щедрым на улыбки, на лучистую игру серых глаз и слушая ее искрометные реплики, острые слова, замечания», — вспоминал А.А. Демидов, автор популярного в свое время романа «Жизнь Ивана».

Свидетельств необыкновенной красоты Ларисы не перечесть. Только Ахматовой она не понравилась. «Она была очень большая, плечи широкие, бока широкие. Похожа на подавальщицу в немецком кабачке. Лицо припухшее, серое, большие глаза и крашеные волосы».

На портрете 20-летней Ларисы (1915 г.) кисти Василия Ивановича Шухаева изображена, безусловно, очень красивая женщина. Но она действительно довольно тяжеловесна и выглядит значительно старше своего возраста. И почти на всех фотографиях можно увидеть не девушку, а даму — крупную, ухоженную, красивую, молодую, но не юную. Но, может быть, именно таким был женский идеал красоты, к которому она стремилась.

В феврале — октябре 1917 года Лариса — активная участница революционных событий в Петрограде. Михаил Андреевич вошел в комиссию по составлению декретов новой

власти.

После Октябрьского переворота семья Рейснер была среди победителей — в той части интеллигенции, которая поддержала Советы. Не о ней ли в свое время, посетив Петербург писал Горький в письме к жене Е. Пешковой: «Лучше б мне не видеть всю эту сволочь, всех этих жалких, маленьких людей, которым популярность в обществе нужна более, чем сама литература». Ленин тоже считал интеллигенцию, «мозг нации», просто «г…м», о чем не смущаясь написал Горькому. В этом вождь расходился с Белинским, который утверждал: «Сколь бы ни был доблестен и талантлив сам интеллигент, главное в нем то, что он передает свои знания, навыки и усилия народу, готовит его к сражению. Он задает направление, открывает другим глаза. Ему интересен и нужен простой человек, потому что конечная цель — власть самих народных масс». Далее критик указывал, что интеллигенту нельзя совмещать революционную борьбу за интересы народа и наслаждение всеми привилегиями, которое дает его высокое социальное положение. Между тем, слово «сволочь» стало самым распространенным синонимом слова «интеллигент».

В составе пикетчиков энергичная девушка требовала и добилась освобождения политзаключенных из Петропавловской крепости. Она еще раз проверила свои возможности на деле, оставшись ими совершенно довольной. Укрепилось и без того присущее ей чувство, что стоит ей чего-нибудь очень захотеть, это обязательно будет достигнуто. В то же время ей стало абсолютно ясно, что в это грубое, кровавое время женщина может занять достойное положение лишь при поддержке сильного и влиятельного мужчины.

Пути Ларисы Рейснер и Федора Раскольникова неумолимо стремились к пересечению.

В марте 1917 года Раскольников вместе с Семеном Рошалем, с которым его многое связывало, с которым он был исключительно духовно близок, был направлен в Кронштадт редактировать газету «Голос правды». Рошаля назначили официальным представителем городского комитета партии в Кронштадтском Совете. Он завоевал любовь кронштадтцев как пламенный трибун. Раскольников возглавил фракцию большевиков Кронштадтского совета рабочих, матросских и солдатских депутатов. Его приняли моряки: импульсивный, жаждущий немедленных действий, он умел повести за собой, никогда не кричал, не «тыкал», в самых напряженных ситуациях не повышал голоса. Он был приемлем и для офицеров, не боялся вступаться за них, смещая излишне ретивых политработников.

Друзья вместе с увлечение работали во имя революционных

идеалов, но в декабре 1917 года Рошаль был направлен в качестве комиссара Совнаркома на Румынский фронт для организации военно-революционного комитета. Там его арестовали румынские власти по обвинению в подготовке восстания в русской колонии в Яссах и выдали членам тайной офицерской организации, действовавшей на Румынском фронте.

Контрреволюционные офицеры убили молодого большевика при невыясненных обстоятельствах. Ему был всего 21 год.

Потеря друга глубоко потрясла Раскольникова. Он еще глубже ушел в работу.

Уже после речи Ленина с броневика его соратникам стало ясно, что пора митингов уходит, и что кратчайшая линия от Февраля к Октябрю есть «ленинская прямая». Этот знаменитый афоризм, эта формула времени, обошедшая все углы России, все заводы, фабрики, полки, казармы, окопы на передовых позициях всех фронтов, — принадлежала Раскольникову. С Лениным Раскольников встретился в еще в апреле 1917 года, и вождь не преминул заметить качества своего молодого знакомца: умение оценить обстановку, смелые действия в нужном направлении в нужный момент. Раскольников был первым оратором Кронштадта и Гельсингфорса, сражавшимся в словесных поединках со всеми вожаками — от монархистов до анархистов. «С корабля на корабль в Гельсингфорсе движется мичман Ильин, — писал В. Шаламов, — поднимается по трапам, всходит на борт и опускается в трюмы, в день произносятся двадцать речей».

После Февраля 1917 года Раскольников ринулся «углублять революцию» на Балтике в качестве «военного моряка». С ноября он — комиссар Морского генерального штаба. Во главе отряда матросов направлен Лениным в Москву для подавления антибольшевистских выступлений. Там «клешники», моряки Раскольникова, развернули настоящий террор: под предлогом поисков складов с оружием проводили повальные обыски и аресты, подозрительных и недовольных расстреливали на месте. В кратчайший срок отряд Раскольникова подавил в Москве всякое сопротивление. Затем молодой революционер выполнил приказ вождя сформировать отряд кронштадтцев с пулеметами и артиллерией для обороны Петрограда, а также немедленно отправить туда из Финляндии корабли и отряды моряков-балтийцев для усиления его защиты.

Еще во время первой попытки переворота, в июльские дни 1917 года кронштадтцы по зову большевиков появились на улицах Петрограда. «При нашем появлении, — вспоминал Раскольников, — многие окна открывались настежь и целые семейства богатых и породистых людей выходили на балконы

своих роскошных квартир, И на их лицах было выражение нескрываемого беспокойства и чувства шкурного, животного страха». Горожане страшились не зря: в Кронштадте, как в огромном котле, вызревали самые темные, жестокие силы революции. Матросы сыграли решающую роль в событиях переворота 25/26 октября, а через несколько дней — в разгроме выступления юнкеров. Садизм расправы над пленными потряс Петроград: перед расстрелом юнкеров калечили, глумились над ними, выкалывали глаза, отрезали уши. В таких акциях современники видели проявления психической патологии, царившей в матросской среде. Не случайно статья В. Бонч-Бруевича с описанием диких радений кронштадцев, «сатанинских» песен и плясок смерти среди тел задушенных, названа «Странное в революции».

Заслуги комиссара Раскольникова были признаны большевистскими вождями: с лета 1918 года — он член Реввоенсовета Восточного фронта, член партийно-следственной комиссии, он уполномочен «отстранять от всякой партийной и советской работы, исключать из партии тех ее членов, деятельность которых не соответствует «задачам партии и требованиям момента». На старинной фотографии, изображающей всю большевистскую верхушку, в первом ряду — Федор Раскольников.

На какое-то время он стал любовником одной из первых российских сексуальных революционерок Александры Коллонтай-Домонтович, но отошел в сторону, как только 45-летняя эмансипе обратила свое внимание на бывшего грузчика, исполина-матроса Павла Дыбенко.

Во время краткого романа с Ларисой Гумилев, иронизируя по поводу ее социальной озабоченности, убеждал девушку не заниматься политикой всерьез, рассматривать ее лишь как некое развлечение. Теперь же альтернативой отчаянью брошенной женщины, лекарством ее униженной гордости тем более могла стать только политика, — и она с головой ринулась в эти жестокие, но от этого еще более увлекательные, мужские игры.

Сначала Лариса отправилась на просветительские курсы во дворце Белосельских-Белозерских преподавать пролетариату изящную литературу, работала секретарем А.В. Луначарского в Комиссии по учету и охране сокровищ Эрмитажа и других музеев.

Добрейший Анатолий Васильевич Луначарский был сентиментален и слаб на слезу. Познакомившись с Лениным, он прямо влюбился в вождя большевиков и безоговорочно признал его первенство. Ленин, обладавший не в пример Луначарскому сильной волей и решительностью, сразу оценил преданность

нового друга и его способность легко и непринужденно часами говорить на любую тему, подавляя собеседников эрудицией и буквально топя их в потоке красноречия. С годами их дружба упрочилась. После победы большевиков Луначарский был назначен наркомом просвещения.

Анатолий Васильевич питал слабость к хорошеньким женским мордашкам. Ленин дал ему прозвище «миноносец «Легкомысленный». Молодая супруга, актриса Наталья Розенель, знала за мужем такой грешок и строго следила за его поведением. То, что красавица Лариса прижилась в наркомате, говорит о ее тактичности и умении себя вести.

Добросердечного и незлобливого Луначарского ужасала жестокость революции. Он просил об отставке. «Борьба ожесточается до звериной злобы… Вынести этого я не могу», — писал он Ленину, за что получил выволочку. В итоге наркома убедили остаться на посту: никто, кроме него, не знал, как руководить просвещением. Корней Чуковский рассказывал: «Он лоснится от самодовольства. Услужить кому-нибудь, сделать одолжение — для него ничего приятнее! Он мерещится себе как некое всесильное благостное существо, источающее на всех благодать. Страшно любит свою подпись, так и тянется к бумаге, как бы подписать…».

Апартаменты Луначарских в Денежном переулке превратились в салон, гостеприимно открытый для богемы. Гости пели дифирамбы хозяину — кто-то даже назвал его «Периклом советских Афин» — не забывая воспевать и красоту хозяйки-«Аспазии». Розенель имела неограниченное влияние на супруга. Однажды она заставила его прождать в купе поезда целый час, и рейс задержали.

Историю с задержкой «Красной стрелы» по вине жены Луначарского ядовито прокомментировал анонимный «доброжелатель»:

> Его любовь усталости не знала.
> Отважна и неистова всегда,
> Дарила жемчуг, роли добывала
> И останавливала поезда.

Луначарский сделал много полезного. Невзирая на идейные разногласия, выбивал пайки для писателей и профессоров. Открывал издательства и институты; спас Ивана Бунина, которого собирались арестовать одесские чекисты.

Под сенью наркома Лариса чувствовала себя довольно свободно и в безопасности.

Она писала острые статьи, откликаясь на злободневные события. Одно из них — о судьбе моряков линкора «Слава», который был поврежден обстрелом и выброшен на мель. Неизвестно, читал ли эту статью Раскольников, который в автобиографии писал: «Я затрудняюсь точно классифицировать характер моей работы. Туда, где острее всего ощущалась какая-либо неувязка, где образовывалась зияющая прореха, туда сейчас же с молниеносной быстротой бросались большевики…». Но с этого времени их судьбы стали неуклонно сближаться.

В январе-феврале 1918 года Лариса оказалась на распутье. Условия жизни катастрофически ухудшались, богатая Россия голодала. Осьмушку фунта хлеба (50 граммов) давали не каждый день. Семья Рейснеров с трудом перебивалась, разделяя судьбы многих других. Лариса оставалась выше бытовых неудобств, оставляя заниматься добычей хлеба насущного более приземленным натурам. «Петербургская наследница» чувствовала, что для нее так или иначе все должно устроиться. В морозную голодную зиму восемнадцатого года она одушевленно писала в «Новой жизни»: «В Петрограде готовится собрание большой важности: конференция всех культурно-просветительских обществ, секций клубов и народных театров… Именно сейчас, во время революции, нужно воспитание чувств, школа страстей, достойных этого времени. Поймут не только Горького и Толстого, поймут и комедии Мольера, и «Бурю и натиск» юного Шиллера… и «Сон в летнюю ночь», «Ромео и Юлию» Шекспира». В поучительных статьях новоявленная революционерка учила видеть «пролетарскую красоту» классического искусства.

Здесь явно сказывалось влияние ее патрона Луначарского. Тот вдохновенно пророчествовал про будущие широкие проспекты, мраморные дворцы, народные театры и всеобщее изобилие. Но благородно не присваивал идею себе. Ведь план монументальной пропаганды возник у В. Ленина в связи с воспоминанием о «Городе Солнца» Томазо Кампанеллы, где на стенах были нарисованы фрески, возбуждающие гражданское чувство и участвующие в образовании и воспитании новых поколений.

Прочитав некоторые особенно яркие опусы Ларисы, откликнулся придерживающийся эсеровской идеологии Питирим Сорокин, уничтожающе высмеяв юную бунтарку: «Милая барышня, писавшая бездарные стихи, мечтавшая о «ледяной красоте». Издавала «Богему» и «Рудина», журналы для подвыпивших студентов-академистов и молодых вдовушек. Ни одного атома революции днем с огнем нельзя было отыскать в

этих журналах. И вдруг? Оказывается, и она теперь ходит в большевиках. Да еще как, послушали, да почитали бы на страницах «Новой жизни» ее литературную гимнастику Далькроза по части негодности буржуазного искусства и величия пролетарской красоты. Прямо страх берет. Читая, можно подумать, что чуть ли не сама Шарлота Корде пишет под псевдонимом Ларисы Рейснер».

Но умная девушка сама была угнетена неопределенностью своего положения. Ее красота стала ее входным билетом в разного рода комитеты, и в то же время наказаньем: «Вы не могли не заметить, как призрачны и расплывчаты все мои функции», — писала она в письме к одному из своих друзей. Лариса решила уйти из Зимнего дворца. За ней тянулся слушок, будто бы во время «учета и охраны» сокровищ Эрмитажа она «захватила» алмаз, принадлежавший царской фамилии.

Советское правительство приняло решение потопить корабли. Черноморского флота, которые вот-вот — по Брестскому миру — должны были перейти к Германии как репарационные платежи. Решение вопроса было поручено Шляпникову, но тот высказался против потопления, за революционную войну с оружием в руках. Тогда Сталин, в то время единодушный с Троцким, передал дело Федору Раскольникову. Комиссар Черноморского флота Глебов-Авилов предупредил, что если он явится с таким предложением, матросы выбросят его за борт. Но красноречивому Раскольникову потребовалось всего 25 минут для убеждения. Все девять миноносцев Черноморской эскадры были расстреляны в упор.

Советский драматург Александр Корнейчук сделал Федора Раскольникова прототипом героя своей пьесы «Гибель эскадры». В ней рассказывалась легенда о том, как летом 1918 года на Черноморском флоте большевики боролись с контрреволюционерами, мешавшими им уничтожить флот, который могла захватить Германия. Конечно, это легенда, потому что подлинные события разворачивались совсем не так, как описал Корнейчук.

После выполнения этого задания партии Раскольников получил назначение командующим Волжской военной флотилией, затем Балтийского флота. Всемогущий наркомвоенмор Лев Троцкий тепло вспомнил молодых энтузиастов, Раскольникова и Рошаля, с которыми делил заключение в Петропавловской крепости. Он приблизил Федора, тот скоро стал его любимцем и помог Троцкому справиться со Щастным.

Капитан 1-го ранга А.М. Щастный командовал Балтийским флотом во время Ледового похода 1918 года. Он обвинялся в

государственной измене. Его вина заключалась в том, что он не исполнил приказа комиссара по военным и морским делам Троцкого и тем самым спас флот. Троцкий считал, что «Щастный, совершая этот поступок, создавал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против Советской власти». Действительно, именно благодаря личной энергии Щастного Балтийский флот не был затоплен (как это произошло с Черноморским) и не был оставлен неприятелю. Пользовавшийся безграничным доверием моряков, имевший реальную власть и военную силу, командующий Балтфлотом был опасен властям. Он принял большевиков за немецких агентов, потому и подчиняться им не хотел. Потом он понял, что сделал это напрасно и теперь обречен. Свою роковую роль в этом сыграл и затянувшийся конфликт с Троцким. Федор Раскольников, один из шести свидетелей обвинения, написал, будто Щастный с сожалением говорил, что приходится работать с советской властью, потому что нет другой.

У большевиков в то время судили не по закону, а по «революционной совести». Все статьи материального и процессуального права были уничтожены. Поэтому над квалификацией преступлений судьи долго не думали. Почти все они подводились под «спекуляцию» или под «государственную измену».

Защищал Щастного известный адвокат В.А. Жданов, бывший защитник Каляева. Второго защитника Революционный Трибунал не допустил. Когда раньше некоторые суды отказывали обвиняемому в допущении второго защитника, общественное мнение возмущалось, протестовали все, в том числе и большевики, видя в этом стеснение прав защиты.

Недели за две до слушания дела Щастного, очередной съезд Советов отменил смертную казнь. Но через несколько дней Совет Народных Комиссаров издал декрет, которым разрешал судьям революционных трибуналов не стесняться в выборе меры наказания за контрреволюционные преступления и налагать любое из них вплоть до бессрочных общественных работ. Когда суд объявил вердикт «расстрелять», все присутствующие застыли от изумления: «Как смертная казнь? Ведь она отменена съездом советов, ведь председатель не позволил защитнику в речи говорить о ней…» Бросились к Крыленко, обвинителю Щастного. — «Чего вы волнуетесь, — сказал этот обер-фарисей, — Щастный не приговорен к смерти. Если бы его приговорили, то председатель прочел бы: «Щастного приговорить к смерти», а председатель огласил: «Щастного расстрелять», — а это не одно и то же».

Защитник спросил: «Куда можно обжаловать приговор?» «Приговор революционного трибунала кассации не подлежит, хотя можно еще обратиться к Президиуму Центрального Исполнительного Комитета», — ответил ему, уходя, председатель. По статусу верховного трибунала, приговор мог быть отменен только пленарным заседанием ЦИКа. Однако его председатель Свердлов заявил, что ранее 24 часов ЦИК созван быть не может, а по истечении этого срока созывать его бесполезно, так как Щастного уже расстреляют…

22 июня 1918 года Щастный был расстрелян по приговору Революционного трибунала. Физическое уничтожение командующего Балтийским флотом — «заслуга» Раскольникова. С его помощью аналогичная участь постигла и многих других неугодных режиму моряков.

В «революционной» биографии Ларисы тоже много неясного, сомнительного.

К числу таких «темных мест» принадлежит история с убийством видных деятелей партии кадетов Андрея Ивановича Шингарева и Федора Федоровича Кокошкина. «Светочи русского либерализма», люди безусловной личной порядочности, знаменитые думские ораторы, они даже своими противниками признавались искренними радетелями за Россию. Федор Кокошкин энциклопедист, ученый-правовед (говорили, что «все конституции мира он знает как свои пять пальцев»), избирался в Думы всех созывов. Его идеалом было правовое государство, а реальной задачей он считал постепенный переход к конституционной монархии. Человек науки, он неохотно вошел во Временное правительство, где занимался, главным образом, подготовкой к выборам в Учредительное собрание. Андрей Шингарев представлял собой тип русского провинциального интеллигента, был очень способным, очень трудолюбивым, с горячим сердцем и высоким строем души, с кристально чистыми побуждениями, чрезвычайно обаятельным и симпатичным. Он имел два высших образования: окончил физический факультет Московского университета, а через три года — медицинский, получив диплом врача. Вернувшись в родной Воронеж, он мог бы иметь богатую частную практику, но вместо этого уехал в глубинку и стал рядовым лекарем в обыкновенной земской больнице.

После прибытия в Петроград на открытие Учредительного собрания 28 ноября (11 декабря) они были арестованы. В конце декабря 1917 года Шингарев и Кокошкин, оба очень больные, подали ходатайства о переводе их по состоянию здоровья из Петропавловской крепости в Мариинскую тюремную больницу.

После первого покушения на Ленина 1 января 1918 года ночь с 6 на 7 января оба политика были зверски убиты (задушены, застрелены и заколоты штыками) пьяной матросней и красногвардейцами прямо на больничных постелях.

Даже враги кадетов ужасались и признавали это преступление гнусным и позорным.

Лариса каким-то образом была связана с этим «подвигом» революционных матросов. Может быть, давали знать знакомства, возникшие во время ее обучения в Бехтеревском институте; там в число ее сокурсников входили и С. Рошаль, и Ф. Раскольников. Во всяком случае, последующие события подтверждают эту связь.

Николай Гумилев прямо обвинил Ларису в причастности к убийству Шингарева и Кокошкина и перестал раскланиваться с бывшей возлюбленной. По-видимому, у него имелись источники информации, в настоящее время недоступные.

В 1918 году Раскольников — заместитель наркома по Морским делам — «первый большевистский лорд Адмиралтейства», как называли его англичане. Впрочем, во флотских делах он разбирался весьма поверхностно, и на руководящих должностях вся его работа свелась к поиску «изменников» среди морских офицеров.

В декабре 1918 года по требованию Ф. Дзержинского было принято постановление, запрещавшее критиковать ВЧК в печати. Это явилось реакцией «Железного Феликса» на публикацию очерка Ларисы Рейснер «В Петроградской чрезвычайке». Но никаких санкций не последовало. Напротив, журналистка была назначена старшим флаг-секретарем (адъютантом) командующего флотом Ф. Раскольникова. В ее обязанности входило ведение личной канцелярии комфлота, но этими рутинными обязанностями дело не ограничивалось. Лариса была и комиссаром, и политпросветработником, и бесстрашным разведчиком. Впрочем, она не умела обращаться с оружием и не любила его. «Она с отвращением отказалась даже от маленького дамского браунинга, предложенного ей из трофеев. Но она любила опасность и риск. И везде, и всегда, в любой обстановке она оставалась женщиной, с головы до ног». По-видимому, именно здесь, впечатленная всевластием Раскольникова, Лариса приняла решение подарить ему себя и сделать своим мужем.

Оба — «пламенные революционеры», оба по природе борцы, литературно одаренные, воинствующие атеисты. Ведь в своей биографии, написанной в 1913 году, Раскольников заявлял: «Формально я крещен по обряду православного вероисповедания, но фактически уже около 10 лет являюсь решительным и безусловным атеистом. Разумеется, никогда не говею и никогда

не бываю в церкви».

Предпосылки счастливого брака были налицо.

Лариса и Троцкий

После переезда Советского правительства в Москву, отобравшей статус столицы у Петрограда, туда же перебралось и семейство Рейснер. Как обычно — они чувствовали себя вправе стоять над остальными и заняли целый особняк.

В мае 1918 году Лариса Рейснер и Федор Раскольников вступили в официальный брак.

Выбор дочери не нашел понимания в семье. Пребывающие в состоянии постоянного восхищения своей Лери родители недоумевали. Как, прекрасная, умная, просвещенная и утонченная полубогиня отдаст себя, в общем-то, заурядному человеку? Это мезальянс, это практически — падение. Но Лариса, несмотря на любовь к родным, всегда поступала по-своему. Более того, в 1918 году она вступила в партию большевиков.

Ничего определенного о ее ранней «революционной деятельности» установить не удается. Все имеющиеся упоминания — только слухи и легенды, только упоение ее красотой, остроумием, эрудицией. Самые разные люди становятся жертвой ее редкой привлекательности.

Социальное происхождение, образование и особенно любовь к литературе позволяли супружеской паре иметь друзей в литературных кругах обеих столиц. Раскольников познакомился с Горьким в 1915 году и поддерживал с ним связь до смерти писателя. Они с Ларисой нередко посещали артистические вечера в Москве на квартире у Л.В. Каменева. В автобиографии, датированной 1920 годом, Раскольников представлялся как «литератор и командующий флотом». Но Лариса получала большее признание за поэтическое и журналистское творчество. По многим свидетельствам, блистала она, а он, хотя и с достоинством, следовал за ней. Такая калька с поэтической пары Ахматова-Гумилев.

Достоверные известия о Л.М. Рейснер как о революционном деятеле начинаются после весны 1918 года.

По свидетельству Надежды Мандельштам, явно недолюбливавшей Ларису, «в самом начале революции понадобилось арестовать каких-то военных, кажется, адмиралов, военспецов, как их тогда называли. Раскольниковы вызвались помочь в этом деле; они пригласили адмиралов к себе, те явились откуда-то с фронта или из другого города. Прекрасная хозяйка угощала и занимала гостей, и чекисты их накрыли за завтраком без единого выстрела».

Этому рассказу можно поверить в той части, что красные

неоднократно расстреливали бывших кадровых моряков. Флота у Советской России почти не было, и морские офицеры, в массе культурные и грамотные, ей были не нужны. Только в 1919 году ЧК были сфабрикованы громкие дела заговора в Минной дивизии, «изменника» адмирала Бутакова, организации помощи Юденичу и т. д. По этим делам было осуждено и расстреляно несколько сот человек. Немногие технические функции, связанные с морским делом, исполняли несколько вступивших в РККА военспецов: адмиралы В.М. Альтфатер и А.В. Немитц, капитан 1 ранга Е.А. Беренс и капитан 2 ранга Э.С. Панцержанский. Их вполне хватало для командования тем, что еще называлось Балтийским флотом, а также микроскопическими силами на Черном, Азовском и Каспийском морях.

Тем временем положение на Восточном фронте осложнилось. 10 июля командующий, левый эсер Муравьев, в прошлом командир охраны Временного правительства, поднял мятеж против советской власти. В это время в Москве левые эсеры застрелили немецкого посла графа Мирбаха и осуществили несколько резких, но непоследовательных и не скоординированных действий. Опасаясь ареста, в ночь с 9 на 10 июля, бросив штаб фронта в Казани, Муравьев, в котором сочетались простота и фанфаронство «сделавшего себя» человека, без ведома реввоенсовета погрузил два верных себе полка на пароходы и отбыл из города. На следующий день он с отрядом в тысячу человек прибыл на пароходе «Мезень» в Симбирск, занял стратегические пункты города и арестовал руководящих советских работников. Войска Восточного фронта были деморализованы и сбиты с толку сначала телеграммами Муравьева о мире с чехословаками и войне с Германией, а затем — об измене Муравьева, и о продолжении войны с белочехами. Подполковник В.О. Каппель воспользовался моментом, и нанес удар большевикам. Красная армия вскоре оставила Бугульму, Мелекесс и Симбирск, а в начале августа и Казань, где в руки чехословаков и Народной армии Комуча[20] попала часть российского золотого запаса.

Регулярных частей Красной армии тогда было еще мало. Воевали отряды из рабочих и беднейших крестьян, причем каждый — сам по себе. Многие не умели обращаться с оружием. Анархия в этих отрядах была весьма популярна. Требовалось время, чтобы организовать батальоны, полки, армии, аппарат управления, снабжения. Лишь позднее удалось создать дисциплинированную военную силу из разношерстных добровольцев раннего периода. Л. Троцкий провел решение о мобилизации в РККА бывших царских офицеров, преодолев

сопротивление по этому вопросу фракции «левых коммунистов» во главе с Бухариным. К октябрю 1918 года соотношение сил было таково: Белая армия имела 200 тысяч человек, Красная — 40 тысяч.

Нужны были комиссары. Летом 1918 года комиссар Лариса Рейснер отправилась вместе с мужем в Нижний Новгород. 12 июля оттуда на фронт на помощь красным вышли два первых парохода. При отсутствии твердого единоначалия, при панике отступления процветало воровство казенных денег. Повальное беззаконие заставило Ленина дать указание подготовить декрет о взяточничестве — первый в России нормативный акт, предусматривающий уголовную ответственность за взятку. Это деяние пока наказывалось всего лишь пятью годами лишения свободы вкупе с принудительными работами на тот же срок. Но уже в первом УК СССР 1922 года взяточничество приравнивалось к таким особо тяжким преступлениям, как контрреволюционные выступления, бандитизм и разбой, и каралось высшей мерой.

23 августа Раскольников принял командование флотилией. На этом посту он должен был продолжать борьбу с поддержавшими Муравьева левыми эсерами: командующим Симбирской группой войск и Симбирским укрепрайоном Климом Ивановым и начальником Казанского укрепрайона Трофимовским.

Федор Раскольников пытался держать все под контролем. Из Нижнего, где продолжалось вооружение судов и подготовка отряда гидроавиации, он на самолете вылетел в Свияжск. 23 августа Раскольников принял командование флотилией, но на фронт не попал из-за измены капитана Тихонова. Перебежчиками становились и капитаны других пароходов.

Свияжск в 1918 году неожиданно превратился в место важных военных событий. Ситуация в конце лета сложилась для частей Красной армии опасная. Ленин говорил, что «судьба советской власти решается на Восточном фронте под Казанью» Практически все Среднее Поволжье находилось под контролем войск Комуча и восставших чешских соединений. По этой причине в район стратегически важного железнодорожного моста через Волгу вблизи Свияжска были стянуты части красных, а также суда Волжской военной флотилии. Сюда же прибыл бронепоезд Льва Троцкого. Стремительные передвижения наркома в бронированном поезде с одного фронта на другой для руководства боевыми операциями приводили в ярость врагов, его таланты, неукротимая энергия, поразительная работоспособность и победы на фронтах в самых, казалось, проигрышных ситуациях наводили на мысль о дьявольской природе этого человека. В

красноармейской газете «Красный штык» писали; «В течение короткого времени ему удалось совершить почти чудо: создать прекрасную армию и повести ее к победе. Сам Троцкий всегда на фронте, самом настоящем фронте… Когда Троцкий отдыхает — никому не известно…».

Узнав, что Казань пала, военком остановился в безопасном месте.

Троцкий к этому времени совмещал несколько важнейших государственных должностей: являлся членом Политбюро ЦК РКП(б), членом исполкома Коминтерна, председателем Реввоенсовета республики, а также наркомом по военным и морским делам — «наркомвоенмором».

Такая сложная конструкция возникла из нежелания Ленина при обозначении нового правительства употреблять слово «министр». «Гнусное, истрепанное название!» — горячился Владимир Ильич. Троцкий предложил ввести название «народные комиссары», а правительство именовать «Советом народных комиссаров» («Совнарком»). Ленину это понравилось, и на свет появилась новая терминология. Народные комиссары стали руководящими государственными деятелями высшего ранга. Сначала Троцкий занимал должность народного комиссара по иностранным делам (наркомин), что в то время в наибольшей степени соответствовало его опыту и ментальности, затем стал народным комиссаром по военно-морским делам, то есть, говоря по-современному, министром обороны.

В этом качестве ему полагался поезд, в котором было несколько штабных вагонов, собственная типография, вагон-ресторан. Троцкий выпускал свою газету, у всех прибывших на бронепоезде были нагрудные знаки — прообразы нынешних бейджей. На платформе бронепоезда был доставлен личный автомобиль Троцкого, имелось и еще два автомобиля. Позже прибыл самолет Льва Давидовича для оперативных нужд.

Троцкого можно назвать первым топ-менеджером в пиаре, по этой части в его агитпоезде все было выстроено идеально, включая даже столовую посуду, украшенную специальными логотипами. Существует легенда о том, что охрану своего поезда, в котором ездил по фронтам, Лев Давыдович одел с ног до головы в красное кожаное обмундирование — «для тяжеловесной внушительности».

Особо продуман был даже знаменитый костюм наркомвоенмора. Его сотворил художник Юрий Анненков, который создавал портрет Ленина для первых советских денег, и украшение Красной площади для нескольких годовщин революции кряду. Костюм представлял собой непромокаемое

плащ-пальто с высоким воротником, клапаном и большим карманом по середине груди (такой обычно украшал зимние шинели русских офицеров), кожаные перчатки с крагами (шоферские, очень эффектные), сапоги и фуражку, а также автомобильные очки. Поверх плаща — перекрещенные ремни амуниции, планшет и кобура. Художник смешал офицерский шик с шиком шоферским и сумел обойтись без военной определяющей атрибутики, без петлиц, знаков различия и даже без красной звезды на фуражке. О том, что костюм понравился, говорит тот факт, что в самые голодные годы Анненков получал семь пайков, включая «усиленный паек Балтфлота» и даже паек «матери, кормящей грудью» — за лекции об искусстве при роддоме им. Розы Люксембург.

Человек творческий, чрезвычайно умный, Троцкий умудрялся управлять революционным хаосом и искал только власти. Большевики с «дореволюционным стажем» считали его новичком и выскочкой, что не помешало талантливому Льву стать главным организатором Октябрьского переворота. Именно Троцкий настаивал на решении начать вооруженное восстание. Именно он воспринимался массами как практик и организатор, с нуля создавший победоносную Красную Армию.

Его роль как главного организатора Октябрьского переворота в Петрограде признавалась в большевистской иерархии целых семь лет, до обострения противостояния со Сталиным. Первый нарком просвещения Анатолий Луначарский считал Троцкого едва ли не самым крупным оратором своего времени. «Эффектная наружность, красивая широкая жестикуляция, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого… Я видел Троцкого говорящим по два с половиной-три часа перед совершенно безмолвной, стоящей притом же на ногах аудиторией, которая как зачарованная слушала этот огромный политический трактат». Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Оттокар Чернин, встречавшийся с Троцким на переговорах о Брестском мире, писал: «Троцкий, несомненно, интересный, умный человек и очень опасный противник». Другой участник переговоров в Брест-Литовске, генерал Гоффманн, вспоминал: «Троцкий — хороший оратор, образованный, энергичный и циничный, создавал впечатление человека, который не остановится ни перед какими средствами, чтобы достичь того, чего хочет».

С таким неординарным человеком судьба свела Дару или она

сама посодействовала судьбе — теперь это узнать невозможно.

Лариса, никогда не сомневавшаяся в собственной красоте и утвердившаяся в своем журналистском даре, не собиралась удовлетворяться скромной ролью очеркиста и жены военного моряка. Она стала выполнять разведывательные задания Троцкого, отправляясь во вражеский тыл под видом крестьянки: разузнавала расположение белых, хаживала в разведку в занятую белочехами Казань. В августе 1918 для восстановления связи между штабом и воинскими частями Красной 5-й армии она совершила рейд из Свияжска до станции Шихраны.

Можно предположить, что Лариса и Троцкий были знакомы и раньше — белые пятна в ее биографии уже не восполнить из-за ее посмертной судьбы и за давностью лет. В письме к родителям она рассказывала: «Троцкий вызвал меня к себе, я ему рассказала много интересного. Мы с ним теперь большие друзья, я назначена приказом по армии комиссаром разведывательного отдела при штабе (прошу не смешивать с шпионской контрразведкой), набрала и вооружила для смелых поручений тридцать мадьяр, достала им лошадей, оружие и от времени до времени хожу с ними на разведки. Говорю с ними по-немецки».

В современном Музее гражданской войны в Свияжске скульптурно воссоздана сцена доклада Ларисы Рейснер, вернувшейся из разведрейса, Льву Троцкому.

Два незаурядных человека не могли не потянуться друг к другу.

Троцкий, сын одаренных, но малообразованных родителей был покорен аристократическим происхождением фон Рейснер. Сейчас он был всесилен, но в нем еще жил мальчик из еврейского местечка, гимназист-критикан из провинциального Николаева. Ему, любителю французских романов, общение с утонченной красавицей благородных кровей навевало грезы о чистокровный скакунах, несущих рыцарей без страха и упрека, о звоне длинных клинков, о трепещущих на ветру фамильных стягах. Воображались блестящие и вероломные вельможи, покорно склоняющиеся перед всесильным Храповицким, секретарем «Семирамиды Севера» — императрицы Екатерины. Тускло мерцали золотые обрезы фолиантов на университетских полках темного дерева. «Полностью сконцентрированный на революции» по словам его первой жены Людмилы Соколовской, Троцкий иногда попадал под очарование момента.

Ларису же завораживали острота его ума и безжалостность государственного деятеля. Восхищало умение отражать доводы противника, сочетать фанатическую приверженность своему делу с умением лавировать и, иногда чуть-чуть, а иногда сильно

смещая акценты, подменяя причины следствиями и наоборот, используя спекулятивные построения, привлекать на свою сторону представителей разных кругов. Покоряла даже слегка покровительственная манера человека, стоящего очень высоко на общественной лестнице. Давно известно, что самый сильный афродизиак — это власть.

Естественное влечение между молодой очаровательной женщиной и практически всемогущим харизматичным мужчиной средних лет подогревалась общностью психологических и ментальных установок. Оба были динамичны, жадно стремились к новым впечатлениям, высоко ставили себя над толпой, и в то же время проповедовали абстрактную любовь ко всему «трудовому человечеству». Возможно, Лариса в мечтах уже видела себя супругой, Эгерией этого великого государственного человека. Правда, он был женат, и уже вторым браком, но что значила какая-то Наталья Седова по сравнению с божественной Ларисой Рейснер! Но, кажется, Троцкий в тактичной форме дал ей понять, что простая сердечная привязанность недоступна для него — лишь потому, что все отдано революции.

Недолгое время, когда отсутствовал Раскольников, участвовавший в военных операциях, Лариса проводила ночи с наркомом в купе его знаменитого бронепоезда. Ходили слухи, будто Раскольников, неожиданно вернувшись, застал их «на месте преступления», но понял и простил. Несмотря на кратковременность связи (а, может быть, именно благодаря ее непродолжительности), Троцкий сохранил о Ларисе нехарактерные для него нежные воспоминания, не без намека на близость. «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий иронический ум и мужество воина». Он называл ее бесстрашной Афиной Палладой, богиней революции.

Лариса, мечтающая «с Троцким умереть в бою, выпустив последнюю пулю в упоении, ничего уже не понимая и не чувствуя ран…», посвятила наркому свою поэму «Свияжск». А в книге очерков «Фронт» она изобразила его великим человеком, «сумевшим дать новорожденной армии железный костяк». Тогда это мнение было общепринятым. Даже Сталин до того, как началась борьба за власть, писал, что победу в Октябрьской революции и Гражданской войне «нельзя представить без участия «товарища Троцкого».

Казанское приключение Ларисы, как и многое другое в ее биографии, всегда вызывало массу вопросов.

Экстренное наступление на Казань было вызвано, в

частности, необходимостью отбить у белых хранившийся в Казани царский Золотой запас, который Ленин и Троцкий планировали вывезти в Москву, но не успели. Правда небольшая часть Золотого запаса все же была отправлена в Москву. В столице мирового пролетариата она бесследно исчезла. Краеведы Казани утверждали, что из казанского филиала Госбанка России пропало около 140 млн. царских золотых рублей и драгоценности. Может быть, смелые рейды отважной разведчицы ставили целью узнать не только о Раскольникове, о других товарищах, пленных и погибших, но и о захваченном «чехо-сербо-японо-казано-татарскими патриотами» (выражение Ларисы Рейснер) Золотом запасе России.

Лариса была очевидцем того, что назвала «свияжской трагедией» и оправдала действия суда: «Судили и расстреляли 27 коммунистов, бежавших в числе прочих на пароходы в самую ответственную минуту. Об этом расстреле 27-ми много потом говорили, особенно, конечно, в тылу, где не знают — на каком тонком волоске висела дорога на Москву и все наше, из последних сил предпринятое, наступление на Казань. Во-первых: вся армия говорила о том, что коммунисты оказались трусами, что им-де закон не писан, что они могут безнаказанно дезертировать там, где простого красноармейца расстреливают, как собаку. Если бы не исключительное мужество Троцкого, командарма и других членов Реввоенсовета, престиж коммунистов, работающих в армии, был бы сорван и надолго потерян. Нельзя убедить никакими хорошими словами армию, которая сама в течение шести недель терпит всевозможные лишения, дерется без сапог, без теплого белья и перевязочных средств, что трусость — не трусость, и что для нее есть какие-то «смягчающие вину обстоятельства». Говорят, среди расстрелянных комиссаров были хорошие товарищи, были и такие, вина которых искупалась прежними заслугами — годами тюрьмы и ссылки. Совершенно верно. Никто и не утверждает, что их гибель — одна из тех нравоучительных прописей старой военной этики, которая под барабанный бой воздавала меру за меру и зуб за зуб. Конечно, Свияжск — трагедия…». Но иначе, по мнению Л. Рейснер, «никогда бы не выкристаллизовался ее — Красной Армии — железный дух, никогда бы не было этой спайки между партией и солдатской массой, между низами и верхами комсостава».

Даже на фоне ужасов Гражданской войны кровавые расправы над красноармейцами в 1918 году в Свияжске стоят на первом месте.

Очерк «Свияжск» впоследствии никогда не переиздавался.

Лариса — «замком по морде»

Красная флотилия двигалась к Каспию. Здесь не так чувствовался голод, царивший в Центральной России. Зимой 1919 года Андрей Белый делился с другом, писателем Ивановым-Разумником. «Писать книги нельзя — нет бумаги; писать письма нельзя — города отрезаны друг от друга; работать нельзя — ибо в комнатах стоит такой холод, что люди прячутся под одеяла; есть тоже нельзя. Что же можно? Все немногое, что разрешено, обставлено столькими бумагами, расписками, удостоверениями, талонами, что люди просто отказываются от счастья получить сухую селедку, когда получение ее обставлено всякими стояниями на морозе; спрашивают не только талоны и бумаги, спрашивают… корешки от талонов (чаще и чаще); словом, право на жизнь — чисто биологическую — обставлено столькими бумагами, что многие задумываются, стоит ли жить; умирать — разрешается сколько угодно: вот она, «новая жизнь»!

Ларису назначают комиссаром Морского Генерального штаба (когенмором). Назначение, судя по всему, произошло по инициативе Л. Троцкого. «Она была совершенно неожиданной в Морском Генеральном штабе, сплошь состоявшем из бывших офицеров царского военно-морского флота. В то время командующим морскими силами республики был Альтфатер, как говорили, незаконный сын Александра III… Она удивительно тонко умела с офицерами ладить и создавала хорошую деловую обстановку».

Лариса пригласила к себе отца с матерью, частью чтобы подкормить их, оголодавших в Москве, частью чтобы похвалиться своим новым положением. В Астрахани семья Рейснеров занимала здание бывшего Азовско-Донского банка, по Волге перемещалась на императорской яхте «Мезень». «Мы все время жили на пароходе или делали поездки на фронт… Мы с матерью прямо расцвели. А если прибавить к этому, что мы буквально утопали в винограде и персиках, что все дивные рыбные блюда были у нас в изобилии — одной икры мы с матерью за эти месяцы съели больше, чем за всю нашу жизнь — то внешняя сторона нашего блаженства станет тебе ясна», — писал Михаил Рейснер сыну.

«…поставят на стол
Венком бирюзовым бокалы
И рыбу в шафране густом,
И рядом румяные халы.

И чашу пушистых маслин,
Гранатов упругих и крупных,
И круглый граненый графин,
С вином, распускающим пурпур».

М. Ройзман, 1924

Лариса заставила Раскольникова назначить отца, бывшего приват-доцента Психоневрологического института, начальником Побалта, то есть партийным комиссаром флота Михаил Андреевич важно рассказывал сыну: «… Фед. Фед. оказывал мне самое дружеское содействие. В Астрахани я согласился принять на себя у Фед. Федоровича заведование политическим отделом всей его флотилии». Михаил Рейснер организовал для матросов курс развивающих лекций и остался очень доволен произведенным впечатлением. Однако назначение этого глубоко чуждого балтийским морякам человека, естественно, могло лишь скомпрометировать политику руководства. Так и произошло. Вскоре тестя Раскольникова пришлось отстранить от должности в связи с резким недовольством снизу.

Вообще впечатления о Волжской флотилии диаметрально противоположны по тональности. Сохранились записи воспоминаний на счет комиссара Ларисы моряков — они таковы, что пересказывать неловко. Расположенные к Ларисе мемуаристы повествуют о ее отваге и находчивости, о смелых рейдах в тыл врага, о ее революционной справедливости. По словам Льва Никулина, Лариса чеканила ему в разговоре: «Мы расстреливаем и будем расстреливать контрреволюционеров! Будем!» Даже чрезвычайно доброжелательно настроенный к Ларисе мемуарист отмечает ее «расстрельные наклонности». В этом она, быть может, бессознательно, но почти буквально следовала рекомендациям Михаила Бакунина: «В революционере должны быть задавлены чувства родства, любви, дружбы, благодарности и даже самой чести. Он не революционер, если ему чего-либо жалко в этом мире. Он знает только одну науку — науку разрушения».

Ее боялись все матросы флотилии, потому что она не пряталась от вражеских снарядов и с садисткой улыбкой сама расстреливала пленных белогвардейцев. Наверно, было тяжело преодолеть отвращение к оружию. Но стоило только начать, и дело пошло.

Увы, в этом Лариса была не одинока. Символом «революционной» жестокости стала другая большевичка, Розалия

Залкинд, больше известная как Роза Землячка. В Крыму, куда ее отправили наводить новый порядок, Черное море у берегов стало красным от крови расстрелянных. «Бойня шла месяцами. Смертоносное таканье пулемета слышалось до утра… В Симферополе расстреляли 1800 чел., в Феодосии — 420, в Керчи —1300 и т. д.», — рассказывал в опубликованных за рубежом статьях и в книге о красном терроре известный историк и общественный деятель Сергей Мельгунов (1880–1956). «Пулеметы в Крыму работали не переставая, пока «товарищ Демон» не скомандовала: «Жаль на них патронов. Топить. И все». Приговоренных собирали на баржу, привязывали к ногам камни и сбрасывали в море. Часто это делалось на глазах у жен и маленьких детей, которые, рыдая, умоляли о пощаде. Но лозунг большевиков призывал: «Долой любовь к ближнему! Мы должны научиться ненависти». Потом рыбаки, выходившие на лов, видели, как в воде стоит армия мертвецов. Роза не только давала отмашку на уничтожение людей, но и сама активно участвовала в казнях. А в советской печати писали: «Удивительным человеком была Землячка. Не уставала заботиться о людях. Работала, не жалея сил».

Беспристрастные наблюдатели вспоминают о том, как супруги-революционеры Лариса и Федор на стоянках располагались в старинных усадьбах, брошенных обитателями, с их «Рембрандтами и книгохранилищами», как прекрасная Лариса принимала в захваченных поместьях ванны из шампанского, как завели обширный штат прислуги, устраивали на прежний манер «приемы». Нечего и говорить, какое впечатление производило на моряков, в том числе партийных, поведение их начальников.

Апологеты Рейснер ни слова не говорят об этих низменных материях, но она сам в письме близким подтверждает слухи о заурядных реквизициях: «Передам для вас Беренсу кипу старой китайско-персидской живописи, а себе оставлю на счастье только дивного Будду, взятого в глиняном храме посреди выжженных калмыцких степей».

Ничуть не брезгуя, Лариса облачалась в роскошные наряды с чужого плеча; ее гардероб чудовищно разросся, на руке сверкал огромный бриллиант. Жили адмирал и комиссар в покоях царицы. Узнав, что императрица однажды начертала алмазом имя «Алиса» на оконном стекле кают-компании, Лариса тотчас же чертит свое.

И снова возникают вопросы. Что это за пресловутый алмаз, о котором вспоминают почти все современники событий? Тот ли это камень, который «прилип» к рукам Ларисы во время ее работы в Комиссии по учету и охране сокровищ Эрмитажа? Или он

появился у нее после взятия остатков золотого запаса царя как подарок 39-летнего Троцкого 23-летней красавице — неизвестно.

Сама журналистка скромно, но живо рисовала свои приключения на благо революции. В те же дни Лариса писала родителям: «Жизнь спешит безумно». Но именно это бешеная круговерть жизни и делала ее для Ларисы такой чарующей.

Читая жизнеописания Ларисы, принадлежащие перу в разной степени пристрастных авторов, представляешь всю жизнь героини как непрерывный подвиг. Известно, что походный быт сближает, служит неисчерпаемым источником умиленных воспоминаний. Георгиевский кавалер, сбежавший из дома мальчишкой на первую мировую войну, 18-летний Всеволод Вишневский в то время был пулеметчиком на пароходе «Ваня-коммунист» и выбрал Ларису Рейснер в прототипы комиссара в «Оптимистической трагедии». Все время своего комиссарства Лариса была на высоте: бесстрашная, безжалостная, находчивая; она — кумир моряков, умеющая и перевязать раненого, и подбодрить загрустившего, а если надо — то и крепко послать по-матерному. Действительно, часть воспоминаний о Ларисе Рейснер прямо-таки восторженна. Молодость, красота, смелость составляли одну половину очарования ее личности; аристократизм и недоступность — другую. Но это подвижничество, разнообразившееся переменой мест и лиц, длилось всего четыре месяца с большими перерывами. Выполнив свой революционный долг, чета Раскольниковых стремилась в Петроград, в гущу политических интриг, поближе к власти.

В Петрограде Раскольников, командующий Балтийским флотом, вместе с Ларисой поселился в Адмиралтействе, в квартире бывшего морского министра. Будуар супруги командующего описал верный паладин Ларисы Всеволод Рождественский. Комната «сверху донизу затянута экзотическими тканями. Во всех углах поблескивают бронзовые и медные Будды калмыцких кумирен и какие-то восточные майоликовые блюда. Белый войлок каспийской кочевой кибитки лежал на полу вместо ковра. На широкой и низкой тахте в изобилии валялись английские книги, соседствуя с толстенным древнегреческим словарем. На фоне сигнального корабельного флага висел наган и старый гардемаринский палаш. На низком восточном столике сверкали и искрились хрустальные грани бесчисленных флаконч иков с духами и какие-то медные, натертые до блеска сосуды и ящички, попавшие сюда, вероятно, из калмыцких хурулов». В этом будуаре Лариса принимает гостей — в роскошном халате, прошитом тяжелыми золотыми нитями, и «если бы не тугая каштановая коса, уложенная кольцом над ее

строгим пробором, сама была бы похожа на какое-то буддийское изображение».

Зимой страшного 1920 года, когда на улицах от голода падали и умирали люди, прекрасная Лариса устраивала в Адмиралтействе приемы. На них приглашались ее многочисленные знакомые из литературных кругов и богемы. Недоедающие, закутанные в нелепые одежки, давно отвыкшие от подобной роскоши и блеска, гости неловко топтались на сверкающем паркете и боялись протянуть руки за изысканным угощением — душистым чаем и бутербродами с икрой. Некоторые удостаивались особой чести — посетить темно-красный салон, «где пьют уже не чай, а ликеры. Удовольствие выпить рюмку бенедиктина несколько отравляется необходимостью делать это в обществе мамаши Рейснер, папаши Рейснер и красивого нагловато-любезного молодого человека — «самого» Раскольникова», — писал Георгий Иванов.

Однажды выхоленная оживленная Лариса пожаловала в гости к Ахматовой — в модной одежде, шикарной шляпе, шелковых чулках. Так хотелось душевно обнажиться, покаяться — почти «увела» мужа у знаменитой поэтессы — и в то же время продемонстрировать такую счастливую и восхитительную себя. Она принесла с собой продукты. Однако через некоторое время по ее же приказу Гумилев был лишен полагавшегося ему пайка — боль в сердце не утихла. Несмотря на замужество, Лариса в глубине души по-прежнему чувствовала себя брошенной.

Ей неизменно требовались новые пленники ее красоты; постоянно было необходимо восхищение и преклонение окружающих — ими подпитывалась ее энергия. Бездействие сокрушало ее, банальность угнетала, скука убивала. Влекло только свежее, неизведанное, нетривиальное. Ее современники, родственники, знакомые, друзья добавили свои штрихи к портрету Ларисы: она, безусловно, обладала психологическим богатством, тонким умом и наблюдательностью. Любила все яркое, даже резкое, с трудом сдерживала свои порывы; проскальзывали в ней склонность к театральности и некоторая доля сентиментальности — легко пробивалась на слезы. Всегда резкая в суждениях о других, она не терпела никаких замечаний в свой адрес.

Как-то Лариса обещала трем обожавшим ее поэтам, что на балу-маскараде в Доме искусств появится в бело-голубом платье по эскизу Бакста для балета «Карнавал». И она в нем явилась, несмотря на то, что бесценное платье было подлинной театральной драгоценностью и охранялось в Мариинке целой командой гардеробщиц и портных.

Всеволод Рождественский вспоминал: «И вдруг прямо перед собой у входа я увидел только что появившуюся маску в пышно разлетавшемся бакстовском платье. Ее ослепительно точеные плечи, казалось, отражали все огни зала. Ореховые струящиеся локоны, перехваченные тонкой лиловой лентой, падали легко и свободно. Ясно и чуть дерзко светились глаза в узкой прорези бархатной полумаски. Перед неизвестной гостьей расступались, оглядывали ее с восхищением и любопытством. Она же, задержавшись с минуту на пороге, шуршащим облаком сразу поплыла ко мне.

— Мы танцуем вальс, не правда ли? — прошептал надо мной знакомый голос, и узкая, действительно прекрасная рука легла на мое плечо… Колдовские волны «Голубого Дуная» приняли нас на свое широкое, неудержимо скользящее куда-то лоно.

— Ну, что? Не была ли я права?»

Об этом бале сохранилось множество воспоминаний — такое сильное впечатление он произвел на современников.

Много лет спустя, в эмиграции, свидетельница литературной и культурной жизни тех лет Анна Элькан рассказывала: «…в январе 1921 года устроили костюмированный бал, на котором блистала Лариса Рейснер, красавица, дочь профессора Рейснера и жена комиссара Балтийского флота. На этом балу были решительно все, кто еще оставался в Петербурге… Гумилев стоял в углу и ухаживал за зеленоглазой поэтессой с бантом в рыжеватых кудрях (Ириной Одоевцевой)».

В личном распоряжении Ларисы Михайловны был «огромный коричневый автомобиль Морского штаба». В этом она почти сравнялась с Григорием Зиновьевым. Тот тоже разъезжал в роскошном автомобиле, сидя на коленях у матросов-охранников, и по воспоминаниям очевидцев, полным розовым лицом и кудрявой шевелюрой весьма напоминал старую даму в буклях.

Во время служебных отлучек мужа Лариса не сидела сложа руки. Она носилась из «Петербурга в Москву» и вошла в Комиссию по изданию русских классиков под председательством А.В. Луначарского, заседавшую в Зимнем дворце. Выбор и издание книг классики для народа, доступных по цене, считались одним из важнейших дел культурного строительства. Здесь Лариса ближе познакомилась с Александром Блоком.

Советская власть не вызывала у него такого негативного отношения, как у многих других поэтов «серебряного века». В то время, когда Анна Ахматова, Михаил Пришвин, Зинаида Гиппиус, Юлий Айхенвальд, Дмитрий Мережковский и многие другие вовсю критиковали пришедших к власти большевиков, Блок согласился сотрудничать с новым государственным

руководством. Имя поэта, который к тому времени был достаточно хорошо известен публике, активно использовалось властями в своих целях. Помимо прочего, Блока постоянно назначали на неинтересные ему должности в различных комиссиях и учреждениях.

Настоящий отрицательный резонанс в литературном мире вызвал образ знаменитой поэмы «Двенадцать» — Иисус Христос, который оказался во главе шествия из двенадцати солдат Красной Армии. Хотя сейчас это произведение считается одним из лучших творений времен «Серебряного века» русской поэзии, большинство современников Блока высказывались о поэме, особенно об образе Христа, в крайне негативном ключе.

Неисчерпаемым источником свидетельств об этом смутном времени служат дневниковые записи Зинаиды Гиппиус. В своих оценках она предельно откровенна и резка. «Всеобщая погоня за дровами, пайками, прошениями о невселении в квартиры, извороты с фунтом керосина и т. д. Блок, говорят, (лично я с ним не сообщаюсь) даже болен от страха, что к нему в кабинет вселят красноармейцев. Жаль, если не вселят. Ему бы следовало их целых «12». Ведь это же, по его поэме, 12 апостолов, и впереди них «в венке из роз идет Христос»! — у комиссаров есть все: и дрова, и свет, и еда. И всего много, так как их самих — мало. Физическое убиение духа, всякой личности, всего, что отличает человека от животного. Разрушение, обвал всей культуры. Бесчисленные тела белых негров.

Да что мне, что я оборванная, голодная, дрожащая от холода? Что — мне? Это ли страдание? Да я уж и не думаю об этом. Такой вздор, легко переносимый, страшный для слабых, избалованных европейцев. Не для нас. Есть ужас ужаснейший. Тупой ужас потери лица человеческого. И моего лица, — и всех, всех кругом…». Она спросила Блока: «Уж вы, пожалуй, не с большевиками ли?»… — «Да, если хотите, я скорее с большевиками».

История этого разрыва и реконструкция идейных коллизий, которые сделали неизбежной конфронтацию былых союзников по литературе, составила суть мемуарного цикла Гиппиус «Живые лица» (1925). Революция (наперекор Блоку, увидевшему в ней взрыв стихий и очистительный ураган) была описана ею как «тягучее удушье» однообразных дней, «скука потрясающая» и вместе с тем, «чудовищность», вызывавшая одно желание: «ослепнуть и оглохнуть».

Впрочем, Зинаида Николаевна не долго сердилась на Блока и других заблудших. «Блок — «потерянное дитя», как и А. Белый. Корней Чуковский — довольно даровитый, но не серьезный,

вечно невзрослый, он не «потерянное дитя», скорее из породы «милых, но погибших созданий», в сущности, невинный».

Август и сентябрь 1920 года был ознаменован чуть ли не ежедневными встречами Ларисы и поэта, прогулками пешими и конными, долгими беседами.

Надежда Павлович, молодая поэтесса по прозвищу Москвичка, приехавшая из Москвы в Питер организовывать Союз поэтов, назойливая поклонница Блока, поражающая всех вокруг своей бестактностью и необоснованными претензиями, не могла пройти в своих воспоминаниях мимо яркой привлекательной Ларисы. Она «была красавица с точеным холодным лицом. Очень умна, очень обворожительна, дивно танцевала, напоминала женщин эпохи Возрождения. Одно время Блок встречался и катался с ней верхом, но, ценя ее ум и красоту, относился к ней с несколько опасливым интересом. В ней чувствовалось что-то неверное, ускользающее».

Тетушка поэта, М.А. Бекетова расценивала интерес Ларисы к племяннику иначе. «Из Москвы приехала Лариса Рейснер, жена известного Раскольникова. Она явилась со специальной целью завербовать Ал. Ал. в члены партии коммунистов и, что называется, его охаживала. Устраивались прогулки верхом, катанье на автомобиле, интересные вечера с угощеньем коньяком и т. д. Ал. Ал. охотно ездил верхом и вообще не без удовольствия проводил время с Ларисой Рейснер, так как она молодая, красивая и интересная женщина, но в партию завербовать ей его все-таки не удалось, и он остался тем, чем был до знакомства с ней…».

Стремление красавицы включить гения в «члены партии коммунистов» или в свою коллекцию обожателей не увенчались успехом. Однако знакомство сохранилось, что имело далеко идущие последствия.

Но и без великого поэта Лариса, окруженная преклонением пленников ее привлекательности, открыто наслаждалась своей красотой, молодостью, роскошной одеждой и положением, невзирая на потоки осуждений в свой адрес. «Если можно быть приятной для глаз, почему не воспользоваться этой возможностью», — заявляла она. Впрочем, «ее праздничная, вызывающая нарядность на фоне нищеты и разрухи не вызывала раздражения и кривотолков», — писал в своих воспоминаниях поэт Всеволод Рождественский, по-видимому, сильно заблуждаясь.

Влияние властной супруги советского адмирала крепло. В окружении Раскольникова появлялось все больше людей из круга Рейснеров. Многие не оставили следа в истории, но иначе

произошло с неким молодым одесситом с внешностью итальянского гранда времен Лоренцо Великолепного, которого все однозначно считали любовником Ларисы — Сергеем Адамовичем Колбасьевым, личностью весьма неординарной. За давностью лет уже не узнать, как сошлись пути его отца, выходца из старинной военной семьи, но по должности скромного коллежского асессора Адама Викторовича Колбасьева и итальянки, уроженки Мальты, красавицы Эмилии Элеоноры (Эмилии Петровны) Каруана. По-видимому, она попала в Россию в связи с негоциантскими интересами семьи, занимавшейся вывозом хлеба через Одессу и Николаев. Во многом благодаря матери Сергей Колбасьев с детства владел английским, французским, немецким и итальянским языками. Юноша нежно любил и уважал свою непохожую на других женщин экзотическую матушку. Он наградил ее шутливым юбилейным дипломом, за «неустанные труды на благо российской литературы» — рождение и воспитание такого одаренного сына.

Эмилия Петровна, не чуждая писательскому творчеству (в 1921–1922 годах она работала секретарем петроградского Дома Поэтов на Литейном проспекте), и Екатерина Михайловна Рейснер дружили с юности, и, возможно, даже находились в дальнем свойстве. Это предопределило тесное общение семей, когда Колбасьевы перебрались в Петербург. Здесь Сергей закончил гимназию Лентовской, и проявлял несомненную склонность к литературе. Однако с 1915 года, по примеру братьев отца и с согласия Эмилии Петровны Сергей обучался в Морском кадетском корпусе. Практику проходил в 1917 году на миноносце «Свирепый», участвовал в боевых действиях против турецкого флота. После закрытия корпуса большевиками и досрочного выпуска в марте 1918 года, не доучившийся юный гардемарин был направлен на Северный флот, где служил переводчиком при союзной миссии, но перед интервенцией уехал в Петроград.

Сергей Колбасьев тоже попал в сферу влияния Рейснер-Раскольниковых и долго оставался почти членом этой семьи.

В декабре 1918 года Федор Раскольников попытался организовать морской набег на Ревель (Таллинн), где в то время стояли английские суда. Этому предшествовали долгие переговоры по телефону с Ларисой, которая передавала ему распоряжения Троцкого. «На миноносце «Спартак» я отправился в разведку к Ревелю и наткнулся на значительно превосходившую нас английскую эскадру, состоявшую из пяти легких крейсеров, вооруженных шестидюймовой артиллерией. С боем отступая по направлению к Кронштадту, наш миноносец потерпел неожиданную аварию, врезавшись в каменную банку и сломав все

лопасти винтов», — отчитывался Раскольников. Увечный «Спартак» попытался отойти в наши воды, но англичане быстро догнали его и захватили в плен команду. Десятого января 1919 года Раскольникова и еще одного моряка доставили в Лондон. Его обвинили в неспровоцированном обстреле гражданских портовых сооружений и городских кварталов Таллина. На допросе в Адмиралтействе он отказался отвечать на военные вопросы. В Скотленд-Ярде ему сообщили, что он будет заложником за англичан, попавших в плен недалеко от Архангельска. Ему разрешено было отправить телеграмму: «Взят в плен англичанами. Лондон». Она пришла в Россию только 7 февраля.

Это известие не столько испугало, сколько необычайно возбудило Ларису; она как никогда ощутила свою нужность. Энергичная женщина делала все возможное и невозможное, чтобы вернуть мужа в Россию. Соглашение об обмене заложниками было достигнуто только к 20 апреля. Во многом благодаря нажиму Ларисы 27 мая в Белоострове состоялся обмен «первого лорда российского адмиралтейства» на 17 английских офицеров.

«Безмерная радость охватила меня, когда после пяти месяцев плена я снова вернулся в Социалистическое Отечество», — вспоминал Раскольников. Когда много лет спустя он основал «Библиотеку приключений», был напечатан его рассказ «В плену у англичан». Рассказ остросюжетный, в нем повествуется о человеке, ставшем заложником за взятых в плен английских морских офицеров. Пленник нес ответственность как за всех, так и за каждого офицера в отдельности. Это ложилось на него тяжелым моральным грузом. Автор говорит о неудобном проживании в камере-одиночке, о редких допросах; но в рассказе не описаны его переживания — ведь сначала он не мог исключить, что его расстреляют.

Четвертого июня Лариса была освобождена от должности когенмора и уехала с мужем на Волгу, в Царицын. В июне 1919 года она сообщала домой: «мы с Федей бесконечно счастливы, это не случайная вспышка «добрых» чувств, но неизменная прямая. Англия сделала из него мужчину…»

В июне-июле 1919 года Раскольников был назначен командующим Астрахано-Каспийской флотилией. Он участвовал в боях под Царицыном, Черным Яром, в обороне Астрахани. После взятия Баку и провозглашения советской власти в Азербайджане он — командующий морскими силами Каспийского моря, затем командующий Азербайджанским флотом. Под его руководством взят форт Александровский и осажден самый крупный иранский порт в Каспийском море

Энзели — база военного флота белогвардейцев. Однако попытка «экспорта социализма» в Иран морским десантом под его командованием окончилась неудачно: жители Энзели самозваных «освободителей» не поддержали. Тем не менее, Троцкий наградил Раскольникова вторым Орденом Красного Знамени.

Супруга командующего — всегда рядом, практически принося себя в жертву. В походе на Каспии Лариса получила тропическую лихорадку, от которой страдала всю оставшуюся жизнь.

Адмирал И.С. Исаков, очень осторожный в оценке персоналий, в своих каспийских дневниках весьма нелестно отзывается о флотоводческих талантах Раскольникова — на грани безграмотности. А уж после Энзели не удержался и рассказал, как тот присвоил себе всю славу успешных действий не только флотилии, но и удачных стрельб и маневров отдельных кораблей. Эту легенду поддерживал в советской прессе пиар от Рейснер.

После возвращения блистательная Лариса оказалась вдалеке от эпицентра главных стремлений и интересов Раскольникова. Отношения супругов опять дали трещину. Лариса признавалась в письме родителям, что не может разделять его увлечения историей партии; ей недостает его внимания. Каждый день давал повод для раздражения. По словам Федора Федоровича, Лариса была очень ревнива.

Однако сама она далеко не вела жизнь затворницы.

Жорж Иванов рассказывал, что «встретил на Невском двадцатидвухлетнюю красивую, надушенную и разряженную Ларису и услышал от нее: — Приходите к нам в Адмиралтейство, главный подъезд. Ведь я — очаровательная улыбка — «коморси». Я не удивлен. А «коморси» значило: «командующий морскими силами». Серые глаза блестят, подкрашенные губы улыбаются — «комарси»… И я не удивился почти. — Шубка голубая, платье сиреневое, лайковая перчатка благоухает герленовским «Фоль Арома». И вот теперь эта женщина — «комарси» — может сейчас же распорядиться, чтобы Балтийский флот шел бомбардировать Финляндию. Что ж, дело житейское. В то время мало чему удивлялись».

Однако Лариса несколько преувеличила свою значимость. На самом деле она занимала должность, принятую в советском ВМФ в 20-е годы, которая официально называлась так: заместитель комиссара по морским делам, сокращенно — «замком по морде».

Кронштадтский мятеж

В отдельно взятой семье Раскольниковых не было гармонии, но и молодая советская республика испытывала серьезные трудности. Особенно тяжелое положение сложилось в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве и Петрограде. Население откровенно голодало. Интеллигенция потянулась на юг. Так, бывший властитель умов Вячеслав Иванов перебрался в Баку, куда стремились из столиц «профессора, не желавшие под разнообразными наименованиями дисциплин преподавать единоспасающий марксизм». Правительство не позволяло Иванову путешествовать, и он занялся преподаванием классической филологии в университете Баку. Из Азербайджана он в 1924 году уехал в Италию, обосновался в Риме и принял католицизм.

В январе 1921 года было объявлено о сокращении рабочего пайка на треть. По существу, начался настоящий голод. Дело доходило до того, что заключенные, освобождаемые из тюрем, отказывались уходить: в тюрьме, по крайней мере, им было гарантировано питание. Самый «пролетарский» писатель М. Горький негодовал: «Нужно, черт возьми, чтобы они либо кормили, либо — отпустили за границу. Раз они так немощны, что ни согреть, ни накормить не в силах. Ведь вот сейчас — оказывается, что в тюрьме лучше, чем на воле: я сейчас хлопотал о сидящих на Шпалерной, их выпустили, а они не хотят уходить: и теплее, и сытнее!»

Юрий Анненков в своих воспоминаниях «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» записывал: «1920 год. Эпоха бесконечных голодных очередей, «хвостов» перед пустыми «продовольственными распределителями», эпическая эра гнилой промерзшей падали, заплесневелых хлебных корок и несъедобных суррогатов…». Ирина Одоевцева вспоминала: «Очень холодная, очень голодная, очень черная зима… С наступлением сумерек грабили всюду…» Весной стало еще тяжелее. Многие родители были вынуждены отдавать детей в детские дома, потому что не могли их прокормить дома. Такое решение — на время определить дочку Леночку в приют — принял и Гумилев. Позднее Александра Измаилович, близкая подруга лидера левых эсеров Марии Спиридоновой, обратилась в Красный Крест с просьбой перевести едва оправившуюся после перенесенного тифа Спиридонову в Таганскую тюрьму на казенное содержание.

В некоторых городах начались забастовки рабочих и уличные выступления, немедленно подавленные. На главной базе флота, в

туманном и дождливом городе-крепости Кронштадте, где размещалось свыше 26 тысяч человек, расправа с рабочими-социалистами вызвала возмущение. Стало очевидно, что фактически под лозунгом утверждения диктатуры пролетариата установилась диктатура большевистской партии.

Массы роптали еще и потому, что Раскольников со товарищи жировали за их счет. Супружеская пара Раскольников-Рейснер вызывала раздражение матросов. Как и многие другие в революционном руководстве, Раскольниковы были выходцами из среды интеллигенции и отличались вкусами и нравами, которые советская власть поощряла в виде привилегий: большие квартиры, казенная (конфискованная!) мебель, посуда, хорошее питание. Для матросов и трудящихся, ожидавших обещанное равенство, эти привилегии были неприемлемы. Артистическая экстравагантность Ларисы, истолкованная как пошлое «обуржуазивание», возмущала матросов, находящихся под командованием Раскольникова. На фоне их процветания жалко выглядел продуктовый паек морякам Кронштадта, да и он постоянно сокращался. Матросы не всегда получали положенные им продукты. Запасов рыбы, мяса, муки имелось не более чем на 20 дней.

Раскольников в январе 1921 года отправил телеграмму в Москву. В ней был донос на кронштадтцев: «Окончание гражданской войны, отсутствие непосредственной военной опасности пробуждает среди моряков, утомленных долголетнею службою, естественную реакцию. Эта реакция проявляется не только в виде усталости, апатии, ослабления дисциплины, но она распространяется и против тех лиц, которые по воле партии до сих пор осуществляли на флоте твердую и неуклонную дисциплину». Раскольников умолчал о том, что кронштадтцев утомил он сам и его окружение. За короткое время он сменил две трети командиров и комиссаров флота, поставив на их места своих людей. По мнению многих военных историков, во многом «восстание моряков Кронштадта 1921 года явилось непосредственным результатом соответствующего руководства Раскольникова в духе его самого, его жены Ларисы Рейснер, ее родственников, и их восточного салона в Адмиралтействе».

27 января 1921 года Раскольникова временно отстранили от должности начальника Морских сил Балтийского флота и отозвали в Москву. Однако это не предотвратило стихийный взрыв возмущения месяц спустя. Поводов для недовольства у матросов накопилось немало. В Кронштадте, как и в других городах, царил голод. Вместе с тем среди «клешников» — вчерашних крестьян — росло раздражение действиями

продотрядов, которые отбирали в деревнях не только излишки, но и последнее (письма из дома шли отчаянные).

Кронштадт был многопартийным, — там на равных взаимодействовали большевики, левые эсеры и анархисты, — а вожди большевизма целенаправленно вели дело к диктатуре одной партии. Кронштадт проповедовал приоритет местной власти, а они выстраивали жесткую властную вертикаль, отводя местным Советам роль послушных исполнителей воли всесильного Центра. Наконец, самым главным раздражителем для Кронштадта было то, что Советы — символ народовластия, под знаменем которых они делали революцию и воевали на Гражданской войне, постепенно теряли свою роль, возвышалась партийная аристократия. Лозунги «Долой комиссарократию!», «Власть Советам, а не партиям!» — звучали в это время почти на каждом собрании моряков. Те самые люди, которые брали Зимний дворец и арестовывали Временное правительство, с оружием в руках устанавливали большевистскую власть в Москве и разгоняли Учредительное собрание, которых Лев Троцкий называл «гордостью и славой русской революции», теперь считали, что комиссары их предали.

1 марта в Кронштадт прибыли председатель ВЦИКа М.И. Калинин и комиссар Балтфлота Николай Кузьмин, которые пытались отговорить матросов от политических требований. Но, похоже, решение в отношении мятежных моряков уже было принято, церемониться с ними не собирались. Революция вновь требовала человеческих жертв.

Первый штурм крепость отбила, второй же оказался успешным и сопровождался тяжелыми боями за каждый дом и тяжелыми потерями с обеих сторон, причем есть свидетельства большевиков о том, что такого ожесточенного сопротивления они не встречали прежде.

Поэт Николай Оцуп вспоминал: «Помню жестокие дни после кронштадтского восстания… Казалось, время словно повернуло вспять. …Гумилев сидит на ковре, озаренный пламенем печки, я против него тоже на ковре… Мы стараемся не говорить о происходящем — было что-то трагически обреченное в кронштадтском движении, как в сопротивлении юнкеров в октябре 1917 года». Да, времена изменились: тогда матросы убивали юнкеров и кадетов, теперь моряков расстреливали красные курсанты. Но не все согласились стать карателями: большинство курсантов Училища командного состава Морских Сил (бывшего Морского кадетского корпуса) отказалась выступить против кронштадтцев.

Раскольников вместе со свои старым знакомцем П.Е. Дыбенко

участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, несколько десятков смертных приговоров, вынесенных Дыбенко, исполнил лично. Очевидцы утверждают: Федор Федорович в это время сильно пил, и то и дело цитировал Достоевского. Дыбенко написал рапорт о его отзыве, и Троцкому пришлось к этому рапорту прислушаться: состояние Раскольникова начало внушать опасения и ему самому.

На подавление Кронштадтского мятежа был брошен бывший лейб-гвардеец Семеновского полка, блестящий молодой Михаил Тухачевский. Не прошло и двух недель, как восстание было утоплено в крови. Примерно восьми тысячам мятежников удалось по льду уйти в Финляндию. Точные потери штурмовавшей армии были обнародованы только в 1990 году — 3120 человек, в том числе 1912 человек убитыми. Потери кронштадтцев неизвестны. Но можно предположить, что они составили не менее 5–6 тыс. Раненых не щадили, пленных не брали. Репрессии начались немедленно. 2103 человек казнили по решениям ЧК и ревтрибуналов, 6458 человек приговорили к разным срокам заключения. Об особенностях характера Тухачевского вспоминал французский офицер Реми Рур, с которым тот познакомился в германском плену: «Не то что бы он был жестоким — просто он не имел жалости». Тухачевский взял от подавления Кронштадта не только славу, но и Юлию, жену комиссара Балтфлота Кузьмина, которая стала его третьей супругой. Для большинства большевистских военачальников было характерно широкое понимание «женского вопроса». Не зря Лариса донимала мужа своей ревностью.

Летом 1921 года была проведена тотальная регистрация всех морских офицеров и военных чиновников. Всего на крючок ОГПУ попало 977 человек, в том числе 59 адмиралов и генералов по морскому ведомству, 84 капитана 1 ранга и полковника, 120 капитанов 2 ранга и подполковников, 440 обер-офицеров, 194 чиновника и 80 гардемаринов. Уже 20 и 21 августа 1921 года 329 человек из числа всех зарегистрированных были арестованы, и, по всей видимости, расстреляны[21].

Признавать мятеж восстанием моряков большевики не хотели, поэтому его приписали якобы раскрытой ЧК летом 1921 года Петроградской боевой организации Таганцева. Показательно, что перед этим глава ВЧК Феликс Дзержинский разослал в губернии секретный приказ, в котором требовал «устраивать фиктивные белогвардейские организации в целях быстрейшего выяснения иностранной агентуры…». Для проведения громкого показательного процесса по делу Таганцева фальсификаторы и ЧК привлекли к уголовной ответственности

833 человека, из которых 197 были впоследствии расстреляны. Позже попал в эти сети и неверный любовник Ларисы-Лери Сергей Гумилев.

Но и над семьей Раскольниковых собирались тучи. В среде победителей начались спровоцированные демарши, козни и интриги. Опасаясь усиливающегося влияния Троцкого, против него объединились Зиновьев, Каменев и Сталин. Старались всюду избавляться от его сторонников. Из-за близости к Троцкому Раскольников был исключен из из состава Реввоенсовета.

Тем не менее, Раскольниковы продолжали эпатировать общество, Осип Мандельштам, несколько раз навещавший их в пышном особняке, рассказывал, что они устроились в голодной Москве роскошно — прислуга, великолепно сервированный стол. Этим они резко отличались от большевистских кадров старшего поколения, долго сохранявших скромные привычки. Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: «Мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность — созидательная, а поэтому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти».

Правящую партию все больше заполняли новые люди, желавшие власти и привилегий. И этот процесс все более набирал силу. Академик В.И. Вернадский в 1940 году писал «реальные условия жизни вызывают колоссальный приток всех воров, которые продолжают лезть в партию, уровень которой в среде, где мне приходится вращаться, ярко ниже беспартийных». Усиливались различные злоупотребления и коррупция. Происходило перерождение партии из своего рода монашеского ордена в бандитское сообщество. Рассказы про аскетизм революционных вождей, отдававших черствые горбушки из собственного партийного пайка в сиротские дома и падающих в голодные обмороки, опровергались кремлевским меню 1920 года. Вожди, подвижники-аскеты, вкушали парную стерлядь под спаржей, жареных перепелов, фаршированных белыми грибами, пирожки с земляникой, торт «Наполеон».

Мандельштам в письме к своей супруге озвучивал широко распространенное в художественных кругах подозрение, что Лариса Рейснер, обласкивая и вызывая на откровенность на своих вечеринках полуголодную интеллигенцию, «сдает» потом слишком вольнолюбивых собеседников в ЧК. Сам он так и не смог найти своего места в перевернувшемся мире, приспособиться к новым порядкам, не нашел силы смириться с новыми условиями жизни. «Я должен жить, дыша и большивея», — уговаривал он сам себя, но это было неимоверно трудно:

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?

Привычки Раскольниковых вызывали раздражение не только у голодающей богемы, но и у «старых большевиков», не посвященных в тонкости внутренней политики, приобретавшей все более иезуитский характер. В конце концов, было принято решение убрать одиозных супругов куда-нибудь подальше.

Существует несколько версий того, как Раскольниковы оказались на дипломатической работе в Афганистане.

Согласно одной из них Федор сильно не ладил с Григорием Зиновьевым — первым человеком в Петрограде. Ленин считал его безусловно преданным себе лично, поэтому несмотря на то, что знал: Гриша — человек редкой трусости, лживости и двуличности, — сделал сверхлояльного Зиновьева фактическим хозяином Северной области, отдав в его распоряжение «град Петров» и миллионы жизней. Тот не любил флот и согласно линии партии не считал проблемы его восстановления первостепенными. На этой почве и возник конфликт. Свои мысли и предложения Раскольников выразил в докладе на имя ЦК. В докладе он также дал нелестную оценку работе учреждений Петросовета и, минуя Зиновьева, отправил его в Москву. Ленину не понравилось обращение через голову вышестоящего (партийная иерархия уже сложилась и обросла предрассудками), вызвал раздражение и сам доклад. Вождь нашел его паническим и переслал Зиновьеву. Произошел диалог Раскольникова и Зиновьева на повышенных тонах, после чего последний пожаловался в Москву. Последовал вызов к Ленину, который встретил Раскольникова сухо, между ними состоялся резкий разговор. В ответ на слова Раскольникова, что с Зиновьевым невозможно сработаться, Ленин, пристукнув рукой по столу, предложил подать в отставку. Тут же в Совнаркоме Раскольников написал заявление об освобождении от должности Командующего Балтийским флотом. Отставку приняли с оскорбительной поспешностью и убрали бывшего адмирала со всех ответственных постов.

Для Ларисы, весьма чувствительной к соображениям престижа, это был настоящий удар. Однако семья Рейснеров не только посыпала голову пеплом, но и действовала. Игорь Рейснер, брат Ларисы служил первым секретарем посольства РСФСР в Афганистане у Я.З. Сурица. Возможно, это определило

результат бурной подковерной деятельности всех заинтересованных лиц. Заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан, любимец артистов и поэтов, пригласил поехать полпредом в Кабул оставшегося не у дел Раскольникова. Экс-адмирал, образованный партиец, с двумя высшими образованиями, знающий французский, немецкий, английский, изучавший восточные языки, в условиях дефицита подготовленных и идейно выдержанных дипломатов мог быть весьма полезен Советской республике.

По другой версии назначение для бывшего командующего Балтийским флотом послом в Афганистан фактически явилось политической ссылкой за ошибки и просчеты, приведшие, по мнению партийного руководства страны, к Кронштадтскому мятежу. На самом деле это было одним из эпизодов сложной партийной интриги. Цепь этих неявных событий можно рассматривать следующим образом.

Раскольникова назначили командовать Балтийским флотом, доведенным до жалкого состояния: без материальной базы, без опытных командиров и матросов, сгинувших на войне. Их место заняли недавние крестьяне, недовольные большевистской продразверсткой. Результатом стало восстание в Кронштадте, в котором участвовали и многие старые знакомые Раскольникова. Назначенный в июне 1920 года на свою должность «первый лорд адмиралтейства» был втянут в политические интриги, которые вели Г.Е. Зиновьев и его окружение против Льва Троцкого, и отстаивал взгляды военкома. В ответ на преследование своих сторонников Троцкий решительно подал в отставку. Однако Ленин знал цену этому человеку. Он демонстративно передал ему пустой бланк приказа со своей подписью — по сути, дал картбланш. То соперник, то сторонник Ленина, Троцкий согласился остаться на посту. Тем не менее, ему потребовались значительные усилия, чтобы спасти своего опального протеже, выхлопотав для него должность полпреда Советской России в Афганистане.

Назначение было единственной возможностью избежать более сурового наказания.

Лариса в Афганистане

Афганистан — ранее центр множества могущественных древних империй — в начале двадцатых годов прошлого века представлял собой отсталое государство в Центральной Азии, в горах Гиндукуша, а также восточной части Иранского нагорья. На его территории располагались и пустыни, и долины рек, и немногочисленные города. Благодаря своему стратегическому положению в центре Евразии, Афганистан издавна являлся ареной борьбы между двумя мощными державами: Британской и Российской империями. Эта борьба получила название «Большой игры». С целью контроля над Афганистаном Британия провела три войны, две из которых завершились уверенной победой британцев. Только 19 августа 1919 года Афганистан получил независимость от англичан. Советское правительство было весьма заинтересовано в хороших отношениях с этим государством, имевшим северные границы с Туркменистаном, Узбекистаном и Таджикистаном.

29 марта 1921 года постановлением Совета Народных комиссаров Ф.Ф. Раскольников был утвержден представителем РСФСР в Афганистане, 30 марта в секретариате Совнаркома РСФСР ему вручили соответствующие документы на русском и персидском языках. А уже 16 апреля 1921 года советское представительство численностью в 32 человека убыло из Москвы в Кабул.

Дипломатическая миссия была сформирована в кратчайшие сроки. Она состояла, в основном, из бывших моряков Балтийского флота. Современные исследователи упирают на то, что комплектуя штат представительства, Раскольников стремился включить в него как можно больше сослуживцев-военморов, многие из которых уже находились под следствием по обвинению в контрреволюционном мятеже. Однако в то время полпред оставался вполне лоялен власти.

Весной 1921 года Ф.Ф. Раскольников и Л.М. Рейснер вступили на территорию бывших окраин Британской империи. Дорога была тяжелой. «Уже не помня себя, ничего не чувствуя от усталости, приближается наш караван к подножию гор, к расселине, где источник дает жизнь нескольким деревьям и пастбищам. И тут на голом месте возникает целое чудо: нас уже ждут палатки, устланные коврами, с накрытым столом посредине… Толпа слуг, быстрых, бесшумных, как духи тысяча одной ночи. Они несут кувшины с водой, ковры и веера и накрывают ужин прямо на траве, зажигаются ночные лампады:

это — хрустальные тюльпаны на длинной серебряной ножке, и в матовом их пламени архаические персидские львы заносят над мягко-тлеющим фитилем свою державную лапу».

Кабул после голодной Москвы казался райским местом: пальмовые рощи, фонтаны, цветущие розы, теплый воздух, напоенный благоуханием диковинных цветов. Жители Кабула утверждали, что его название означает «река, текущая между цветущими берегами». Пестрые восточные базары, представляющие собой лабиринты узеньких улочек и переулков; много солнца, сытная острая пища, раболепие прислуги. «Странные люди — эти афганские слуги. Сами они лишены всяких потребностей, — им ничего не надо, кроме куска сурьмы, чтобы подвести глаза, хорошей лошади и ружья, из которого можно было бы всласть подстреливать иностранцев, попавших на большие дороги Афганистана, — и вот каждый из этих пастухов, наездников и садоводов оторван от седла и оросительного канала и обучен нелепому, фантастическому ремеслу, не имеющему ничего общего со всей его жизнью», — потом писала Лариса в своей знаменитой книге «Афганистан».

Она чувствовала, что будет «всю жизнь помнить Восток, пальмовые рощи и эти ясные, бездумные минуты, когда человек счастлив от того, что бьют фонтаны, ветер пахнет левкоями, еще молодость, ну, и сказать — и красота, и все, что в ней святого, бездумного и творческого. Боги жили в таких садах и были добры и блаженны…»

Начало нового века ознаменовалось революционными преобразованиями, которые сотрясали не только Россию. 28 февраля 1919 года, сразу после восшествия на престол Аманулы, сына эмира Хабибуллы-хана, свергшего при содействии матери Джамаль-бегум своего отца, была провозглашена полная независимость Афганистана от Великобритании. Это привело к войне, известной в истории как «Третья англо-афганская война 1919 года». 3 мая начались бои на границе. В поисках противовеса могущественному противнику эмир признал Советскую Россию. Афганистан стал первой страной, установившей дипломатические отношения с РСФСР.

Однако это вовсе не значило, что Красная Россия приобрела преданного и верного друга.

В октябре 1919 года Аманулла-хан отправил в туркменский Мерв свои войска, изгнавшие оттуда местный Совет. Он предложил военную помощь против большевиков Фергане — на условиях присоединения ее к Исламской Центральноазиатской Федерации. Формально сохраняя прекрасные отношения с правительством Ленина, с января 1920 года афганцы начали

помогать людьми и деньгами бухарским и ферганским националистам — басмачам — в борьбе против советской власти. Вдохновляемый матерью Аманулла-хан принял «великоафганскую доктрину», то есть курс на объединение с Хивой и Бухарой. Действуя в избранном направлении, Афганистан официально потребовал от советского представителя передачи ему бухарских пограничных крепостей около Термеза.

Двойственность политики продолжалась и после поражения басмачей в открытом бою.

В июле 1920 года в Москве заработала постоянная афганская дипломатическая миссия, возглавляемая послом Мирза Мохаммад-ханом. 18 сентября в Кабуле начала вещание первая в стране радиостанция, подарок Афганистану от РСФСР. 28 февраля 1921 в Москве был подписан советско-афганский договор. И всего через четыре дня свергнутый коммунистами бухарский эмир нашел приют в Афганистане. Аманулла пожаловал главнокомандующему басмачей, турецкому авантюристу Энверу-паше титул сардара (принца) и отправил ему караван с оружием. Только ненависть к английским угнетателям удерживала его от разрыва отношений с северным соседом.

Таким образом, полномочный представитель Советов в этой восточной стране получал далеко не синекуру, а должность, требующую напряжения всех физических и моральных ресурсов личности… Работы было море. Главной задачей миссии являлась борьба с британским влиянием на Афганистан, с засылкой людей в банды басмачей. «Никаких гарантий при общении с этой публикой нет и быть не может. Они считают верхом политической хитрости принять от вас подарок и в следующий момент обратить его против вас. Циничное вероломство, шитое белыми нитками, надувательства считаются тут образцом утонченного дипломатического искусства… В этой стране чудовищной коррупции, доступен подкуп любого министра» — рассказывал Ф. Раскольников в своих письмах на родину.

Наверняка начитанная Лариса вспоминала трагическую участь А.С. Грибоедова, русского поэта, автора бессмертной комедии «Горе от ума», и полномочного российского посла, растерзанного в Персии в начале XIX века из-за происков английской дипломатии.

Сама личность эмира была пугающей. Раскольников описывал его так; «крупный и решительный человек как в политике, так и в преступлениях. Фактически он сам ведет всю внешнюю политику, точно так же как сам организовал убийство своего любимого папаши Хабибуллы и собственноручно выколол глаза обожаемому дяде Насрулле».

Отношения с правителями Афганистана пришлось создавать практически на пустом месте. В стране по-прежнему был велик авторитет Великобритании. Англичане не оставляли надежд если не вернуть Афганистан снова в лоно своей колониальной империи, то по крайней мере держать его в сфере влияния, и имели немалое количество сторонников.

В этой обстановке Ф.Ф. Раскольников сразу же по прибытии в Кабул постарался довести до сведения Амануллы-хана и его окружения позицию советского правительства, изложенную в инструкции Наркоминдела РСФСР. Ее идеей являлась исключительно помощь государству, сбросившему оковы колониализма, без какого-либо навязывания программы, которая была бы чужда стране в нынешней стадии ее развития.

Исходя из этой линии, советский полпред и начал формировать отношения с афганским правительством. Однако его деятельность встретила активное противодействие со стороны английской дипломатии, которая любыми способами пыталась дискредитировать советскую внешнюю политику в целом и ее представителя в частности. Федору Раскольникову пришлось приложить значительные усилия, чтобы нейтрализовать действия противников. В этом большую помощь ему оказала Лариса. Не имея возможности непосредственно воздействовать на ход дипломатических переговоров в силу восточной специфики, она на правах жены посла познакомилась с супругой эмира и его матерью и завязала с ними дружественные отношения.

Аманулла-хан имел единственную жену, что было нарушением тысячелетних традиций, бытовавших у правителей Афганистана. Сорайя происходила из знатной семьи. Ее родители Махмуд Тарзи и Асма Расмия были высокообразованными людьми, которые привили своей дочери прогрессивные взгляды, впоследствии сказавшиеся на ее собственных политических воззрениях и деятельности. После того как в 1919 году Аманулла-хан взошел на престол, Сорайя стала играть важную роль в политике и общественной жизни страны. Во время войны за независимость Афганистана Сорайя посещала раненых в госпиталях, дарила им подарки, а также с риском для жизни сопровождала мужа в мятежные провинции страны. Королева Сорайя была первой супругой монарха исламской страны, которую муж брал с собой на официальные приемы. Казалось бы, мусульманская женщина, родившая десять детей, должна полностью отдаться заботам материнства, однако Сорайя вела практически светский образ жизни: участвовала в охотах под Кандагаром, Джелалабадом и Газни, сопровождала супруга в поездках по стране и за границей, присутствовала на военных

парадах и заседаниях кабинета министров. Аманулла даже сказал как-то: «Я ваш король, но я лишь министр вашего просвещения, тогда как королевой является моя жена».

Видимо, эмир не остался равнодушным к чарам супруги советского посла. Он совершал с ней долгие прогулки верхом, азартно играл в теннис. Языкового барьера не существовало — Лариса хорошо говорила на немецком и французском языках. Нельзя исключить, что их отношения выходили за рамки дружеских — в ряде источников мельком упоминается ее скандальный роман «с афганским принцем», но имя принца не называется.

Когда «афганского принца» не было под рукой, бывшая петербургская львица-комиссар разъезжала верхом по пустыне в мужском костюме с открытым лицом и пела русские песни под гармошку, шокируя крестьян-афганцев.

Скорее всего, под влиянием Ларисы, в 1928 году, когда ее уже не было в живых, на заседании Государственного совета Аманулла публично снял чадру с королевы Сорайи и предложил всем женщинам последовать ее примеру. Присутствовавшие при этом либералы бурно аплодировали, но консервативно настроенные члены Государственного совета, которых было большинство, бурно возмущались. Этот поступок использовали в агитации против падишаха клерикальные круги, подбившие афганские племена на восстание против Амануллы.

Через супругу и мать хана Лариса не только наловчилась получать ценную информацию о придворных интригах, но и могла влиять на политическую обстановку в Кабуле. Она в неменьшей степени, чем Раскольников, способствовала краху интриг англичан. Совместными усилиями супружеской четы удалось расстроить планы английских дипломатов по дискредитации советской внешней политики в Афганистане и добиться значительных успехов на дипломатическом поприще. Уже 11 августа 1921 года Лойя-джирга (Совет старейшин афганских племен) одобрила советско-афганский договор, вступивший в силу и ратифицированный через три дня эмиром.

1 сентября афганское правительство заявило об отказе от подрывной пропаганды в пределах РСФСР и Туркестанской Советской Республики.

Гибель Гумилева

Пока Лариса укрепляла связи Советской России с Афганистаном, в Севастополе летом 1921 года сошлись пути двух близких Ларисе людей: Николая Гумилева и Сергея Колбасьева. Высокий худощавый молодой человек с черными итальянскими глазами, приветливый и простой в общении, поклонялся поэту Гумилеву и пытался ему подражать. Эта встреча привела его к окончательному решению заняться литературой. Они вместе возвратились в Петроград, где Колбасьев, имевший склонность к издательской деятельности, стал, по сути, добровольным импресарио поэта. Он помог Гумилеву издать сборник стихов «Шатер». Книга печаталась на очень плохой бумаге, потому что бумаги не было вообще, даже такую достали с огромным трудом, а для обложки использовали обертку от сахарных голов — но это все-таки было печатное издание, и автор был счастлив. Гумилев ввел Колбасьева в круг петроградской творческой интеллигенции, объединившейся тогда вокруг издательства «Всемирная литература».

Революция застигла Гумилева в Европе, но он добровольно помчался в Россию — навстречу усиливавшемуся потоку беженцев. В Петербурге он с готовностью ухватился за новые возможности, предоставленные Советской властью и возобновил деятельность основанного еще во время войны Цеха поэтов, возглавил (отодвинув самого Блока) этот новоорганизованный союз, читал лекции, вел бесконечные занятия — словом, был человеком, вокруг которого так или иначе вращалась вся поэтическая жизнь. Об эмиграции, несмотря на голод, думали лишь немногие из «цеховой» молодежи. В Петербурге сейчас интереснее, полагали они.

В это время в недрах ЧК родился очередной иезуитский план. В рамках борьбы с эсеровской оппозицией было решено создать подставную Петроградскую боевую организацию. Ее руководителем «назначили» сына известного в России юриста, почетного академика Н.С. Таганцева, профессора географии Владимира Таганцева. В нее собрали всех подозрительных новой власти людей. Большинство эсеров были связаны с интеллектуальной элитой семейными узами, дружескими отношениями, денежным финансированием. Однако многие из участников никогда не встречались и даже не знали о существовании друг друга. Дело «Петроградской боевой организации (ПБО) В.Н. Таганцева» — одно из первых сфабрикованных в Советской России дел после революции 1917

года, когда массовому расстрелу подверглись представители научной и творческой интеллигенции.

К счастью, Сергей Колбасьев избежал сетей ОГПУ по таганцевскому делу. А Гумилеву не повезло. Он предчувствовал свой конец. Георгий Иванов рассказывал, что как-то две молодые студистки встретили Гумилева, одетого в картуз и потертое летнее пальто с чужого плеча. Его вид показался им очень забавным, и они расхохотались. Гумилев сказал им фразу, которую они поняли только после его расстрела: — «Так провожают женщины людей, идущих на смерть».

Сам Таганцев в своих показаниях дважды говорил о близости поэта к советским идеям. И, тем не менее, изворотливый и хитрый следователь Якобсон записал: «Гражданин Гумилев утверждал курьеру финской контрразведки, что он, Гумилев, связан с группой интеллигентов, которой последний может распоряжаться и которая в случае выступления готова выйти на улицу для активной борьбы с большевиками, желал бы иметь в распоряжении некоторую сумму для технических надобностей».

Об арестованном Гумилеве заботились три женщины, которые старались поднять его дух и поддержать тело, писали записки и носили передачи в тюрьму — его жена Анна Энгельгардт, дочь известного фотографа Ида Наппельбаум и писательница Нина Берберова, подруга поэта Владислава Ходасевича. Мария Федоровна Андреева сделала смелую попытку спасти поэта через Луначарского, заставив того ночью напрямую позвонить Ленину. Но «самый человечный человек» ответил: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас».

После расстрела поэта Луначарский плакал, грозил отставкой, но продолжал преданно и небрезгливо служить власти.

Многие полагали, что к устранению Гумилева приложил руку всесильный в то время в Петрограде председатель Петросовета Григорий Зиновьев, усмотревший некий намек на себя в одном из стихотворений поэта.

Позже появились рассказы о том, что Гумилев, расстрелянный по распоряжению Зиновьева, встретил смерть с такой спокойной улыбкой, что палачи его были потрясены. Это предположение никем не оспаривается, но кажется сомнительным, поскольку свидетелей его гибели отыскать не удалось. Весьма правдоподобным выглядит рассказ о последних минутах Зиновьева. Когда в 1937 году, во время Большого террора, его тащили на расстрел, то, по воспоминаниям зама Ягоды Ежова, он не мог идти сам, в конце концов, его пришлось нести на носилках. При этом он отбивался, кричал и умолял

позвонить «товарищу Сталину».

Советский журналист и искусствовед Натан Федоровский, утверждал, что Гумилев как контрреволюционер был расстрелян якобы собственноручно Ф.Э. Дзержинским.

«Не мог ценить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал».

Гумилева расстреляли в ночь с 24 на 25 августа в районе поселка Бернгардовка у порохового склада близ Ржевского полигона. Обстоятельства казни точно неизвестны, хотя на этот счет ходило много версий. Место захоронения также известно лишь приблизительно.

Этим роковым августом 1921 года Россия потеряла сразу двух своих величайших поэтов.

Весной 1921 года Александр Блок и Федор Сологуб просили выдать им выездные визы. Вопрос по ходатайству Максима Горького и Луначарского рассматривало Политбюро ЦК РКП(б). В выезде было отказано. Луначарский досадовал: «Мы в буквальном смысле слова, не отпуская поэта и не давая ему вместе с тем необходимых удовлетворительных условий, замучили его». Многие полагали, что особо негативную роль в судьбе поэта сыграли В.И. Ленин и В.Р. Менжинский, запретив больному выезд на лечение в санаторий в Финляндии. Это, могло продлить его жизнь. Позже самому Александру Александровичу разрешение на выезд издевательски предоставили, но не дали разрешения его жене, зная, что без нее он не поедет.

7 августа 1921 года в своей квартире в Санкт-Петербурге, изнуренный нуждой и многочисленными болезнями, Александр Блок скончался.

В последнее время он совсем перестал писать стихи и на все вопросы о своем молчании отвечал: «Все звуки прекратились… Разве вы не слышите, что никаких звуков нет?». А художнику Анненкову, автору иллюстраций к первому изданию поэмы «Двенадцать», он жаловался: «Я задыхаюсь, задыхаюсь, задыхаюсь! Мы задыхаемся, мы задохнемся все. Мировая революция превращается в мировую грудную жабу!». И это не было фигуральным выражением. У поэта проявилась цинга, астма, сердечно-сосудистая болезнь, начали формироваться психические расстройства.

Перед смертью Блок сознательно уничтожил свои записи, отказался от приема пищи и лекарств. Однако поэт умер в полном сознании, что опровергает слухи о его предсмертном

помешательстве.

Общественное мнение было единодушно в своем суждении: большевики не простили поэту пророчества в той же столь горячо обсуждаемой поэме «Двенадцать»:

— Ох, матушка-Заступница,
— Ох, большевики загонят в гроб.

Писатель Владимир Солоухин высказывал основанное на анализе слухов и документов предположение, что чекисты отравили Блока медленно действующим ядом. Вопрос о разрешении поехать ему за границу для лечения был решен отрицательно не из-за нелояльности поэта, а из-за того, что боялись диагноза европейских медиков. Большевики тогда признаны Европой еще не были и всячески этого признания добивались. Там могли обнаружить и объявить всему миру, что Блок отравлен.

Одно время голодный поэт захаживал на угощение к своей приятельнице, прелестной и интеллигентной Ларисе Рейснер…

Н. Берберова вспоминала: «Лето 1921 года стало черной страницей в русской поэзии: те, кто пережил его, никогда этого не забудут. Сологуб, ожидавший визы для выезда за границу, получил отказ. Его жена от отчаяния бросилась в Неву… Внезапно мы почувствовали, что живем на краю пропасти, в которой с невероятной быстротой исчезало все, что было нам дорого». «Замечательный русский поэт и писатель — Сологуб, — остался «человеком». Не пошел к большевикам. И не пойдет. Невесело ему зато живется», — писала З. Гиппиус.

Георгий Иванов анализировал: «Блок и Гумилев ушли из жизни, разделенные взаимным непониманием. Блок считал поэзию Гумилева искусственной, теорию акмеизма ложной, дорогую Гумилеву работу с молодыми поэтами в литературных студиях вредной. Гумилев, как поэт и человек, вызывал в Блоке отталкивание, глухое раздражение. А Гумилев особенно осуждал Блока за «Двенадцать». Помню фразу, сказанную Гумилевым незадолго до их общей смерти, помню и холодное, жестокое выражение его лица, когда он убежденно говорил: «Он (т. е. Блок), написав «Двенадцать», вторично распял Христа и еще раз расстрелял Государя». Я возразил, что, независимо от содержания, «Двенадцать», как стихи, близки к гениальности. — «Тем хуже, если гениальны».

Сам Г. Иванов уже решил для себя — с этой властью ему не по пути.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век.
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек.

А судорога идиота,
Природой созданная зря, —
«Ур-ра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

26 сентября 1922 года на правительственном пароходе «Карбо» Георгий Иванов навсегда покинул Россию.

Страшное известие о гибели Николая Гумилева настигло Ларису в Кабуле в декабре 1921 года. Она казнила себя, полагая, что могла бы спасти поэта, если бы вовремя узнала о несчастье с ним. Но если к устранению Гумилева приложил руку всесильный в то время в Петрограде председатель Петросовета Григорий Зиновьев, то любые хлопоты оказались бы напрасными. Поговаривали, что к расправе над Гумилевым причастен и муж Ларисы, ненавидевший «гнусную гумилевщину» и самого поэта как предмет глубокого увлечения жены. Однако он уже целый год отстаивал интересы страны Советов в Афганистане, так что непосредственно повлиять на судьбу соперника не мог.

Лери несколько дней рыдала о Гафизе.

И это горе она стремилась разделить со своей семьей, у которой всегда находила понимание и поддержку. Лариса изливала чувства в письмах родным, заявляя, что «никого не любила с такой болью, с таким желанием за него умереть, как его, поэта Гафиза, урода и мерзавца». Она как раз закончила автобиографический роман Рудин, где писала о своей истории любви, и послала его родителям. Их реакция ее разочаровала. А ведь кроме «романа всей жизни» там так ядовито-талантливо описывался косный университетский круг, окружавший талантливого правдолюбца М.А. Рейснера, «синклит» благонамеренных профессоров: «славный черносотенец», «велеречивый лгун», «торговец сладким лимонадом», «молодые либералы, которые изучают русский парламентаризм, блаженно не замечая полицейских участков, еврейских погромов и монополькы». И бывший друг семьи В.В. Святловский, не оправдавший каких-то ее надежд и выведенный под именем Веселовского, получил свое: Лариса представила его жалким начетчиком без твердых убеждений и моральных устоев, который может дать своим ученикам знания и навыки научного анализа,

но не может подарить «моральный костяк, единство и веру».

В романе были выведены и родители Ларисы, и, скорее всего, что-то их покоробило и даже оскорбило в дочернем описании. Она оправдываясь, объясняла, что их образы — да, слишком примитивные, но всего лишь наброски, не слишком проработанные. Раскольников потешался над огорчением Ларисы, говоря, что слишком пристрастные «родственники Трибуналовы» провалили роман.

Возможно, под впечатлением родительской критики Лариса охладела к своему «Рудину», заявив: «Нет ничего вреднее кладбищ, воспоминаний и несколько сентиментальных блужданий по собственным развалинам. Развалины цепки, пахнут мертвым и причиняют гибельные слабости».

Этот роман увидел свет в 1981 году в 93 томе литературного наследства и не вызвал практически никакого отклика.

Летом 1922 года эмир призвал афганцев, участвовавших в набегах басмачей на советскую территорию, вернуться к домашним очагам, угрожая жестоко наказать за ослушание. Доверие к советскому дипломату Аманулы-хана еще больше возросло после сообщения о заговоре, целью которого было его устранение. После этого инцидента существовавшее равновесие между Англией и РСФСР в Афганистане, как отмечал в конце 1922 года нарком Г.В. Чичерин, постепенно стало «нарушаться в советскую сторону».

Однако по мере того, как отношения между двумя странами налаживались, и жизнь советской дипломатической миссии в Кабуле все более и более приобретала рутинный характер, в семье Раскольниковых наметился кризис. Дипмиссия состояла всего из 32 человек, так что советские, в сущности, варились в собственном соку. По словам Ларисы, за год соотечественники и сотрудники совсем разложились. Розы, пальмы и верблюды давно приелись. «Праздное, но обязательное общение с ограниченными иностранными дипломатами (словно сговорившись, персы, итальянцы, турки и китайцы умных представителей в Кабул не присылали) стало с трудом выносимым», — писал Раскольников Троцкому, умоляя вернуть их в Россию. Как только исчезло ощущение новизны в восприятии восточной экзотики и ослаб накал дипломатических баталий, супругами овладела скука и пришла тоска по родине. Несмотря на то, что оба они увлеченно занимались литературным творчеством, существование в Кабуле становилось все нестерпимее.

Федор Федорович начал работу над мемуарами, сразу вызвавшими огромный интерес. Его близкий друг на протяжении трех десятилетий В.Д. Бонч-Бруевич очень высоко ставил

литературный талант Раскольникова. Многие современники отмечали, что он писал не хуже Рейснер. Правда, рассказы Раскольникова о революции и гражданской войне имеют, скорее, эпический характер: ни крови, ни анархии, ни террора. Вместо насилия, присущего войне, — цепь героических эпизодов, победы без жертв и удаль победителей-красноармейцев. Не то чтобы Раскольников не видел или не практиковал насилия, он просто не рассказывал о нем, потому что был глубоко убежден в правоте Идеи, которую защищал: для него, безусловно, цель оправдывала средства. Впоследствии Лариса образно объяснит такую позицию: «Мы с ним оба делали в жизни черное, оба вылезали из грязи и "перепрыгивали" через тень… И наша жизнь — как наша эпоха — как мы сами. От Балтики в Новороссийск, от Камы к апельсиновым аллеям Джелалабада, нас судить нельзя, и самим нечего отчаиваться».

Лариса готовила серию очерков, впоследствии составивших ее книгу «Афганистан». Она получила от И.М. Майского, редактора «Петроградской правды», заинтересованного в серии очерков из Кабула, предложение о сотрудничестве. «Нормальный размер отдельной корреспонденции 150–200 строк, иногда возможен фельетон — 300–350 строк. Платим мы пока по 3 американских доллара за корреспонденцию в советской или в американской валюте, по желанию. Под боком у Вас Индия, и если бы Вы могли нам давать также о ней. Так как Афганистан для русского читателя terra incognita, то желательно освещение, главным образом, его внутренней жизни, быта, экономики, политики и проч. Весьма желательны очерки, впечатления и т. д. Весьма интересно было бы получать материал, освещающий борьбу старого и нового в афганской жизни».

Но Лариса не воспользовалась предложением Майского, возможно потому что в это время в очередной раз потеряла ребенка. Уже третий раз ее попытка стать матерью терпела неудачу. По словам врачей, сохранить беременность можно было, лишь соблюдая постельный режим. Но на такую жертву неугомонная женщина пойти не могла. С присущим ей темпераментом и убежденностью она обвиняла в выкидыше мужа. Раскольников всеми силами пытался загладить свою вину, хотя она, главным образом, заключалась в том, что он так и не смог заменить ей любимого поэта.

Несмотря на то, что супруги увлеченно и плодотворно занимались литературным творчеством, существование в Кабуле для Ларисы становилось все нестерпимее.

Возвращение в Россию

Желание вернуться на родину становилось непреодолимым. Лариса пыталась повлиять на Троцкого и убедить наркома вызвать их обратно в Россию. «Лучшие годы уходят — их тоже бывает жалко, особенно по вечерам, когда в сумерки муллы во всех ближних деревнях с визгливой самоуверенностью начинают призывать господа бога» — писала она. «Совсем не хочу жаловаться, в конце концов, и Феде надо было когда-нибудь передохнуть, вылезти из бумаг, заседаний и воспалений легких — но два года, два года в розах, в состоянии пассивного наслаждения мертвым миром — это из любого сделало бы мрачного пессимиста, мизантропа и самоубийцу. Итак, Лев Давыдович, итак, дорогой Лев Давыдович, если где-нибудь в Вашем присутствии будут говорить о «мятежной чете», если кто-нибудь станет утверждать, что в Кабуле Раскольникову чудно живется, что он совершенно счастлив под древом дипломатического добра и зла, с которого на его голову падают то кислые, то сладкие плоды, что он с успехом и удовольствием может просидеть в своем концентрационном Кабуле еще года два, вспоминая бурно проведенную молодость, укрепляя свое здоровье и отравляя мирные досуги своего собрата и партнера английского посла, если Вам придется услышать что-либо подобное — то, пожалуйста, выступите в нашу защиту, ибо и в розовом варенье можно скиснуть и потонуть, и о профсоюзах вспомнить с глубочайшей, хотя и несколько запоздалой нежностью, два года рассматривая вечный снег гор и пену цветущих садов из канареечной клетки… Ну, крепко, крепко жму Вашу руку. Л.».

Письма Ларисы — предмет литературной прозы в миниатюре.

Супруги Раскольниковы каждый по отдельности, продолжали бомбардировать Льва Троцкого, ведавшего Наркомотделом, письмами с просьбой об отзыве из Афганистана. Лаконичные письма Федора: «Заброшенные в дикие горы, с ненадежной, а сейчас даже оборванной радиосвязью, мы ведем отшельническую жизнь в нашем советском монастыре. А, в общем, страна дикая, некультурная и, несмотря на соседство клокочущей в предвестии революции Индии, меня, как бродягу, уже тянет в другое место» — заканчиваются неизменным «коммунистическим приветом».

Троцкий молчит — его несравненно больше, чем судьба бывшей любовницы, заботят результаты проходящей в то время «партийной чистки». Практика, как и название этого мероприятия, была заимствована большевиками у якобинцев, которые осуществляли нечто подобное в год своего пребывания у

власти (1793–1794). Сознавая, что к правящей партии примазалось достаточное количество карьеристов, не исполненных соответствующих «республиканских добродетелей», и что наоборот, какое-то количество старых якобинцев разложилось и таковые добродетели утеряло, якобинцы ввели нечто вроде клубного суда, на котором каждый должен бы отчитаться в своей деятельности до и во время революции. Любой партиец мог задавать вопросы и сообщать компрометирующие факты о проверяемом. Сочтенный недостойным исключался из числа якобинцев, что, как правило, служило прелюдией к аресту и казни. В 1922 году перед Центральной комиссией, городскими и районными комиссиями большевиков ставилась задача освободить партийные ряды от выходцев из других партий, причем наиболее опасными были признаны бывшие эсеры и меньшевики. Другой категорией вычищаемых являлись кулацко-собственнические и мещанские элементы из крестьян и уездных обывателей, а также советские служащие — представители буржуазной интеллигенции. По отношению к последним рекомендовалось проявлять особую бдительность и строгость.

Михаил Рейснер в письме к дочери радуется, что она далеко, ибо ее «расовая красота и природные дарования» могут явиться поводом для исключения из рядов партии.

Действительно, с момента своего установления революционный режим натолкнулся на сопротивление в различных слоях общества, в том числе и в научных. Часть ученых с энтузиазмом поддержала большевиков, как это сделали, например, К.А. Тимирязев и П.П. Кащенко, И.В. Мичурин, И.М. Губкин, К.Э. Циолковский, Н.Е. Жуковский. Старый приятель Рейснеров Бехтерев, тоже продолжал активно работать в основанном им институте, а в возрасте около 70 лет даже женился на племяннице Генриха Ягоды Берте Яковлевне Гуржи.

Однако большинство ученых и литераторов оказалось в оппозиции.

«Для пробы» за рубеж выпустили Константина Бальмонта. И он, опьянев от свободы, подвел всех других, желавших уехать: несмотря на обещание, данное лично Луначарскому — не критиковать советскую власть — немедленно сделал несколько резких антисоветских заявлений. Сразу же приостановили оформление выездных документов Вячеславу Иванову, Андрею Белому, другим известным деятелям литературы и искусства, даже молодому ученому Александру Чижевскому, приглашенному на стажировку в Швецию нобелевским лауреатом Сванте Аррениусом.

«Старые закоренелые индивидуалисты-аристократы от

литературы» Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус и их «друг дома» и единомышленник Дмитрий Философов давно обсуждали варианты бегства. Зимой 1919 года, получив мандат на чтение лекций красноармейцам по истории и мифологии Древнего Египта, Мережковский смог легально выехать из Петрограда, и в конце декабря четверо беглецов (включая Вл. Злобина, бывшего поклонника Ларисы, ныне секретаря Гиппиус) со скудным багажом, рукописями и записными книжками отправились в Гомель. При этом писатель не выпускал из рук сборник с надписью: «Материалы для лекций в красноармейских частях». Путь был нелегким: им пришлось провести четверо суток в вагоне, «полном красноармейцами, мешочниками и всяким сбродом» и пережить ночную высадку в Жлобине в 27-градусный мороз. После недолгого пребывания в Польше в 1920 году Мережковские навсегда уехали во Францию. Философов, сблизившийся с Б.В. Савинковым, остался в Польше для продолжения борьбы с большевизмом.

В 1922 году, во время конференции в Рапалло, распространился слух о переговорах Святого Престола с представителями советского правительства о заключении конкордата. Газеты печатали отчеты о рауте и фотографии, на которых кардиналы сняты пьющими с советским комиссаром по иностранным делам Чичериным за здоровье Ленина. Дмитрий Мережковский обратился к Пию XI с письмом, в котором не мог скрыть возмущения. «На святой земле Италии, — писал он в этом письме, — служители Западной Церкви рукой, касавшейся Св. Даров, пожимают окровавленную руку величайших в мире убийц и святотатцев. Ведают ли, что они творят?» Мережковский предупреждал Папу, что, если «дело тьмы» совершится, конкордат между Святым Престолом и интернациональной бандой, именующей себя «русским советским правительством», будет подписан, соединение церквей, о котором мечтали лучшие русские умы, станет навсегда невозможным. В заключении он выражал надежду, что Бог этого ужаса не простит — ведь по сути наместник Христа благословил царство Антихриста.

В это время в Советской России обычным делом стали аресты, высылки, расстрелы, приговоры о которых выносились революционными трибуналами и коснулись всех политических противников РКП(б) — меньшевиков, эсеров, кадетов, священнослужителей. Но советское правительство еще не готово было рискнуть пойти на массовый расстрел виднейших представителей русской интеллигенции.

Лев Троцкий убедил Ленина заменить физическое уничтожение всех инакомыслящих представителей российской

интеллектуальной элиты на изгнание. Известны его слова: «расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». По сути, он спас жизнь многих представителей отечественной интеллигенции, организовав «Философский пароход». Так называли два немецких судна — Oberburgermeister Haken и Preussen — на которых была осуществлена масштабная высылка неугодных. В сентябре и ноябре 1922 года в немецкий Штеттин был доставлен выкинутый из Петрограда цвет русской интеллигенции. Такие же рейсы отправлялись из Одессы и Севастополя, а с вокзалов в сторону Польши уходили поезда с теми, кто не принял власть Советов и сейчас «вырвались живыми из могилы». В их число входили инженеры, экономисты, врачи, писатели, журналисты, юристы, философы, преподаватели: Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, М.А. Осоргин, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, А.А. Кизеветтер, П.А. Сорокин, Ф.А. Степун, С.Н. Булгаков и многие другие.

«Люди прощались со своими библиотеками, со всем, что долгие годы служило им для работы, без чего как-то и не мыслилось продолжение умственной деятельности, с кругом близких и единомышленников. Для многих отъезд был настоящей трагедией, — никакая Европа их манить к себе не могла; вся их жизнь и работа были связаны с Россией связью единственной и нерушимой».

Пагубные последствия высылки предвидел Максим Горький: «Страна, лишившись своей интеллигенции, двигается вспять…», «… без творцов русской науки и культуры нельзя жить, как нельзя жить без души».

Все, кому не удалось бежать за границу или на юг, теперь служили на разных должностях — иначе ждала голодная смерть или тюрьма с тифом. Должности были приличные и неприличные, но последние тоже пустовали недолго. На них люди, имевшие прежде почтенную репутацию, не только служили, но и выслуживались. Каждый день сообщалось новое: такой-то общественный деятель публично признал свои ошибки и поступил в Комиссариат внутренних дел, такой-то писатель стал сотрудничать с «Известиями», такой-то профессор всячески превозносит Луначарского. При этом выходцы из «рабоче-крестьянской бедноты» на работе оказывались не лучше, а хуже, чем буржуазные элементы. Оказалось, кухарка не умеет править государством.

Как реагировали на новости из России Раскольниковы, неизвестно. Но остались свидетельства очевидцев, будто уже вернувшись в Москву, Лариса с высокой трибуны, как всегда,

темпераментно, заявляла, что тем, кому жизнь в СССР не нравится, лучше убраться за границу.

Устроенный размеренный быт и покой все больше тяготили Ларису, Раскольников стал неимоверно раздражать. Лариса никогда не отличалась долготерпением. Весной 1923 года супруга посла уехала из Афганистана под уважительным предлогом — «выцарапать всеми силами из песков» своего мужа. Раскольников остался в Кабуле, надеясь в скором времени вновь встретиться с любимой женой. В. Шаламов, всегда восхищавшийся Ларисой, драматически описывал ее путешествие: она «бежала, бежала по горным рекам, через ущелья, скакала в горной ледяной гератской воде. В Ташкенте пересела на скорый поезд «Ташкент — Москва». На самом деле супруга посла вполне легально отправилась в Россию в сопровождении специально выделенных людей. Одновременно в Кабул в советское посольство, благодаря дружеским связям с семьей Рейснер, для работы переводчиком прибыл недавно женившийся и «умиравший в Питере с голоду» Сергей Колбасьев.

И вдруг 4 сентября Раскольников получил из Москвы письмо от Ларисы с предложением развода. Она ничего не объясняла. Некоторые общие знакомые полагали, что она узнала о причастности своего мужа к аресту и смертному приговору Николая Гумилева.

В. Шаламов, похоже, в равной степени сочувствовал не только жене-беглянке, но и покинутому супругу. «Раскольников сходил с ума, метался в Кабуле. Совсем <забыв> условия дипломатического этикета, плакал в своем кабинете, писал бесконечные письма. За лето 1923 года их написал, вероятно, больше, чем за всю свою жизнь. Писем десятки, каждое по 60 страниц, написаны крупным, разборчивым, откровенным, прямым почерком. Сначала ему кажется, что Лариса Михайловна ему с кем-то изменила. Но и этого нет. Он не хочет понять самого простого — что любовь кончилась».

Похоже, Лариса окончательно вычеркнула бывшего мужа из своей жизни — как будто его и не было. Некоторым женщинам дана природой такая счастливая способность. В ретроспективе кажется, что «красный адмирал» был ей нужен, главным образом, для самоутверждения, пока где-то рядом существовал Гумилев. Когда же поэта не стало, прошла нужда и в Раскольникове. А он все надеялся на воссоединение, думал, что эта блажь непростой избалованной женщины, в конце концов, пройдет.

«Письма Раскольникова к Рейснер, как бы ни был односторонен их поток, как бы ни велик размер, каждое из этих писем (до 60 страниц с бесконечными постскриптумами —

Раскольников в смятении просто не мог остановиться) отнюдь не многословно, там каждое слово выверено логически и этически. Это подробная исповедь большого человека, героя. В этих письмах Раскольников ничего не стыдится, он только гордится, что заставляет себя вывернуть душу. Но остались гордость, самолюбие, весьма (ценная) способность для познания мира. Эти письма должны быть опубликованы, они сами по себе составят важную страницу людей нашей истории, подобно заграничным письмам Ленина к Арманд. Это честная исповедь именно большого общественного интереса. Их польза будет побольше, важнее, чем история любви людей 10-х годов, переписка Шелгунова с Михайловым. Раскольников войдет в историю не только как герой Энзели, но и как автор писем из Кабула», — констатировал В. Шаламов.

Лариса недаром так стремилась в Россию — здесь была ее семья, люди, родные не только по крови, но и по духу. Родители всегда были готовы поддержать свою блистательную дочь. Готов подставить плечо любимый младший брат Игорь (1899–1958), разделявший революционную идеологию семьи. В 1917 году он работал секретарем у широко известного в свое время большевика-организатора, близкого к Ленину, Дмитрия Захаровича Мануильского, в Петроградской думе. Затем трудился в наркомате юстиции и Комакадемии. Не столь яркий внешне, как сестра, он выбрал службу, соответствующую обличью — в 1919–1921 годах — первый секретарь посольства в Афганистане, разведчик и дипломат. В 1923–1925 годах снова на разведывательной деятельности в Скандинавских странах и в Германии. Позднее окончил восточный факультет Военной академии РККА и стал известен как видный востоковед.

После своего возвращения из Афганистана Лариса навестила всех знакомых, в том числе и тех, кто был близок к литературным кругам, оттолкнувшим ее в свое время. В письмах к родным она обещала приехать, чтобы прославиться. Теперь для этого восстанавливались многие старые связи, завязалось немало новых. Счастливая внешность открывала многие двери. Жаркая полудикая азиатская страна не погубила ее знаменитую красоту, ставшую даже еще более роскошной и волнующей. Английский журналист Эндрю Ротштейн восторгался «чарующим каскадом ее веселой речи, полетом мысли и прозрачной прелестью ее литературного языка». «Потрясающе красива, стремительна, талантлива во всем: и в любви, и в творчестве, и в революции», «лучезарная», «лучисто-праздничная», «не то античная богиня, не то валькирия древнегерманских саг», «удивительно стройная красавица», «вся сжатым залпом прелести рвалась» — и это

только часть того восхищения, которое она вызывала у мужчин. В ее честь Борис Пастернак назвал главную героиню своего романа Парой. Женщина-комиссар из пьесы Всеволода Вишневского — это тоже Лариса… Ею увлекались и Н. Бухарин, и красный финансист А.М. Краснощеков, и поэт И. Уткин, и многие другие — им нет числа. Сильное впечатление молодая женщина произвела на Эфраима Склянского, о котором Троцкий вспоминал: «Это была превосходная человеческая машина, работавшая без отказа и без перебоев. Это был на редкость даровитый человек, организатор, собиратель, строитель, каких мало». Сторонник Троцкого и противник Сталина, он утонул при загадочных обстоятельствах в 1925 году в командировке в США.

Даже женщины не могли не заметить эту выдающуюся красоту. Галина Серебрякова вспоминала, что, встречая Ларису, «мысленно прозвала ее королевой амазонок. Соразмерность черт лица, приятный взгляд светлых глаз, красивые зубы — все было безупречно».

Сама Лариса собиралась делать карьеру. Перед глазами были примеры головокружительных взлетов женщин, значительно зауряднее, чем она.

О Н.К. Крупской желчные остряки в партии говорили, что Ленин женился на ней по принципу «чем хуже, тем лучше», и называли ее «миногой». Впрочем, ее скорее любили: при несколько суровом и гордом виде она была не зла, не тщеславна, ни к каким званиям и должностям не стремилась, хотя по своим заслугам на некоторые, не очень важные посты, имела право. Она никуда не лезла, никому не завидовала. Она была женой Ленина, и этого было достаточно. Правда, она патронировала пресловутые молодежные коммуны, совместное проживание молодых мужчин и женщин, полагая, что это — «организация на почве обобщения быта новых общественных отношений, новых взаимоотношений между членами коммуны, новых, товарищеских отношений между мужчиной и женщиной».

Инесса Арманд, утонченная голубоглазая шатенка, полуфранцуженка-полуирландка, конечно, была вне конкуренции как возлюбленная самого вождя мирового пролетариата. Мать пятерых детей, брошенных на попечение мужа, она не потеряла ни фигуры, ни осанки, виртуозно играла на фортепьяно, владела четырьмя языками. После переворота Арманд получила должность председателя Совнаркома Московской губернии и стала сочинять нравоучительные повести для пролетарских женщин.

Александра Коллонтай, в прошлом тоже, как и Лариса, «девушка из хорошей семьи», пройдя огонь и воду,

прославившись многочисленными романами, в том числе с наркомами Шляпниковым и Дыбенко, сама побывала наркомом «государственного призрения» и впоследствии представляла Советский союз в ранге посла в Норвегии, Мексике и Швеции.

Анна Малиновская, бывшая жена наркома Луначарского, курировала детские общественные советские учреждения. Она устроилась в покоях Екатерины Великой, гуляла только по аллеям, любимым царской семьей, посетителей принимала, сидя в кресле императрицы Александры Федоровны.

«Мария Андреева, жена Горького (вторая, — настоящая его жена где-то в Москве), бывшая актриса, теперь комиссарша всех российских театров, уже сколотила себе деньжат… это ни для кого не тайна. Очень любопытный тип эта дама-коммунистка.

Каботинка[22] до мозга костей, истеричка, довольно красивая, — она занималась прежде чем угодно, только не политикой, и теперь, — о, теперь она «коммунистка» душой и телом. В роль комиссарши, — министра всех театрально-художественных дел, — она вошла блестяще; в буквальном смысле «вошла в роль», как прежде входила на сцене, в других пьесах. Иногда художественная мера изменяет ей, и она сбивается на роль уже не министерши, а как будто императрицы («ей Богу, настоящая «Мария Федоровна», восклицал кто-то в эстетическом восхищении). У нее два автомобиля, она ежедневно приезжает в свое министерство, в захваченный особняк на Литейном, — «к приему».

Приема ждут часами и артисты, и писатели, и художники. Она не торопится. Один раз, когда художник с большим именем после долгого ожидания удостоился, наконец, впуска в министерский кабинет, он застал комиссаршу очень занятой… с сапожником. Она никак не могла растолковать этому противному сапожнику, какой ей хочется каблучок, и с чисто королевской милой очаровательностью вскрикнула: — «Ах, вот и художник! Ну нарисуйте же мне каблучок к моим ботинкам!» Не знаю уж, воспользовался ли он «случаем» и попал, или нет, «в милость». Человек «придворной складки», конечно, воспользовался бы… Внезапно она сделалась уже не одним министром «всех театров», а также и министром «торговли и промышленности». Положим, не хлопотно: «промышленности» никакой нет, а торгуют всем, чем ни попади, и министру надо лишь этих всех «разгонять» (или хоть «делать вид»), — записывала в дневнике весьма осведомленная Зинаида Гиппиус.

Жена Каменева Ольга, сестра Троцкого, стоматолог по образованию, получила театральный отдел Наркомпроса. Ее глубокое убеждение состояло в том, что «поэты, художники,

музыканты не родятся, а делаются. Идея о прирожденном даре выдумана феодалами. Каждого рабочего можно сделать поэтом, каждую работницу — танцовщицей; главное — усидчивость». Со своей приятельницей Любовью Васильевной, женой советского дипломата Красина, она часто наведывалась в Париж, была известна своими туалетами и неограниченностью средств. Об этом много писали французские газеты.

Супруга члена Политбюро Зиновьева Злата Лилина возглавляла отдел народного образования Петроградского исполкома и была признана одной из крупнейших советских деятельниц в области попечения о детях. Она прославилась высказыванием: «Мы должны изъять детей из пагубного влияния семьи. Скажем прямо, национализировать. И с первых же дней жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ. Заставить матерей отдать советскому государству ребенка — вот наша задача».

Неужели гораздо более разносторонне одаренная и образованная красавица и умница Лариса Рейснер, останется заурядной «женой» ответственного работника, не найдет применения своим многочисленным талантам? В это Лариса не желала верить.

Раскольников продолжал засыпать ее письмами. В августе 1923 года он писал, может быть, еще надеясь на воссоединение: «Пожалуйста, исправь свое жестокое отношение и приласкай мою бедную одинокую мамочку, если не ради нее, то меня <…>. Ты показала себя такой нечувствительной. Как тебе не стыдно? <… >. Если теперь она умрет с голода в непосредственной близости от тебя, то я тебе этого никогда не прощу. Посылаю тебе, моя милая, обожаемая малютка, кофе и мыло…».

Надежда Мандельштам записывала в своем дневнике: «Надо создать тип женщины русской революции, говорила Лариса Рейснер в тот единственный раз, когда мы были у нее после ее возвращения из Афганистана, — французская революция свой тип создала. Надо и нам». Это вовсе не значит, что Лариса собиралась писать роман о женщинах русской революции. Ей хотелось создать прототип, и себя она предназначала для этой роли».

Рейснер пыталась вернуться в литературный бомонд, устраивала изысканные интеллигентские вечеринки. Причем, время от времени помогая отдельным представителям еще оставшейся интеллигенции, она могла писать против интеллигенции в целом разгромные статьи. Она жаждала быть в гуще, на самом острие событий, желала постоянно ощущать свою значимость. Но кажется, ее время, время ее стихии безвозвратно кануло в прошлое.

«Красавица и чудовище»

Безусловная военная победа придала «красному режиму» легитимность, что снимало в России вопрос о власти и обеспечивало признание большевистского правительства правительствами других государств. Однако традиции европейской демократии были несовместимы с условиями, в которых России предстояло развиваться ускоренными, невиданными темпами, мобилизуя и централизуя наличные ресурсы. Суровая действительность разрушала все возникшие тогда беспочвенные иллюзии, воздушные замки, абстрактные мечтания, включая также и коммунистические. Например, она не оставила камня на камне от брошюры «Государство и революция», написанной Лениным летом 1917 года, рассуждения которой о будущем могли вызывать лишь недоумение, настолько они оторваны от реальности. Завоевав Россию, вожди большевизма вместо построения коммунизма, ведомые непознанными ими русскими закономерностями, смогли создать только государство-фабрику, что обеспечило победу во Второй мировой войне и через 30 лет после описываемых событий сделало Государство Российское сверхдержавой.

А. Белый ужасался мгновенно народившейся советской бюрократией. «Ужасно грустно: грустно и тяжело мне сейчас вообще; Москва — мертвый сон, канцелярщина и все увеличивающийся «идиотизм» правительственной власти; «они» разводят всюду свою отвратительную мертвечину. Порой негодование душит: негодуешь, разумеется, не на Революцию, ни даже на коммунизм (хотя что «они» сделали с коммунизмом!!). Негодуешь на хамство, мелочность, тупость и жестокую меднолобость руководителей».

При Советах Москва уже утратила свою прежнюю физиономию преимущественно торгово-промышленного и культурного центра, отбросила лихость и бесшабашность революционных лет и приобрела характер центра служебно-административного. «Кончилась романтика, авантюра, опасность, но кончилась и радость жизни», — сокрушалась Лариса. Надо было приспосабливаться к изменившимся условиям.

Новым покровителем и другом Рейснер стал известный журналист Карл Радек — видный партиец, блестящий оратор, язвительный и блестящий журналист, талант которого высоко ценил Ленин. В 1920–1924 годах Радек руководил отделом внешней политики Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и отдела Центральной Европы

наркомата внешних дел, где отвечал за экспорт революции. Он часто выступал в центральных газетах; в «Правде», «Известиях», находился на виду.

Впервые Радек и Лариса встретились на III конгрессе Коминтерна и, возможно, признали друг в друге родственные души. Она тотчас приложила все усилия, чтобы Радек влюбился в нее, увлекла его за собой, и их роман стал притчей во языцех. Радек рассказывал, что «в сентябре (1923 г.) Лариса пришла к нему с просьбой помочь ей выехать в Германию… Ларису тянуло туда. Тянуло сражаться в рядах германского пролетариата и приблизить его борьбу к пониманию русских рабочих. Ее предложение меня очень обрадовало… Но в то же время я чувствовал, что ее поездка в Германию — бегство от неразрешенных сомнений».

В это время в Германии возникла очередная революционная ситуация. Радек был послан на помощь немецким товарищам. В прошлом он активно сотрудничал с германской, австрийской и польской социал-демократией. С ними последовательно он то ли расплевался сам, то ли был попросту изгнан за авантюризм и другие, более серьезные прегрешения. Но большевики оценили его способности. Направленный в 1918 году в Германию по поручению Ленина для организации там революции, Радек, хотя и выполнил поручения, оказался в центре серьезных скандалов.

Возможно, и даже скорее всего, он был инициатором попытки членов так называемого «Спартака», германского двойника партии большевиков, устроить переворот, подобный тому, который удался в России. Однако большая часть «спартаковцев», вышедших на митинги и демонстрации, была уничтожена войсками, лояльными правительству. По свидетельству Феликса Дзержинского, пытавшегося координировать действия коммунистов и скрывшегося, когда стало ясно, что восстание потерпит крах, войска очень жестоко подавили восстание. Группа реакционных офицеров бывшей кайзеровской армии без суда и следствия убила где-то в подворотне вождей германской социал-демократии Карла Либкнехта и Розу Люксембург. В обстановке всеобщего ужаса и скорби неожиданно прозвучал голос брата убитого Либкнехта. Теодор Либкнехт, известный берлинский адвокат, открыто обвинил в пособничестве карателям Радека и даже добился его ареста. Теодор утверждал и брался доказать, что именно посланец Ленина указал, где скрываются вожди рабочих! Теодор Либкнехт рассказывал, что встретил брата на улице и тот на ходу сказал ему, что располагает информацией о связи Радека с военными кругами и считает его предателем. Он обещал рассказать об этом более подробно при встрече, но этой

же ночью был арестован и расстрелян.

Ситуация, казалось бы, нелепейшая: эмиссар красной Москвы выдает силам реакции двух виднейших германских левых… Однако при тщательном изучении выясняется, что никаких нелепостей тут нет. Дело в том, что Роза Люксембург, женщина энергичная и прямая, еще в 1908 году добилась исключения Радека из германской социал-демократической партии «за тесные и подозрительные связи с германской и австро-венгерской тайной полицией». Она же в 1907 году, на пятом съезде РСДРП (еще не расколовшейся на большевиков и меньшевиков), довольно жестко выступала против Ленина. А после Октября семнадцатого вместе с Либкнехтом во всеуслышание осудила большевиков-ленинцев, отступивших, по ее мнению, от светлых идеалов социал-демократии. Позиция «немецких товарищей» наносила ущерб политической репутации Ленина, и тут, как по волшебству, в Германии появился Радек — с известным результатом. Практически доказано, что Радек был завербован двумя секретными спецслужбами: германской и австро-венгерской. Кроме того, он являлся одним из главных связных между руководством большевистской партии и германским Генштабом и активнейшим организатором переезда Ленина и его соратников в Россию через Германию в пресловутом пломбированном вагоне.

И вот теперь Радек возвращался в страну «Шиллера и Гете», чтобы организовать штаб для руководства новым восстанием. Поскольку в этот раз восстание было одобрено лидерами большевиков и возглавлено одним из них, подготовка к нему шла масштабная. Планировалось раздать присланное из РСФСР оружие около 60000 тысячам рабочих в Саксонии и Тюрингии. Прийти на помощь восставшим через территорию Польши должна была и трехмиллионная советская армия.

Рядом с Радеком — красавица Лариса Рейснер. Об этой их поездке, об участии в Гамбургском восстании ходили легенды. По одной из них Лариса Рейснер ехала с документами польской графини, а Радек — один из вождей Коминтерна — сопровождал ее в качестве секретаря. Задача Ларисы была двоякой. Как обозначал Радек, она «…должна (была) дать русскому рабочему картину гражданской войны, назревающей там под влиянием захвата Рура французами и экономической разрухи. Одновременно она должна была, в случае захвата власти в Саксонии, служить офицером связи между той частью ЦК германской коммунистической партии и представительства Коминтерна, которое находилось в Дрездене, и остальной частью. Однако ход событий в Саксонии не позволил Рейснер даже приступить к исполнению данных ей поручений. «…При первых

известиях о гамбургском восстании Райснер спешит туда, но вследствие непродолжительности его попадает только после его разгрома».

Восставшим не удалось получить под контроль местное министерство внутренних дел и полицию, как предполагалось заранее. Армия не поддержала попытку переворота и сурово расправилась с бунтовщиками. Саксонское правительство было распущено. Польша отказалась пропустить Красную Армию, и под угрозой повторения событий советско-польской войны 1920 года от этого плана большевики были вынуждены отказаться. В Гамбурге «пролетарские сотни», не зная об отмене восстания, попытались захватить город. Они смогли занять несколько городских кварталов, но были разбиты правительственными войсками. В Саксонии и Тюрингии отряды рейхсвера несколько дней громили вооруженных восставших. Со стороны бунтовщиков было убито и ранено около 1000 человек.

Лариса действительно поспевала всюду, действуя под разными конспиративными псевдонимами. Не случайно в письмах она просила родителей быть предельно осторожными и соблюдать правила конспирации — «иначе погубите меня!»

Во время этой поездки Лариса навестила в Берлине Ольгу Чехову Именно тогда, по мнению многих исследователей, и началась работа актрисы на советскую разведку…[23]

Не в первый и не в последний раз журналист совмещал со своей непосредственной деятельностью шпионские функции.

Неудача восстания не помешала Ларисе собрать материал для создания цикла очерков «Берлин в октябре 1923 года», «В стране Гинденбурга», «Очерков современной Германии». Ее стиль резко изменился в лучшую сторону. Художественные достоинства очерка «Гамбург на баррикадах» впоследствии были высоко оценены немецкой критикой, считавшей, что подобного изображения Гамбурга нет в мировой литературе. Многие знали, что за творческим ростом писательницы стоит Карл Радек. Он всерьез занялся литературным воспитанием Ларисы, читал ее рукописи, заставлял работать над стилем. Сама Лариса в письме к родителям рассказывала, как он «взялся за мою запущенную голову, обложил меня книгами, заставил читать… обеспечил свободу труда, расшевелил в моей ленивой и горькой душе творческие струны…»

Лариса нахваливала своего друга неспроста. Родители были крайне раздражены сомнительным положением дочери — сожительницы женатого мужчины. Они знали позицию по этому поводу Раскольникова и были с ней солидарны. Тот убеждал: «Ради всего святого, во имя революции, не унижайся до жалкой

роли любовницы какого-нибудь женатого человека». И буквально это произошло. Пока имелось формальное объяснение существующего положения — Лариса не была официально разведена с Раскольниковым — семья, стиснув зубы, терпела. Это было непросто. Вся Москва потешалась над странной парой — маленький некрасивый Радек выглядел особенно карикатурно рядом с высокой и крупной «валькирией». На его фоне «смущал высокий рост, величина рук, ног и всего могучего тела Ларисы». Их тут же прозвали «красавицей и чудовищем». Кто-то переиначил цитату из «Руслана и Людмилы»: «Лариса Карлу чуть живого в котомку за седло кладет».

Но и это бы еще ничего. Новый друг дочери, имел репутацию человека сомнительного. Сын львовского учителя (по утверждению злопыхателей — содержателя известного публичного дома в Варшаве), от товарищей по партии он получил кличку «Крадек». По одним источникам — за то, что обладал болезненной страстью таскать из библиотек друзей нужные ему книги. По другим — за порочное влечение к деньгам из партийной кассы. Известная итальянская и российская социалистка, любовница Муссолини, лично встречавшаяся с большевистскими вождями Анжелика Балабанова, вспоминала: «…его не смущало то, как с ним обращаются другие люди. Я видела, как он пытается общаться с людьми, которые отказывались сидеть с ним за одним столом, или даже ставить свои подписи на документе рядом с его подписью, или здороваться с ним за руку. Он был рад, если мог просто развлечь этих людей одним из своих бесчисленных анекдотов. Хоть он и сам был евреем, его анекдоты были почти исключительно про евреев, в которых они выставлялись в смешном и унизительном виде. В России на Радека смотрели как на аутсайдера, иностранца…». Его называли «гениальным авантюристом в большой политике», «умнейшей и хитрейшей головой своего времени», но также «шустрым, изворотливым, беспринципным приспособленцем». Позже Фадеев говорил о Радеке так: «Это человек без роду, без племени, без корня. Это порождение задворок Второго интернационала, заграничных кафе, вечный фланер, перелетчик и туда, и сюда». Вся политическая биография Радека — сплошная цепь сплетен, слухов, конфликтов и непонятностей.

В 1918 году Москве во время празднования годовщины декрета «Об отмене брака» демонстранты прошли по Красной площади нагишом, лишь с красными перевязями через плечо. Они требовали от всех членов российского общества немедленно обнажиться и примкнуть к ним. Во главе этого шествия шагал его

идейный вдохновитель, большевик со стажем, любимец Ленина Карл Радек. Даже приятели считали его патологическим эротоманом и осуждали за то, что «он и по квартире разгуливал совершенно обнаженным, пугая малых детей родной сестры…»

Расторжение брака Ларисы с Раскольниковым должно было сопровождаться одновременным разводом Радека и увенчаться их законным союзом, но Радек не спешил расставаться со своей милой женой Розой Маврикиевной и любимой дочуркой Сонечкой. Это выводило из себя Рейснеров-родителей, и они писали дочери, что ничуть не удивляются гадкому поведению Радека — «мы сами наблюдали мещан этой национальности и знали наперед развязку».

Не в силах переломить ситуацию, Лариса вынуждена была смириться. Рядом с Радеком она находилась в гуще событий, в меняющемся кругу людей. Он свободно читал и говорил на тринадцати языках, был образованнейшим человеком своего времени и считался лучшим знатоком мировой литературы. Он привлекал острым умом и ярким талантом, умел изящно объединить какой-нибудь исторический эпизод с эротическим каламбуром, чем приводил в восторг слушателей. Все острые политические анекдоты приписывались ему. Его остроты стреляли без промаха и убивали насмерть. Противники трепетали перед ним: он разил их наповал ядом сарказма.

В политических дискуссиях 1923–1924 годов Карл Радек — сторонник Л. Троцкого (особенно в критике Сталина за провал германской революции). Эта позиция оказалась проигрышной, и Радек лишился постов в ЦК и Коминтерне. В мае 1924 года он вместе с Троцким, Бухариным и Луначарским принял участие в совещании ЦК по вопросу о политике партии в области художественной литературы. Произошло жесткое столкновение двух позиций, заявленных на совещании. А.К. Воронский, видный советский литературный критик, редактор и организатор художественной периодики, утверждал, что следует поддерживать все талантливые литературные силы, принявшие Октябрь. Редколлегия журнала «На посту» настаивала на поддержке только пролетарской культуры. Радек оказался, скорее, на стороне Воронского. Куда решительнее это сделал Троцкий. Впрочем, и публичный куратор пролетарской культуры Бухарин на этом совещании подверг напостовцев ядовитой критике и высказался за принцип состязательности в художественной литературе. После речи, произнесенной Троцким на совещании в отделе печати ЦК РКП(б), последовал шквал критики. Особенно остро выступал бывший муж его мимолетной любовницы Раскольников. Но ему ли было тягаться в полемике с

таким закаленным в словесных битвах оратором, как Лев Троцкий! Тот не жалел сарказма, пройдясь по недавней отставке Раскольникова с поста посла в Афганистане. «После долгой отлучки Раскольников выступил здесь со всей афганской свежестью — тогда как другие… немножко вкусили от древа познания и наготу свою стараются прикрыть».

Раскольников после отзыва из Афганистана с 1924 года работал в Исполкоме Коминтерна под фамилией Петров. Затем ушел из Наркоминдела так же смело, как три года назад увольнялся с флота, и вступил «на шаткую палубу литературы».

Чувства Ларисы к Троцкому, по-видимому, не остыли. В это трудно поверить, но не щадя самолюбия любовника Радека, она избрала его вестником предложения высокопоставленному советскому деятелю стать матерью его ребенка, в котором соединились бы гармонично красота и талант матери (Рейснер) и гениальность отца — вождя мировой революции. Ради будущего чудо-ребенка она готова была всю беременность провести в постели. Такое необычное предложение объяснялось влиянием на женскую часть общества Александры Коллонтай, пропагандировавшей идею «любви пчел трудовых», когда мужчины и женщины должны свободно порхать с «цветка на цветок», отвергая какую бы то ни было семейную привязанность как «мещанство» и «пережиток частнособственнического отношения к женщине». Но Троцкий отверг предложенную ему честь. При встрече он, как и раньше, любезно разговаривал с ней о литературе и ее значении для воспитания красноармейцев, о других общих вопросах, ничем не напоминая об имевшем место разговоре между ним и Радеком.

Книга очерков Рейснер «Гамбург на баррикадах» была издана 1924 году. В следующем году вышли в свет очерки об Афганистане. Эту книгу Лариса с посвящением подарила Раскольникову. От внутрипартийной борьбы в ВКП(б) Федор Федорович держался в стороне, но симпатию к Троцкому сохранял. Однако если в начале революции он свидетельствовал, что «с огромным уважением относился Троцкий к Владимиру Ильичу. Он ставил его выше всех современников, с которыми ему приходилось встречаться в России и за рубежом… Отзвуки былых разногласий довоенного периода совершенно изгладились. Между тактической линией Ленина и Троцкого не существовало различий», то в 1924 году он писал совсем другое: «Товарищ Троцкий еще рассматривал себя как члена одной общей партии с меньшевиками… В то время он еще не выяснил своего отношения к большевизму и меньшевизму. В то время т. Троцкий еще сам занимал колеблющуюся, неопределенную, межеумочную

позицию».

Это еще не предательство, но что-то очень на него похожее.

Последние годы

Энергичная деятельность Ларисы в Германии была вознаграждена хорошей должностью. С января 1925 года Рейснер — штатный работник «Известий». Сотрудничество с газетой складывалось непросто. После долгой борьбы журналистки с главным редактором Ю. Стекловым, он был снят с должности. Однако цветистую прозу Рейснер категорически не принимал и его преемник И. Скворцов-Степанов. По воспоминаниям В. Шаламова он «зарезал» три фельетона Ларисы. Степанов вообще считал такой стиль непригодным для газеты и уволил ее с работы. Она конфликтовала, настаивала на своем праве писать «художественный фельетон». В архиве сохранилось ее заявление в парторганизацию «Известий» по поводу конфликта.

Действительно, особенности литературного творчества Ларисы Рейснер принимали не все. Отмечали увлечение образностью слога, использование длинных и запутанных оборотов, «красивость» на грани безвкусицы и кича. М. Кольцов деликатно отмечал, что излишняя «пряность» стиля делает повествование несколько «вязким». Можно даже согласиться с пролетарским «поэтом-коммунистом» Демьяном Бедным, с большевистской прямотой припечатавшим, что ее проза «нарочито-изломана» и «жеманна». Лидия Сейфулина признавала «пышность» стиля Ларисы, но объясняла его ее внутренним богатством. Даже К. Радек старался если не вовсе искоренить, то приглушить присущую подруге чрезмерную вычурность и «красивость».

Отношения с Радеком переживали взлеты и падения. Ларисе было трудно смириться с положением «второй жены». Время от времени обиженная женщина бросала его, как это случилось, когда она умчалась в многомесячную командировку по Донбассу и Уралу. Оттуда она привезла книгу «Железо, уголь и живые люди», в окончательной редакции которой снова видна рука Радека. На следующий год Лариса по очередному поручению Коминтерна отправилась якобы на лечение в Висбаден — вспомним, что ни Блока, ни Сологуба лечиться за границу не пустили. Но особенно и не скрывалось, что этот вояж использовался не столько для забот о здоровье, сколько для изучения положения германского рабочего класса и выполнения других особых поручений. Результатом поездки стала книга «В стране Гинденбурга».

Впрочем, Лариса была хотя и прекрасной, но, кажется, не очень здоровой. В ее переписке с родителями нет-нет, да

мелькнет упоминание о больных ногах, спине, депрессии. И если невозможность выносить ребенка нетрудно объяснить непоседливостью Ларисы, ее резким отказом дать себе отдых, то жестокие приступы малярии, которые надолго выводили из строя, являлись тем врагом, с которым ей постоянно приходилось бороться все последнее десятилетие своей жизни.

Уже не было надежды на помощь Троцкого. Во время болезни Ленина он превратился в единственного отчаянного сторонника и защитника больного. Но его хитроумно изолировали от больного вождя. К 1922 году Сталин стал настолько всесилен в партии, а Дзержинский — в спецслужбах, что выиграть битву против них больной Ленин не мог, даже опираясь на поддержку Троцкого.

Увлекающийся человек, Лариса зажглась темой восстания декабристов, столетие которого отмечалось в СССР в 1925 году. Бунтарка в ней разделяла стремления участников восстания к переменам. Особенно удачным получился очерк о бароне Владимире Ивановиче Штейнгеле, члене Северного общества, составившем «Манифест к русскому народу» о необходимости изменения общественного строя. Почему-то кажется, что писательница видела в Штейнгеле Михаила Андреевича Рейснера.

К этому времени относится единственная известная дружеская связь Ларисы с женщиной — писательницей Лидией Сейфулиной. Они познакомились, когда Лидия Николаевна находилась на волне творческого подъема и имя ее было популярно у читателя. Она уже издала в Москве, Новониколаевске и Екатеринбурге повести «Правонарушители», «Перегной», «Виринея», напряженно и плодотворно работала в редакции журнала «Сибирские огни». Как писали о ней в следственном деле чекисты, «Сейфуллина являлась активным участником троцкистской группы Воронского, была близка не только с ними, но и с троцкистами Примаковым, Зориным и Лашевичем, постоянно вращаясь в их среде. Кроме того, на нее оказывал сильное влияние ее муж, в прошлом активный эсер Валерьян Правдухин, приглашавший в дом людей такого же толка, как и он сам».

Лариса и Лидия были женщины совершенно разного склада. Одна — смелая и решительная в действиях и поступках, по характеру мужественная, способная совершить подвиг, не страшившаяся никаких превратностей судьбы, но остававшаяся поразительно женственной, красивой, обаятельной. Другая — тоже душевно смелая, неизменно прямая, но по-женски хрупкая, более ранимая, участливая и доброжелательная, умевшая сердечно привязаться к человеку. Она уже была знаменита: ее

изучали в школах, вышло в свет собрание ее сочинений… Фадеева, Фурманова, Шолохова еще никто не знал, знали — Лидию Сейфуллину. Волна славы перехлестывали границы: пьесу «Виринея» ставили в Праге и в Париже.

Их, таких разных по характеру, связывала удивительно нежная дружба. Роднила богатая внутренняя культура русских интеллигентов, воспитанных на лучших семейных и общественных традициях, где высоко ценили просвещенность, хорошо знали не только отечественную словесность, но и европейскую литературу.

Если Лариса сумела вписаться в новую действительность и даже вполне комфортно в ней устроиться, Сейфуллина переживала внутренний разлад и постепенно выключалась из литературной жизни и работы. Несомненно, на кризис Сейфуллиной повлияло общее положение в стране в середине 1920-х годов, разгром левой оппозиции, ссылка и преследование ее участников, в том числе и ближайших друзей писательницы. Кризис, разумеется, усугублялся и наследственным алкоголизмом. При всем том Лидия Николаевна сохраняла несомненное обаяние и сумела стать настоящей подругой Ларисе.

Та как раз готовила к изданию свою четвертую книгу Она уже получила назначение собкором «Известий». И не куда-нибудь, а в Париж, где вскоре должны были начаться советско-французские переговоры. Советскую делегацию возглавлял Христиан Раковский, верный соратник и друг Троцкого. Это по его просьбе освещение переговоров было поручено Ларисе Рейснер. Она должна была отправиться в Париж в том же поезде, что и Раковский. Но ее включение в состав делегации могло кому-то сильно мешать. За несколько дней до отъезда она внезапно заболела.

Как это обычно и бывает в годы бедствий, страну в 1914–1923 годах захлестнула волна инфекционных заболеваний — «испанки», туберкулеза, кишечных инфекций, в том числе брюшного тифа, холеры, дизентерии, натуральной оспы. Начавшаяся в ходе Первой мировой войны, эпидемия острозаразных заболеваний продолжалась в последующие годы, постепенно затухая. Число больных брюшным тифом в 1918–1920 годах оценивалось в 25 млн. чел. Автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», американский журналист и писатель Джон Рид умер в Москве в октябре 1920 года от тифа.

«Тиф» в переводе с древнегреческого означает «помрачение сознания». Такое название дано болезни оттого, что она на фоне лихорадки и интоксикации сопровождается различными нарушениями психики — бредом, галлюцинациями. В первую

неделю заболевания нарастают усталость, слабость, потеря аппетита, тяжелые головные боли, кашель, высокая температура, озноб, запоры, боли в животе. Появляются высыпания на коже — розеолы — и поражение лимфатической системы нижнего отдела тонкой кишки. Увеличивается объем печени и селезенки.

Заболевание зависит от социально-экономических факторов — в частности, от питания. Но к 1926 году эпидемия брюшного тифа в стране Советов практически прекратилась.

Поэтому казалось нелепостью, что вся благополучная, не имевшая проблем с питанием семья Рейснеров (вместе с домработницей), заразилась тифом. Утверждение, что Лариса умерла «от глотка сырого молока, вызвавшего брюшной тиф», не совсем точно отражают действительность. Рейснеры заболели, съев на десерт пирожные с заварным кремом, приготовленном на молоке. Глава семьи, Михаил Андреевич, пирожных не ел, чтобы не поправиться, и единственный остался здоровый.

Лариса, несмотря на усилия врачей, умерла 9 февраля 1926 года в Кремлевской больнице. Она не справилась с болезнью, поскольку на тот момент была сильно истощена работой и личными переживаниями. Она умерла, не приходя в сознание. Ей было всего 30 лет.

Ее мать и брата удалось спасти.

Вдова поэта Мендельштама отметила в мемуарах: «Мы так не привыкли к естественной смерти от болезни, что мне не верится: неужели обыкновенный тиф мог унести эту полную жизни красавицу. Противоречивая, необузданная, она заплатила ранней смертью за все свои грехи».

Писатель Варлам Шаламов горевал о героине: «Молодая женщина, надежда литературы, красавица, героиня Гражданской войны, тридцати лет от роду умерла от брюшного тифа. Бред какой-то. Никто не верил. Но Рейснер действительно умерла. Я видел ее несколько раз в редакциях журналов, на улицах, на литературных диспутах. Гроб стоял в доме печати на Никитском бульваре. Весь двор был забит народом: военными, дипломатами, писателями. Вынесли гроб, и в последний раз мелькнули каштановые волосы, кольцами уложенные вокруг головы».

В Доме печати на Никитском бульваре попрощаться с Ларисой Рейснер пришли толпы — военные, дипломаты, писатели… За гробом вели под руки рыдающего Карла Радека. Свои соболезнования выразили Троцкий, Бухарин и Киров. У Федора Раскольникова случился нервный срыв, он долго болел. «Лариса так умела жить, что даже умерла вовремя, не дожив до страшных разочарований в своей главной любви — к своему вампиру, к Революции», — сказал Борис Пастернак, давший ее

имя главной героине своего романа «Доктор Живаго».

Михаил Кольцов писал: «…Пружина, заложенная в жизнь этой счастливо одаренной женщины, разворачивалась просторно и красиво… Красочен, смел стремительный путь Рейснер-человека. Из петербургских литературно-научных салонов — на объятые огнем и смертью низовья Волги, в самую гущу боев с чехословаками, потом на Красный флот, потом — через среднеазиатские пустыни — в глухие дебри Афганистана, оттуда — на баррикады Гамбурского восстания, оттуда — в угольные шахты, на нефтяные промыслы, на все вершины, во все стремнины и закоулки мира, где клокочет стихия борьбы, — вперед, вперед, вровень с революционным локомотивом несся горячий неукротимый скакун ее жизни». И в заключении он патетически вопрошал: «Зачем было умирать Ларисе, великолепному, редкому, отборному человеческому экземпляру?»

Похоронена Лариса Рейснер была на 20-ом участке Ваганьковского кладбища.

Рассказывали, что выжившая мать Ларисы, узнав о смерти дочери, покончила собой на могиле дочери. Это не так, это лишь отзвук тех страстей, которые всегда клубились вокруг блистательной Ларисы. Но прожила Екатерина Александровна только год, скончавшись 19 января 1927 года. За два месяца до своей смерти она писала Лидии Сейфуллиной: «Ты не страдай о нас, все случилось 9 февраля (1926 года, когда умерла Л. Рейснер), теперь только тянутся следствия. Каждое из них я встречаю равнодушно. И если ты услышишь, что я оборвалась, будь другом и порадуйся за меня».

Лидию Сейфулину долго преследовали воспоминания, и в годовщину смерти подруги они вылились в очерк, по своей тональности похожий на реквием — «Лариса Рейснер». «Она была очень хороша собой и всегда казалась нарядно одетой, потому что не выносила неряшливости и безвкусия ни в чем. «Она была столь красива, что всегда казалась слишком богатой и праздничной для тягостных мелких жизненных забот. И немногие знали, что она мало зарабатывает, трудолюбива, слишком боязлива в оценке своих достижений и безбоязненно добра».

«Живым о ней надо вспоминать ради вкуса к жизни», — заканчивала свой рассказ о подруге Лидия Сейфулина.

После ее смерти

Отец Ларисы после смерти супруги Екатерины Александровны женился на своей кухарке. Игорь, боготворивший мать, никогда не мог ему этого простить, особенно когда отец, желая, видимо, как-то обеспечить эту неграмотную женщину, завещал ей свою библиотеку, тогда как Игорю она нужна была для работы…

Всю жизнь Игорь хранил в своей комнате гипсовый бюст матери и портрет Ларисы кисти Василия Ивановича Шухаева, но ни одного изображения своего отца.

Михаил Андреевич Рейснер скончался в ночь на 3 августа 1928 года.

События развернулись достаточно быстро. Он прекрасно чувствовал себя в Кисловодске, куда поехал с новой женой. «В Москве, когда они вернулись, обнаружилась водянка, и консилиум высказался за операцию, чтобы выпустить воду и поставить диагноз (подозрение на рак). Операция прошла хорошо, и рака тогда не обнаружили. Два дня спустя М.А. неожиданно почувствовал себя дурно — ночью после 8-минутного приступа он скончался от паралича сердца. Вскрытие обнаружило плоскостной рак брюшины. На этот раз смерть была великодушна и избавила его от нескольких месяцев бесполезных и унизительных страданий. Я видел только мертвое тело. Щеки впали, но лицо было очень красиво и более чем когда-либо похоже на Лэри», — писал Игорь Радеку.

В 1927 К. Радек выпустил два тома «Портретов и памфлетов»; они открывались патетическим посвящением, набранным на целую страницу: «Памяти незабвенного друга Ларисы Михайловны Рейснер, борца и певца пролетарской революции книгу эту посвящаю. Карл Радек. Москва. Кремль». Успех «Портретов и памфлетов» в левой интеллектуальной среде был и политический, и литературный.

Еще некоторое время Радек был верен Троцкому и оставался на его стороне в противостоянии со Сталиным. Он хлестко отвечал приспешникам генсека, демонстративно глумившимся над ним и его патроном. Недалекому К.Е. Ворошилову, пытавшемуся высмеять его как «хвост Троцкого», Радек ответил стишком:

«Ах Клим, пустая голова,
Навозом доверху завалена!
Уж лучше быть в хвосте у Льва,

Чем в заднице у Сталина».

Но обстоятельства оказались сильнее его. Вскоре он уже — самый преданный прихвостень «вождя всех народов». Радек был человеком с очень гибкими принципами.

Эволюция Радека от Троцкого к Сталину естественно и неумолимо вела его к моральной деградации. Осенью 1929 года Радек выдал Сталину Я. Блюмкина, привезшего ему из Турции послание Троцкого. Блюмкина расстреляли, и Радек проникся надеждой, что навсегда доказал новому хозяину свою преданность. В 1933–1934 годах дважды переиздавали радековский двухтомник «Портреты и памфлеты», из которого автор изъял портрет Троцкого. В дальнейшем применительно к создателю Красной Армии его лексика обогатилась конструкциями типа «кровавый шут» и «фашистский обер-палач»; одновременно из-под его пера вышло сочинение «Зодчий социалистического общества», повествующее о Сталине и растиражированное на многих языках народов СССР. 21 августа 1936 года Радек напечатал в «Известиях» статью «Троцкистско-зиновьевская банда и ее гетман Троцкий», что не уберегло его от ареста, последовавшего через 26 суток.

Лион Фейхтвангер запечатлел Радека на процессе в печально знаменитой книге: «Я не забуду ни как он там сидел в своем коричневом пиджаке, ни его безобразное худое лицо, обрамленное каштановой старомодной бородой, ни как он поглядывал в публику, большая часть которой была ему знакома, или на других обвиняемых, часто усмехаясь, очень хладнокровный, зачастую намеренно иронический, ни как он при входе клал тому или другому из обвиняемых на плечо руку легким, нежным жестом, или как он, выступая, немного позировал, слегка посмеиваясь над остальными обвиняемыми, показывая свое превосходство актера, — надменный, скептический, ловкий, литературно образованный… Из семнадцати обвиняемых тринадцать — среди них близкие друзья Радека — были приговорены к смерти; Радек и трое других — только к заключению».

Радек получил 10 лет. Требовавшие его казни, возможно, удивились, но, понятно, не протестовали (не из гуманизма, а сугубо из осторожности). Они не знали, что вместо 120 месяцев Радек отсидит 32, после чего будет казнен руками подосланных в камеру уголовников. Это произойдет в мае 1939 года, когда сговор Сталина с Гитлером начнет приобретать вполне осязаемые черты — сговор, к которому, по некоторым оценкам, Радек имел

прямое отношение.

Удачнее всех сначала складывалась судьба Сергея Колбасьева. Отозванный из Афганистана, в 1922 года по ходатайству наркома просвещения А.В. Луначарского он был откомандирован для работы в издательстве и уволен в запас. После возвращения в Ленинград Колбасьев полностью посвятил себя писательской деятельности, став членом Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ). Вместе с поэтами Н. Тихоновым и К. Ватиновым вступил в литературную группу «Островитяне» и опубликовал пять своих первых стихотворений. По воспоминаниям современников, именно благодаря Колбасьеву, владевшему английским языком, Николай Тихонов, который занял в жизни Колбасьева место Гумилева, испытал сильное влияние Р. Киплинга.

Жизнь начинающего поэта радикально переменилась, когда„он был направлен на работу в торговое представительство СССР в Хельсинки, затем до 1928 года заведовал экспортом и импортом радиооборудования. Именно в Финляндии Сергей увлекся джазом и стал его популяризатором в Советском Союзе. В дальнейшем ему удалось собрать уникальную коллекцию пластинок с записью джазовой музыки. Квартира Колбасьевых в Ленинграде стала своеобразным «музыкальным салоном». Одновременно он зарекомендовал себя как самобытный писатель-маринист. В его книге «Поворот кругом все вдруг» рассказывается о судьбе кадрового морского офицерства после революции. Прозе Сергея Колбасьева, ироничной и безупречной по стилю, было присуще отсутствие ложного пафоса. Его произведения быстро завоевали любовь читателей, но подверглись резкой критике со стороны Вс. Рождественского и Леонида Соболева. Они обвиняли автора в безыдейности, непонимании смысла гражданской войны и движущих сил революции.

Не удивительно, что с 1933 по 1937 год С.А. Колбасьев несколько раз арестовывался как «сотрудник разведорганов» Великобритании и Финляндии, но оба раза освобождался. В ночь на 9 апреля 1937 года его арестовали в последний раз. Сведения о его смерти противоречивы. Возможно, он был расстрелян 30 октября 1937 года по решению тройки УНКВД по Ленинградской области. Однако не исключено, что в феврале 1938 года Колбасьев среди большой группы заключенных замерз на лесоповале в Талнахе. В 1956 году дочь писателя получила справку о смерти отца от лимфосаркомы 30 октября 1942 года. Известно, что подобные справки в большинстве случаев фальсифицировались.

Не менее трагично сложилась судьба еще одного мужчины,

которого любила Лариса Рейснер — Федора Раскольникова.

В феврале — июле 1926 по поручению правительства он выезжал в качестве председателя Особой советско-афганской комиссии в Кабул. Возможно, встречался с Аманулой-ханом Афганским когда тот, совершая турне по Евразии, в 1928 году посетил и СССР. С легкой руки Раскольникова и Рейснер он открыл в своей стране ряд учебных заведений и проводил широкую реформаторскую политику. Преобразования Амануллы сопровождались увеличением государственных расходов и ростом налогов, что вызывало недовольство крестьянства. В результате ряда восстаний Аманулла-хан был вынужден отречься от престола и умер в изгнании в Цюрихе. Если встреча состоялась, на ней было сказано немало теплых слов о Ларисе.

Раскольников пытался приспособиться к изменяющимся обстоятельствам. В 1924-30 годах редактировал журналы «Молодая гвардия» и «Красная новь», был главным редактор издательства «Московский рабочий», затем, после того как редактор «Красной нови» был обвинен в «противодействии пролетарской культуре» и удален, получил и этот журнал. Был известен как публицист, драматург, автор книг «Кронштадт и Питер в 1917 году», «Рассказы мичмана Ильина» и др. Был назначен председателем цензурного органа по контролю за репертуаром театров и эстрады Главреперткома, затем начальником Главискусства, членом коллегии Наркомпроса РСФСР. С 1928 как председатель Главного репертуарного комитета осуществлял жесточайшую цензуру всех драматургических, музыкальных и кинематографических произведений. Под его непосредственным руководством были запрещены к постановке пьесы М.А. Булгакова, проводилась бездарная конъюнктурная правка литературных произведений.

Некоторое время Раскольников был полпредом в Эстонии (1930–1933) и в Дании (1933–1934).

В 1936 году он был назначен послом в Болгарию, где провел почти весь период великой чистки. Здесь он жил с женой и сыном, ни в чем себе не отказывая. Второй его супругой стала Муза Васильевна Канивез (девичья фамилия Ржечицкая или Ивановская). По воспоминаниям Игоря Северянина, это была «элегантная и миловидная женщина», знавшая наизусть много его стихов. Она окончила в Москве экономический факультет Плехановского института.

Ремонт резиденции полпредства был поручен одному из самых высокооплачиваемых архитекторов. Мебель была куплена и в антикварных магазинах Москвы и Берлина, и у самых дорогих софийских торговцев. Газетчики не преминули отметить, с каким

вкусом Раскольниковы подобрали самый изысканный бархат и шелк для мебели и портьер, шикарные люстры, старинные картины и вазы. Полпред приобрел «Кадиллак» и много ездил по стране. Роскошь советского полпредства, многочисленные и дорогие туалеты мадам Раскольниковой кого-то восхищали, а кого-то коробили — на слуху были сообщения о катастрофических масштабах голода в советской России. Матери Георгия Димитрова советский посол откровенно не понравился. В досье болгарской полиции было написано: «Неглупый человек. Достаточно отшлифован для своей дипломатической карьеры и умеет держаться в любом обществе. Он прекрасно знает, что нарушение общепринятых правил этикета, которое он себе позволит, ему простят как дипломату новой формации, а известными кругами это будет даже приветствоваться. Энергичен. Для чисто партийной работы в Советской России он не был бы годен, так как он ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Он предан пролетариату только до тех пор, пока пролетариат связывает его с прошлым и позволяет вести ему буржуазный образ жизни».

Может быть, преданность Раскольникова пролетариату и была спорной, но сомневаться в правильности решений Партии он себе не позволял. Однако в записках, не предназначенных для постороннего глаза, давал товарищам свои характеристики. О Сталине он писал: «На фоне других, более выдающихся современников он никогда не блистал умом. Зато он необычайно хитер. Можно сказать, что весь его ум ушел в хитрость, которая у всех ограниченных людей вообще заменяет ум. При этом он коварен, вероломен и мстителен». Раскольников сначала полагал, что дело Тухачевского — прямой результат работы немецкой разведки. Однако исчез Дыбенко, старый товарищ по Центробалту, Кронштадту и Октябрю. Исчез Антонов-Овсеенко, потом Александр Ильин, брат Раскольникова…

Сам он за время этой «сладкой жизни» неоднократно получал вызовы в Москву — якобы для переговоров о назначении на более ответственную работу. Зная о судьбе, постигшей большинство советских дипломатов, Раскольников всячески оттягивал свой отъезд из Болгарии. По многим признакам чувствовалось, что недоверие к нему растет. Органами НКВД в самом посольстве было установлено наблюдение за полпредом «на основании данных о том, что он якобы хранил документы Троцкого».

В марте 1938 года Раскольникова вызвали в Москву, но он как мог, затягивал возвращение. Он еще пытался «выяснить ситуацию»: ездил в Женеву на свидание с Литвиновым (10 сентября 1938 года), встречался с Сурицем, советским послом в

Париже (12 октября 1938 года) и объяснял Сталину причину своего неподчинения (письмо от 18 октября 1938 года). Унизительная позиция — ждать ответа сверху, который так и не придет. С начала 1939 года Раскольников жил под очень сильным нервным напряжением: сначала, в феврале, умер его полуторагодовалый сын от энцефалита, потом он узнал из газет, что в Советском Союзе ему грозит объявление вне закона за измену родине. Понимая, что станет очередной жертвой массовых репрессий, Раскольников решил не возвращаться в СССР и направился в Париж. Там он жил несколько месяцев, не занимаясь политической деятельностью и не выступая в печати. Но из поля зрения НКВД Раскольников не выпадал: его заверяли, что советское правительство не имеет к нему никаких претензий, и он без всяких опасений может вернуться на родину. Однако Раскольникову было хорошо известно, что «самовольное пребывание за границей» приравнивается к измене Родине.

Тем не менее, он не исключал возможность возвращения в Советский Союз. Об этом свидетельствует его униженное и льстивое послание Сталину: «Дорогой Иосиф Виссарионович! После смерти товарища Ленина мне стало ясно, что единственным человеком, способным продолжить его дело, являетесь Вы. Я сразу и безошибочно пошел за Вами, искренне веря в Ваши качества политического вождя и не на страх, а на совесть разделяя и поддерживая Вашу партийную линию».

Низкое подобострастие не помогло: 17 июля 1939 года Раскольников был объявлен вне закона за «переход в лагерь врагов народа», лишен советского гражданства, заочно исключен из партии и также заочно приговорен к высшей мере наказания. 26 июля он передал в зарубежную печать статью «Как меня сделали врагом народа», в которой обосновывал свою позицию. В августе появилось открытое письмо Раскольникова Сталину, ставшее наиболее резким и в то же время наиболее обоснованным обвинением вождя в массовых репрессиях. Письмо было опубликовано в Париже в газете «Новая Россия». Но странно, что подлинник письма никто никогда не видел.

В конце августа Раскольников, находясь в Ницце, заболел воспалением легких и 12 сентября скончался. По словам жены, причина его смерти — тяжелая неизлечимая болезнь. Однако эта кончина произошла при столь загадочных обстоятельствах: выпал из окна или выброшен агентами НКВД, покончил с собой в состоянии умопомрачения или не перенеся сообщения о советско-германском пакте, умер от инфаркта … — что поневоле вызывает много вопросов и недоумений. Его молодая вдова вернулась в Советский союз, была хорошо встречена властями, обеспечена

жильем и работой.

До наших дней смерть Раскольникова остается загадкой. В 1963 году он был официально реабилитирован. Но через два года заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников, потребовал, чтобы троцкиста Раскольникова все-таки предали забвению. Только с Перестройкой во время новой волны разоблачений сталинских преступлений Федор Раскольников получил признание как жертва репрессий и стало можно вспоминать об этом «герое былых времен».

Гибель от рук чекистов друга и покровителя Раскольникова, Льва Троцкого, признанного Сталиным «врагом № 1», многократно и подробно описана во многих источниках.

Похоже, что единственный близкий родственник Ларисы, ее брат Игорь Михайлович, избегал посещать Ваганьковское кладбище, чтобы лишний раз не привлекать внимание к сестре-«троцкистке». Напрасно. Сталин приказал, чтобы никаких упоминаний о Ларисе Рейснер и ее отце нигде не было. Могилу Ларисы сравняли с землей.

Многие современные исследователи гадают: за что такая немилость? И в ком дело: в Раскольникове или в Радеке? Но ведь «измена» Раскольникова и расправа с Радеком произошли несколько лет спустя после смерти Ларисы.

Почему-то не рассматривается самая очевидная причина — Троцкий! Все знавший и ничего не забывавший Сталин воистину достал Ларису из-под земли.

Большинство воспоминаний об этой незаурядной женщине — в превосходной степени. Но имеются и другие. В. Солоухин пересказывал устойчивый слух, что Лариса Рейснер умерла «по ведомству Менжинского», дабы унести в могилу тайну смерти Блока и ответственности за нее вождя мирового пролетариата.

Во времена «оттепели» вышел большой гослитиздатовский однотомник избранной прозы Ларисы Рейснер. Имя этой выдающейся женщины, активной участницы революционных событий и талантливой писательницы, было возвращено из небытия. Вспомнили о могиле, но никаких ее следов к тому времени не осталось. К счастью, поэт Алексей Сурков, в свое время участвовавший в похоронах Ларисы, опираясь на сохранившиеся ориентиры, смог указать место захоронения. В начале 1964 года там был установлен скромный надгробный памятник из черного камня, стоящий и поныне. На нем надпись:

Писательница Л.А. Рейснер
1. V.1895- 9.II.1926
Боец Волжской военной флотилии в 1918 г.
Комиссар главного морского штаба в 1919 г.

Литература

Алданов М. Собрание сочинений вбт. Самоубийство, т.6. М., изд-во «Правда», 1991.

Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру ваше имя»: О переписке Н.С. Гумилева и Л.М. Рейснер // Хронограф-89: сб. М., 1989.

Андреев В.Л. «Детство», М., «Советский писатель», 1964 г.

Архипенко В.К Раскольников Федор Федорович // Реввоенсовет Республики: 6 сентября 1918 г. — 28 августа 1923 г. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С. 297–325.

Баранов В. Огонь и пепел костра. Горький, 1990.

Безбережьев С.В. М.А Спиридонова / в кн: Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М. 1991. 342 с.

Берберова КН. Железная женщина: Документальный роман — М., 1991.

Бондаренко И.И., Климов Д.В. Жертвы политического террора в России (1901–1912) / Терроризм в России в начале XX в. (Исторический вестник. — Т. 2. — Декабрь 2012).

Будницкий О.В. Введение // Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. — Ростов-н/Д., 1996.

Владимиров В. Левые эсеры в 1817–1818 гг. «Пролет, революция», 1927, № 4.

Владимиров В.« По делу Спиридоновой. Воспоминания. Повествование в документах». М.: «Прогресс-Академия», 1996 г.

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга — М.: Эксмо, 2008. Всероссийское Учредительное собрание. М. — Л. 1930,

Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. М., 1997.

Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. — М.: Русская книга, 2003.

Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре 1917–1918 гг. *Classic Russian Non-Fiction*

Граф Г.К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб.: Гангу т, 1997.

Гусев К.Д. Эсеровская богородица, М, 1992.

Гусев КВ. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим (роман). Петербургские зимы. Китайские тени. Литературные портреты. — М.: Книга, 1989.

Ингулов С. О бурно пожившей и бесславно погибшей партии: (Обзор литературы об эсерах) // Печать и революция. — 1922. —

Кн.8.

История политических партий России. М., 1994.

Зубов В.П. Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917–1925 гг.) Мюнхен, 1968.

Кан Г. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2012.

Кольцов П.С. Дипломат Фёдор Раскольников. М.: Издательство политической литературы, 1990.

Кондратьева Т.С. Фёдор Раскольников: трагедия революционера и трагичность идеи. Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 41–71.

Кравченко Т. «Возлюбленная террора». М.: «Олимп. Русич», 1988 г.

Краус Т. Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского переворота, 1917–1928. Будапешт: Венгерский институт русистики, 1997. 252 с.

Крупская Н.К. Воспоминания о В.И. Ленине. М. 1957.

Лавров В. Мария Спиридонова. Террористка и жертва террора. М.: «Прогресс-Академия», 1995.

Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. Сост. Наумова А.И. М.: Сов. писатель, 1969.

Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996.

Леонтьев Я. Измайлович Александра Адольфовна// Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. М., 1996.

Майоров Л.И По паутине памяти колымчанина. Уфа, 2007,

Мельгунов С. «Красный террор в России. 1918–1923 гг.

Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991

Мятежная чета в Кабуле. Письма Ф. Раскольникова и Л. Рейснер Л. Троцкому (1922 г.)

Никулин Л.В. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М., 1962.

Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. — М., 1989.

Пржиборовская Г.А. Лариса Рейснер. М.: Молодая гвардия, 2008. 487 с.

Поликарпов В.Д Ф. Раскольников // Огонёк. 1987. № 26.

Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. М., 1996.

Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., РОСПЭН, 2008.

Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор / Индивидуальный политический террор в России XIX в. Материалы конференции. М., 1996.

Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / АН СССР, Ин-т истории СССР. — М.: Наука, 1982.

Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. — М.: Прогресс, 1989.

Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М, 1990.

Раскольникова М.В. Тень быстротечной жизни. М.: Советский писатель, 1991.

Савченко В.К Отступник. Драма Федора Раскольникова. М: Детектив-Пресс, 2001.

Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж, М., 2003.

Радзиловская Ф.Н., Орестова Л.П. Мальцевская женская тюрьма. В кн.: На женской каторге. М. 1932.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957.

Свирин В. «Невольница вождей». М.: Проспект, 1996.

Семенов К Главное произведение // Журналист. 2000. № 8.

Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968.

Стровский Д. Стоит ли избегать противоречий? Еще раз о сложной судьбе Фёдора Раскольникова // Журналист. 2000. № 12.

Суворов В. Очищение. М.,2005.

Суханов Н.Н. Записки о революции. — М.: Политиздат, 1991. — Т. 1, Кн. 1–2.

Фанни Каплан, или кто стрелял в Ленина? Сборник документов. Составители: В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань 1995.

Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. Оппозиционер. 1923–1929.

Ходасевич В. Воспрминания о Горьком. М, 1989.

Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991.

Шаламов В. Воспоминания. М., 2001.

Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997

Шошков Е.Н. Наморси А.М. Щастный (Трагическая биография в событиях, датах и комментариях). — СПб: Петровский фонд. 2001.

Шумов С.А., Андреев А.Р. История Афганистана. М., 2002.

notes

Примечания

1

Настоящая фамилия — Станчев, внук известного болгарского революционера. Первый председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, затем Председатель СНК УССР.

2

Михаил Яковлевич Герценштейн — российский политик и общественный деятель, экономист, публицист, член 1 Государственной думы, от партии кадетов, призывал к принудительному изъятию земельной собственности у частных владельцев. Был убит 18 (31) июля 1906 года на берегу Финского залива в Териоках (ныне город Зеленогорск в составе Курортного района Петербурга). Наряду с уголовниками, непосредственными исполнителями убийства, в деле фигурировал созданный в 1905 году черносотенный «Союз русского народа».

3

6 сентября 1901 года анархист Леон Чолгош смертельно ранил из пистолета Уильями Мак-Кинли (ум. 14.09.1902). Мак-Кинли стал третьим по счету президентом США, убитым во время президентского срока.

4

Бунд — еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 90-х годов XIX века — до 40-х годов XX века. Бунд считал себя единственным представителем интересов достаточно многочисленного на этих землях еврейского рабочего класса. Представители Бунда занимали руководящие роли в общероссийском меньшевистском движении, вели политический диалог с кадетами, но от сотрудничества с большевиками отказывались, так как отрицали возможность немедленного перехода к социализму и считали более предпочтительной для страны буржуазно-демократическую альтернативу. Первоначально включали в арсенал деятельности терроризм.

5

Зинаида Гейнгросс, по мужу Жученко, убежденная монархистка, вступила в партию эсеров, чтобы изнутри освещать ее деятельность и предотвращать теракты. П.А. Столыпин так характеризовал Зинаиду: «Жученко является личностью далеко не заурядною: она одарена прекрасными умственными способностями, хорошо образована, глубоко честна и порядочна, отличается самостоятельным характером и сильной волей, умеет оценивать обстановку каждого отдельного случая, делу политического розыска служила не из корыстных, а из идейных побуждений и фанатически, до самоотвержения, предана престолу, постоянно заботится только об интересах дела». Находясь в Германии, была разоблачена В. Бурцевым, который писал о ней «Опасная противница революционного движения, эсеров в частности, действовала только по убеждению вредности всякой революционной деятельности».

6

Михаил Гоц (1866–1906) — российский политический деятель, один из создателей партии социал-революционеров, идейный вдохновитель индивидуального террора, «наставник» Ивана Каляева.

7

«Бессмысленное, уродливое слово, — с горечью замечал Ленин о стихийно сложившимся термине „большевик“, — не выражающее абсолютно ничего, кроме того чисто случайного обстоятельства, что на съезде 1903 года мы имели большинство».

8

Троцкий был очень близок к Ленину в первые годы их участия в социал-демократическом движении, однако примкнул к меньшевикам, и их пути разошлись. В эмиграции они жестоко ссорились, поскольку Троцкий думал о воссоединении, а Ленина волновало в первую очередь поглощение меньшевиков большевиками. Ссорились и из-за денег, которые добывались путем «экспроприаций». Меньшевики были принципиальными противниками терактов и ограблений и оказались правы, поскольку действия боевых групп выродились в обыкновенный бандитизм. После февральской революции оба лидера возвратились в Россию, и Троцкий стал лидером Межрайонной организации объединенных социал-демократов («межрайонцев»), выступавших за восстановление единства РСДРП. Он пришел к большевизму «несколько неожиданно и сразу с блеском». Впоследствии ему часто ставили в вину его прежнее членство во фракции меньшевиков.

9

Редактор собрания сочинений Ленина в примечании к этому письму добавляет: «За белый террор против большевиков по инициативе рабочих масс эсеры были подвергнуты красному террору и разгромлены во всех сколько-нибудь значительных пунктах центральной России».

10

Однако имеются и другие сведения. А. Биценко к известному выступлению левых эсеров 6 июля отнеслась отрицательно, вошла в группу противников борьбы с коммунистами, объединившуюся вокруг газеты «Воля Труда». На 1 съезде избрана членом ЦК Партии революционного коммунизма, отколовшейся от ПЛСР. В 1918 году вышла из партии левых эсеров и вступила в РКП(б). Свое перерождение она обосновала идеологически. По ее ироническому свидетельству, «что ни социал-революционер, то или особый оттенок в теоретическом обосновании программы и тактики и, в частности, террора или же вовсе совсем особое, такое своеобразное миросозерцание с вытекающим из него своим обоснованием деятельности». Во время процесса над правыми эсерами (8 июля — 7 августа 1922) защищала «группу эсеров, отошедших от партии и осудивших методы ее борьбы». В дальнейшем — на советской работе. Арестована в 1938 году по обвинению в принадлежности к эсеровской террористической организации, расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

11

После Ноябрьской революции 1918 года в Германии и поражения стран Четверного союза в первой мировой войне Советская России 13 ноября 1918 года в одностороннем порядке аннулировала Брестский договор.

12

Не путать с другой Марусей, Марией Григорьевной Никифоровой (1885 (7)-1919). С 16 лет она примкнула к полууголовным и маргинальным элементам анархистов. На ее счету бомбы, брошенные в поезд, в магазин, в кафе. В этот период она взяла псевдоним «Маруся». За совершение 4-х убийств и несколько «эксов» приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Сумела бежать во Францию, где, будучи гермафродитом, поступила в Парижскую военную школу и успешно ее закончила. В офицерском звании воевала в составе французских войск в Македонии. После Февральской революции спешно вернулась в Россию. Антонов-Овсеенко назначил Марусю начальником красных кавалерийских отрядов в Степной Украине с выдачей соответствующих денежных средств. Их Никифорова использовала для формирования Вольной боевой дружины, занимавшейся эксами как у граждан, так и у политических. После заключения Брестского мира Никифорова резко порвала с большевиками, и занималась грабежами и казнями. Хотя список ее деяний тянул на безусловный расстрел, большевики только лишили ее права занимать руководящие должности. Это не помешало Марусе продолжить свои «подвиги». Белогвардейцы приговорили ее военным судом к смертной казни и расстреляли.

13

Лёву и его деда привлекли по делу об «Уфимской коммуне» через год. Он все-таки в том же 1937 году получил аттестат уфимской школы № 5 и вместе с дедушкой вернулся в Казань, к матери. Выдержал вступительные экзамены в Казанский Государственный университет на геолого-почвенный географического факультета, но в связи с арестом отца в поступлении ему было отказано. Последующие события его жизни изложены в беллетризированной документальной книге воспоминаний «По паутине памяти колымчанина», созданной под псевдонимом Андрей Гордеичев (Майоровы были родом из деревни Гордеевки, а Андрей — имя любимого деда).

14

Радековский посмертный портрет Ларисы Рейснер исполнен большевистской риторики; он свидетельствует о хорошем знании подробностей ее биографии и, увы, содержит мало мемуарного.

15

Приват-доцент — ученое звание внештатного преподавателя в университетах и некоторых других вузах дореволюционной России и ряда зарубежных стран (Энциклопедический словарь).

16

Символизм — одно из крупнейших течений в искусстве (литературе, музыке и живописи), характеризующееся экспериментаторством, стремлением к новаторству, взявшее символ за основу искусства, широко использующее символику, недосказанность, намеки, таинственность и загадочность.

По другим сведениям А.И. Непенин был убит выстрелом в спину.

18

Акмеисты, пришедшие на смену символистам, не имели детально разработанной философско-эстетической программы. Но если в поэзии символизма определяющим фактором являлась мимолетность, сиюминутность бытия, некая тайна, покрытая ореолом мистики, то в качестве краеугольного камня в поэзии акмеизма был положен реалистический взгляд на вещи. Туманная зыбкость и нечеткость символов заменялась точными словесными образами. Слово, по мнению акмеистов должно было приобрести свой изначальный смысл.

19

Это зверство, однако, опровергается публикацией газеты «Русское слово»: «Выяснилось, что женский ударный батальон был оставлен в Зимнем дворце путем обмана. В настоящее время около 200 добровольцев этого батальона находятся в безопасности близ Петрограда. Слухи о массовых самоубийствах в их среде оказались неверными. Не подтвердились и слухи о насилиях над ними со стороны солдат, но Тырковой установлено, что в Павловских казармах, куда привели добровольцев, с них срывали погоны, били прикладами, обливали нечистотами, делали им гнусные предложения.

20

Вооруженное формирование Комитета членов Всероссийского учредительного собрания, одно из первых формирований белых войск на Востоке России во время Гражданской войны.

21

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. Неопубликованная монография.

22

Плохая или второразрядная актриса, женщина, стремящаяся к артистической карьере, к внешнему успеху, блеску и переносящая актерские манеры в жизнь. Толковый словарь Д.Н. Ушакова.

23

Но однозначно назвать актрису агентом Кремля нельзя. Слишком примитивно ставить вопрос «агент не агент». Просто человек, подобный Чеховой, не мог быть не связан с теми, кто, как и она, оказался в огненной точке истории. Она жила в Германии с 1921 года, благодаря красоте и таланту была вхожа в высокие политические сферы. Реальная история жизни Ольги Чеховой полна тайн, в мемуарах они едва намечены. Ни исключить, ни подтвердить факт ее сотрудничества с НКВД невозможно, но слухи редко возникают на пустом месте.